ЛИНДСИ ПАЙПЕР
ЗАКЛЯТИЕ КОРОЛЯ

...

Посвящается М. Б. и К. Л.

Спасибо за Билли

...

Я благодарна моей семье, моим друзьям, моему агенту, а также Лорен и Кейт. Я держала ключи от Страны Чудес. Вы вдохновили меня открыть дверь.

...

Малнефоли:

Нет времени на формальности, кузен. Прости меня.

Мой дорогой Калеб мертв. Мы с Джеком в тюрьме. Доктор Астер одержим желанием узнать, как Джек мог родиться естественным путем. Бесконечные исследования и пытки. Он вырезал один мой яичник. Костяшки пальцев до сих пор не зажили. Он отрежет мне руки, если я снова начну сопротивляться, но я пытаюсь всякий раз, когда мой малыш начинает кричать.

Те, кого искалечили, отсылаются в Клетки. Некоторые не возвращаются. Рид, из нашего клана Тигони, попытается сбежать прежде, чем его постигнет та же участь. Я почти не надеюсь на успех. Его свели с ума. Ампутировали ногу. Вырезали язык.

Прошу, помоги нам! Ты управляешь Советом. Я знаю, что у нас мало общего, но если ты продолжишь меня наказывать, Короли Дракона погибнут. Астер хранит секрет нашего выживания, но такой ценой?

Поспеши, Мэл.

С любовью и верой в Дракона,

Нинн

Глава 1

Она находилась не в лаборатории. Это все, что она поняла. Запахи были другими. Меньше стерилизующих средств и воздух не настолько очищен. Больше телесной вони. Мочи и пота. Грязи. Мокрых камней.

Одри открыла глаза и моргнула. Отодрав себя от пола, встала на колени и руки. Боль колотилась в висках — от незаживших ударов по голове и ее собственного лихорадочного пульса. Усилие, которое понадобилось, чтобы поднять голову, было похоже на попытку вынырнуть из ямы с жидким цементом.

Зрение вернулось и картинка перестала быть размытой, как только она привыкла к тусклому свету. Всего две голых лампы накаливания. И густой туман в похожей на пещеру комнате. Даже когда ее глаза согласились работать и сфокусировались, этот туман не позволял рассмотреть детали. Она не могла определить, где начинаются и заканчиваются покрытые водорослями стены.

Ее крошечную тюрьму ограждала решетка. Прочное железо. Она подняла затекшие руки и схватилась за холодный металл. Отчаянье грызло ее изнутри. Заколотив по решетке, она закричала:

— Где мой сын?

В лаборатории им с Джеком было позволено делить одну камеру. Там не было решеток. Только покрашенные в черный стены. И так же безлико. Но в той тюрьме она чувствовала себя почти в безопасности. Она держала своего мальчика на руках и благодарила тьму за то, что та скрывает худшие их раны.

А теперь ей остались лишь железные прутья, водоросли и черная яма вместо сердца.

— Где он? Астер! Сукин ты сын!

Шаги.

Волоски на ее руках встали дыбом. Пульс ускорился, и тогда она почувствовала собственное грязное тело. И свою уязвимость. На ней была лишь бумажная больничная рубашка, ни обуви, ни нижнего белья. Ее притащили сюда прямо из лаборатории? Последнее, что она помнила, это как ее привязывают к операционному столу после того, как она передала записку Риду. Через маску в ее рот и нос накачивали наркоз, но впервые за много месяцев она ощущала надежду.

Возможно, этим и объяснялось ее головокружение. Из операционной в проклятую Драконом пещеру.

Теперь на ней был гасящий ошейник. Но зачем? Ее силы ни разу не проявлялись. Единственным незаурядным событием в ее жизни было рождение первого за целое поколение Короля Дракона, появившегося на свет естественным путем.

Она заставила себя не отвлекаться на второстепенные детали. Ищи возможность выбраться. Способ выжить. Железная решетка была безнадежно крепкой, зато пол был бетонным, с выбоинами.

С трещиной в углу.

Одри выбрала место, где влага выточила небольшую каверну. Тени болевших фаланг марионетками затанцевали по стене. Ее пальцы кровоточили. Она вытерла пот со лба. Пальцы ног поджимались, чтобы удержать равновесие, а Одри царапала все сильнее и быстрее.

Шаги зазвучали громче. Тяжелые. Уверенные. Определенно мужские. Слишком тяжелые для обычного человека. Громила. Один из телохранителей картеля Астера. У нее не было ни единого шанса, но она продолжала царапать. Воздух в легких превратился в горячий пар.

Кусочек бетона, размером примерно с ее кулак, поддался. Заостренный край давал надежду. Если она сможет попасть точно в висок чужака...

Она пятилась от решетки, пока не прижалась спиной к каменной стене. Скрутив длинные волосы в жгут, сунула их за ворот больничной рубашки. И покачалась с пятки на носок, готовясь к броску.

Как близкая родственница семьи Благородного Гивы, она с ранних лет обучалась боевым искусствам. Да, она никогда не владела силами своего рода и давно не практиковалась, но могла за себя постоять. Осколок бетона уверенно лежал в руке. И была большая разница между просто смертью — и смертью в бою.

В нишу пещеры проник яркий луч фонарика. Одри прищурилась. И наблюдала из-под ресниц. Мужчина превосходил ее во многом. Осознание этого должно было испугать ее. Превратить ее позвоночник в грязь и заставить плакать. Но она больше года провела в качестве жертвы — одурманенной, связанной, беспомощной, — и теперь ощущала силу. Не было кандалов. Не было галлюциногенов. Только камень в ее руке и сияние чистой ярости.

Мужчина появился в поле зрения.

Явно выше двух метров, сложен так, чтобы с легкостью ломать кости и отрывать конечности. Мускулистый. Сплошные мышцы. Мощные бицепсы. Пластины металла прикрывали его сердце и жизненно важные органы, оставляя свободными руки. Сапоги из жесткой кожи, высотой до голени. Мускулы обнаженных бедер рельефно сокращались при малейшем движении. Но он был не из тех, чьи движения можно назвать «малейшими». Все в нем подавляло размерами. Весь его вид со вскинутым подбородком говорил: *пощады не будет.*

Одри мысленно пнула инстинктивное желание убежать. И отодвинулась дальше в тень. Что было бесполезно, потому что он направил луч фонарика прямо ей в лицо. Она прищурилась и держала правую руку за спиной, пока он открывал клетку.

— Мерзавка, — пробормотал он.

— А ты предатель, — выплюнула она на языке Королей Дракона. Языке, которым не пользовалась почти десять лет.

После встречи с Калебом она почти не вспоминала старых путей. Счастье человеческой жены было слишком воздушным. И слишком прекрасным, чтобы длиться долго. Но когда-то давно вся ее жизнь шла путем Королей Дракона — путем ритуалов и тайной силы.

Несмотря на изгнание из ее клана.

Многолетняя ярость вернулась мгновенно. И скрытое напряжение в ногах взорвалось. Она прыгнула. Дверь клетки распахнулась, ржавые петли издали протестующий визг.

Сила ее прыжка даже не пошатнула присевшего на корточки мужчину. Он только хрюкнул. Инстинкты Одри сработали быстро, поднимая осколок бетона вверх, вверх, по крутой дуге. Целилась она правильно. Острый край ударил его в висок. И снова хрюканье.

А затем Одри швырнуло через комнату.

Сначала плечо врезалось в пол, за ним голова. Крик обжег горло. Она проскользила три фута. Агония прокатилась по костному мозгу, словно боль всегда была частью ее тела.

Он просто... швырнул ее.

Крупному мужчине потребовалось всего два шага, чтобы пересечь камеру и подойти к Одри, распластавшейся на полу. Он выхватил осколок у нее из руки и бросил его в тоннель.

— Слышишь меня, лабораторная мразь?

Древний язык загрохотал в ее мозгу. Слова, переданные благословенным Драконом. Тело не работало. Легкие отказывались качать воздух. Что-то в бедренном суставе болезненно сдвинулось. Ее кивок был чисто рефлекторным.

— Если попытаешься ударить меня снова, я сломаю тебе хребет. Как думаешь, сможешь ты это залечить? Наш вид способен перенести многое, куда больше людей. Но мы не бессмертны.

— Где мой сын? — удалось проскрипеть ей.

— Все равно что мертв. А теперь вставай.

Он подхватил ее под мышки и бросил спиной на стену. Раскаленные иглы боли вонзились в суставы. Она ахнула, когда нахлынула паника. Она хотела драться. Хотела. Но не могла, как и тогда, когда доктор Астер накачивал ее препаратами или когда из-за пыток ее мозг отключался.

Что не мешало, впрочем, рычать и плеваться.

Он говорил на языке Королей Дракона, а это значило, что он принадлежит к одному из Пяти высших кланов. Но служить этому сумасшедшему? Он был мразью. Кислая рвота подкатывала ко рту.

— А норов тебе до сих пор не сломали. — Его мускулы напряглись, удерживая ее неподвижно, но дыхание оставалось ровным. — Теперь понятно, почему Старик Астер изменил планы относительно тебя. Мы отлично проведем время.

Фонарик катился по полу до тех пор, пока не остановился, освещая лицо ее тюремщика. Кровь текла по его щеке из рваной раны, которую она нанесла осколком. Он был гладко выбрит, темные волосы коротко острижены. Глаза цвета темного дерева смотрели бесстрастно, непроницаемо. Длинные ресницы отбрасывали тень на острые скулы. Шрам над верхней губой многое говорил о том, что он принимал участие в битвах. Толстую мускулистую шею охватывал гасящий ошейник.

Татуировка в виде змеи обвивала его голову. Язык змеи трепетал на одном виске, на другом извивался хвост. Символ семьи Астера.

Осознание ледяным комом упало в живот. Он был куда опаснее простых громил из лаборатории.

Частично страшилка, частично миф — он был воином Клетки.

— Ты теперь собственность картеля Астера, лабораторная дрянь. Но с экспериментами они закончили. — Губа со шрамом вздернулась в оскале улыбки. — Ты здесь, чтобы драться в Клетках.

Лето не ожидал от этой женщины особого сопротивления. И теперь перспективы согревали кровь. Слишком долго его единственным удовольствием была подготовка к ежегодному Конфликту — главному призу для самых целеустремленных воинов.

Таких, как Лето.

Ежемесячные матчи в Клетке были необходимы для поддержания себя в форме. Тренировавшихся Королей Дракона до первой победы в бою называли неофитами. Хотя большинство из них были волонтерами, эти матчи они считали каторгой, ради того, чтобы как-то отдавать долги. Храбрость, достойная битвы, у этих встречалась редко. Некоторые оказывались слабаками и нытиками, почти как люди. Но были и те, кто шагал к величию. Таких победителей Лето готовил.

Его щека обильно кровоточила. В ошметке из лабораторий доктора Астера оказалась неожиданно яркая искра.

— Ты сумасшедший, — прорычала она. — Я туда не пойду.

— Ты когда-нибудь видела бои в Клетке?

Ее передернуло.

— Конечно же нет! Они для варваров.

Быстрым движением, которое никак не относилось к его Драконьим талантам, Лето развернул ее.

— А теперь слушай меня. Ты считаешь меня варваром, так что, поверь, я не угрожаю впустую. И твои страдания не станут грузом для моей совести.

— Потому что у тебя ее нет. — Ее щека была прижата к стене, отчего слова казались приглушенными.

Лето ослабил хватку. Если он сдавит ее сильнее, то вывихнет ей плечо. Его же целью было не увечить своих подопечных, а готовить их. Он выбрал другой способ подчинить новенькую. Свободной рукой он ухватил ее между ног.

— Совести нет, — холодно ответил он. — Есть способ добиться своего.

Она застыла. Сжалась. Но Лето осознал, что его собственное сердце колотится слишком быстро. Сейчас он хотел лишь попугать Одри. Воинам Клетки позволяли познать женскую плоть только после победы — но некоторые не сдерживали похоть и насиловали своих подопечных. Были такие, кто слишком часто пользовался своей властью. Их неофиты становились покорными, а не живучими и сильными. Лето никогда не прибегал к таким примитивным методам. У него были другие способы и бесконечный запас терпения.

И он не проиграл ни одного поединка. Мало кто из воинов мог похвастаться тем, что регулярно получает приз — удовлетворение своих сексуальных потребностей.

Она стойко терпела, хотя сила захвата возрастала.

— Если ты считаешь, что в лабораториях Астера со мной не проделали худшего, ты явно не в курсе происходящего в них.

— А мне неважно. — Он в последний раз сильно сжал ее промежность. На этот раз она хотя бы вздрогнула и попыталась отстраниться. Любая ее реакция давала ему преимущество. — Может, тебе понравится. Удовольствие может стать дополнительным стимулом.

Она ударила головой назад. Ее затылок врезался ему в переносицу. Боль фейерверком взорвалась в мозгу. Женщина вывернулась из его рук и побежала. Лето помотал головой. Часть его поражалась тому, что она сопротивлялась ему.

Но в основном он потешался — ну и куда она собралась бежать?

С конца короткого коридора, упиравшегося в решетку ее камеры, раздался женский крик. Полный отчаянья. По оглушительности — не слабее звуковых атак, которыми сопровождалась ярость берсерков из клана Пендрей. Они бесили его до невозможности. Ценой за победу над этими проклятыми Драконами Потрошителями была недельная мигрень.

Он вытащил полоску ткани из-под нагрудной пластины доспеха и вытер лицо. Рана на щеке оказалась почти сквозной. Женщина продолжала свою тираду. Высокие протяжные звуки эхом неслись по коридору.

— Чертовка, — пробормотал он себе под нос.

И все же ему удивительно не терпелось начать.

Лето расправил плечи и вскинул подбородок. Семья Астер управляла самыми мощными криминальными картелями в мире людей. Его победы над мятежниками собственного картеля — Таунсендами из Англии и Кавашима из Гонконга — принесли Лето множество привилегий. И, в числе прочих, право для его сестры Йеты и ее мужа Дэлниса родить малышку. Вскоре, с благословения Дракона, его усилия помогут заработать протекцию и уход для младшей сестры, Пэлл, лежащей сейчас в коме. Йета и Дэлнис, в человеческом мире, который они сделали своим домом, почти десять лет несли на себе бремя заботы о Пэлл.

Он будет побеждать в Конфликте, год за годом. Чтобы хранить безопасность своей семьи. Чтобы гарантировать выживание клана Гарнис.

Уверенность придала легкости его шагам, когда Лето отправился по наклонному коридору в сторону вопящей неофитки. Одри стояла спиной к решетке из кованого железа, закрывавшей пещеру от пола до потолка. Ключа у Лето не было. Его впускала и выпускала человеческая стража Астеров. Электропогонялки для скота, электрошокеры и пули с напалмом могли сдержать даже самого сильного Короля Дракона. Потому что на нем был ошейник.

Лето никогда не протестовал. Зачем? Этот подземный каземат всю жизнь был местом и целью его славы, здесь дрался его отец. И здесь же погиб, пытаясь послужить тем, кого любил. Был обезглавлен Драконовым лезвием.

— Держись от меня подальше!

— И не подумаю. — В ее словах звучала уверенность, которую он ощущал.

Она рванулась вперед. Несмотря на изящное телосложение, она оказалась жилистой и удивительно сильной. Но с ним ей никогда не сравниться. Он поймал ее на середине движения. По инерции Одри налетела животом на его предплечье. Он снова швырнул ее на землю. И наступил каблуком на ее ошейник, прямо над гортанью.

— Так ты только покалечишься. Придержи свой огонь. Он пригодится тебе для Клеток.

Она баюкала локоть и глазела на него бледными, очень светлыми глазами — возможно голубыми.

— Я буду тренировать тебя для твоего первого боя, через три недели, — продолжил он. — Обычно дается больше времени, но Старик Астер хочет, чтобы ты была готова раньше. Он пригласил много важных людей.

Лето убрал сапог, схватил и намотал на кулак горсть ее волос — светло-медовых, спадавших до середины спины. Это следовало исправить. Его собственный опыт показал, как опасны в бою длинные волосы.

— Отпусти меня!

— Нет. — Он потащил ее обратно, к главному помещению для тренировок. Толкнул в каверну, выдолбленную постоянно текущей водой. — Вымойся. Я не работаю с мусором.

Она зашипела, когда холодная вода полилась по лицу и спине. Тонкая больничная рубашка облепила ее тело. Вскоре это будет бесполезная мокрая тряпка. У него были доспехи, в которые она сможет переодеться. Позже. Вначале ей нужно указать ее место.

— Мыло?

Лето скрестил руки.

— Это что было?

Она сжала губы в тонкую бледную линию. Медовые волосы потемнели под струйкой воды. Ее руки и ноги дрожали. Она сжалась в комок, пытаясь закрыться.

Если бы женщина не спросила, Лето ждала бы уйма грязной работы. На определенном уровне ему хотелось ее сломать. Но он жаждал настоящего противника. А у нее был, похоже, нужный потенциал, если только ей хватит мозгов понять, когда пора отступить.

— Могу ли я получить немного мыла? — Просьба далась ей непросто, и все ее лицо исказилось от ярости.

— Возможно.

Он медленно опустился на колени перед ней. Он достаточно тренировал и тренировался в Клетках и умел почувствовать, когда проявление доброты производит больший эффект, чем агрессия. Она забилась поглубже в каверну, но страха в ее взгляде он не увидел. Бледные, почти серебристые глаза смотрели на него из-за завесы воды. Она уже стала чище. Теперь он мог различить черты ее лица. Упрямая. Каждая черточка говорила об упрямстве.

— Я редко даю советы, которые не касаются техники боя. Но послушай меня сейчас: прибереги свою враждебность. Я тебе не враг.

— Фигня.

Она отбросила мокрые волосы, открывая лицо в форме сердечка. Заостренный подбородок казался надменным, но губы были нежными. Тонкими. Дрожащими. И, будьте свидетелями все Короли Дракона, кожа ее — естественно смуглой. И блестела, как золото под ярким солнцем. Широкие скулы были раскрашены веснушками, а не грязью, как он подумал. Вода затемнила ее ресницы, подчеркнув невероятные, почти прозрачные глаза. Взгляд был внимательный. Она оценивала каждую деталь, несмотря на свою ярость.

Ум у новичков был обоюдоострым мечом.

— Можешь превратиться в полумертвую отбивную, мне все равно, — Лето пожал плечами. — Ты знаешь, как сложно убить Короля Дракона. Но толпа любит смотреть, как бойцы кричат, истекая кровью. Никто о них не горюет.

— Мой сын оплачет меня, — прошептала она.

— Он уже это делает. Доктор Астер наверняка сказал ему, что ты умерла.

— Я дала обещание сыну. Еще один год.

Один год.

Он едва ли не пожалел ее за наивность. После первого матча ей повезет, если она сможет стоять, или говорить, или жевать. Да, она исцелится, как все Короли Дракона, но процесс регенерации не идеален. Ампутированные конечности не отрастали. Сознание разрывалось в клочья безумия. И оставались шрамы. Его разрезанная губа и исполосованная спина тому свидетельство.

Но он спрятал свой пессимизм и застарелую боль. Сейчас она была его ответственностью. Он еще ни разу не подводил Старика. И не позволит этой женщине уничтожить то уважение, которого Лето добивался долгие годы.

— Учись сражаться, — сказал он ей. — Иначе пострадаешь, как остальные.

Она содрогнулась. Больничная рубашка облепила ее. Она спрятала под подол колени и прикрыла груди, скрестив дрожащие руки. Вода позволила ей сохранить пару секретов.

— А ты здесь для того, чтобы учить меня?

— Ты избавила бы себя от уймы проблем, задав этот вопрос минут двадцать назад.

— *Bathatéi*, — самое грязное ругательство на языке Королей Дракона.

Лето лишь рассмеялся.

— Твое имя. Быстро.

Она ударила его кулаком. Он с легкостью перехватил ее руку, а затем и вторую. Единственным ее оружием остался — хотя она могла этого и не осознавать, — внезапный вид ее обнаженной груди. Размокшая бумажная рубашка только подчеркивала ее обольстительные формы. Лето усилием воли заставил себя смотреть ей в лицо.

— Твое имя, — сказал он с нарастающей угрозой. — Но, если ты предпочитаешь называться лабораторной грязью...

— Мое имя в обмен на мыло.

Он улыбнулся. Это обещало быть забавным.

— Согласен.

Она сглотнула, ошейник на шее дернулся. И вскинула подбородок.

— Меня зовут Одри МакЛарен.

Глава 2

— Твое настоящее имя.

Во имя Дракона, его спокойствие раздражало. Он отпустил ее запястья.

Одри не чувствовала пальцев на руках и ногах. Больничная рубашка превратилась в бумажные комки на плечах.

— Это оно. Я Одри МакЛарен.

— Возможно, но только среди людей. Я не стану упоминать здесь такой грязи.

— Конечно, ведь это место такое чистое.

— Мои правила.

— Ты говоришь, как мой сын. Нахальный. И ждущий, что все будет, как он захочет.

Он уставился на нее с презрительной снисходительностью.

— И как, ему удалось установить правила в лаборатории Астера?

— Ах ты кусок дерьма!

— Обзывай меня сколько хочешь. Твоей ситуации это не изменит.

Все в его грубых мускулах и высокомерной позе говорило, что попытки отбиваться бесполезны. Она слишком ослабела от голода и измучилась от боли. Для того, чтобы дать отпор не на словах, у нее не было сил.

Но слова у нее *были*.

— Я урожденная Нинн из клана Тигони.

Мужчина вздрогнул. Она пробила его высокомерный фасад.

— Тигони? В Клетках?

— Ты меня слышал. Малнефоли, Благородный Гива, мой кузен.

Малнефоли был лидером Совета из десяти персон, которые защищали древние традиции Королей Дракона.

— Наше происхождение здесь ничего не значит. — От услышанного сюрприза мужчина оправился так же быстро, как и от физических ее атак. — Здесь мы всего лишь бойцы для Астеров.

Она не могла прочитать его взгляда — его глаза были насыщенно карими, как переплеты старинной книги, — но удовольствовалась другими подсказками. Он не до конца расслабил плечи. Грациозность уверенных движений сменилась резкостью. И морщины у рта пролегли четче.

Какой же силой он обладает? Узнав его клан, она узнает и силу. У каждого клана были определенные способности, передающиеся по наследству в вырождающихся поколениях. Тигони не просто так вдохновили людей на мифы о молниях Зевса. Они собирали и

концентрировали кинетическую энергию — что в итоге выглядело весьма похоже на грозовые молнии.

Но ее мучитель мог оказаться и гибридом.

Одри росла в клане Тигони, но мало кто не напоминал ей об истинном ее происхождении. Ее неизвестный отец был Пендреем, одним из яростных берсерков, вдохновивших Северные и кельтские мифы. Только Мэл смог простить ее мать. Место Одри в клане Тигони было оправдано лишь его вмешательством.

Дети-гибриды могли наследовать невероятные — и опасные — способности в уникальном их сочетании. Или же не наследовали ничего. Как Одри. У нее так и не выработался иммунитет к чужому презрению и сплетням.

Имя Одри она услышала в одном из американских фильмов. И вместе с Малнефоли они согласились, что лучше ей будет покинуть твердыню Тигони в высоких скалистых горах Греции. Она получила образование в закрытой школе Америки. Деньги и влияние клана гарантировали, что со временем она станет американкой.

Она повстречала Калеба в безобидном книжном магазинчике колледжа, среди подержанных текстов и канцелярских товаров. История Российской Империи — этот курс они, как оказалось, оба посещали, дружно закатывая глаза на лекциях слегка сумасшедшего профессора-шотландца. Они поженились еще до выпуска, и она любила его всем сердцем.

Но хранила свои секреты. Она была из Королей Дракона. Жизнь до закрытой школы была сплошной ложью. Он женился, не зная ее имени.

Но несмотря на чувство вины, она защищала свою новую жизнь — и глубоко похоронила боль от изгнания. А теперь ей уже никогда не вернуться ни в один из домов. Джек был не просто ее сыном — он был всем, что у нее осталось в жизни.

Лето поднялся, не сводя с нее глаз.

— Если ты сдвинешься с места, я оставлю тебя здесь на ночь. Замерзшую. Мокрую. Без мыла, одежды и еды.

Одежды и еды.

— Еще угрозы?

— Ты вернешься в запертую камеру вместо свободного перемещения по залу для тренировок.

— Это зал для тренировок?

— Для таких, как ты.

Сила в его голосе почти вынуждала ее покориться. Голос был низким, гортанным, словно заговорила глубокая рана. Ошейник словно прикипел к его горлу. Одри задрожала по причине, не связанной с холодной водой.

Он зашагал по коридору. Его развязный шаг бесил ее и в то же время завораживал. Рельефные, скульптурно вылепленные бедра несли его тело с удивительной грацией. Обнаженную спину покрывало кружево шрамов. Кожаные полоски доспеха, поддерживающие грудную пластину, скрещивались под лопатками.

Мускулистый. Жилистый.

И снова дрожь.

Одри оттирала с кожи бумагу больничной рубашки. Обнаженная, она отвернулась от пещеры. Благой Дракон, этот громила был прав. Она была грязной. Грязь и отмершая кожа сходили под ее ладонями, забивались под ногти. Вскоре она промерзла до самых костей, но наслаждалась новым чувством.

Она останется сильной и научится всему, чему сможет. Никто не разделит ее с Джеком. Она лишь молилась Дракону о том, чтобы к тому времени от ее мальчика что-нибудь осталось.

Мужчина вернулся. У ее бедра приземлился обмылок. Одри быстро схватила его. Мыла хватило как раз на то, чтобы домыться. Она обернулась через плечо, когда собралась помыть между ног. Он присел на корточки, опираясь спиной на противоположную стену. У его сапог лежала стопка свежей одежды.

Голая спина Одри покрылась мурашками. Он хватал ее за промежность. Вот lonayíр ублюдок!

Охранники в человеческой лаборатории пользовались ее телом, когда она была одурманена или связана. Глубинные инстинкты подсказывали, что этот мужчина захочет, чтобы она сопротивлялась.

Отвернувшись, она намылила свои грязные волосы. Год назад она жила с Калебом и Джеком в солнечном кондоминиуме Манхэттена, с видом на небольшой парк. Ее ванная была наполнена чувственными радостями. Мочалками. Солями для ванны. Увлажнителями кожи со всевозможными запахами, для разных целей. Сейчас все это казалось смешным.

Женщина, в которую она превратилась, радовалась чужому обмылку. По крайней мере он не был стягивающим кожу химическим дезинфектантом. Ее кожа огрубела, как и она сама. Это мыло казалось теперь почти... приятным. Маленькое изменение в режиме, но то самое изменение, которого ей отчаянно не хватало.

— Иди забери свою одежду.

Конечно же. Какой мужчина упустит возможность поглазеть на обнаженную женщину? Вот только она ожидала, что голос его окажется хриплым, дрогнет.

Одежда. Затем еда. Шаг за шагом стелились перед ней, как дорога из желтого кирпича перед Дороти, шагавшей к Изумрудному Городу. Она почти улыбнулась. Джеку было четыре, когда они впервые посмотрели «Волшебника страны Оз». Летучие обезьяны так напугали его, что Калебу пришлось обменять ОУБ на «Машины». Одри делала попкорн. Они разрешили Джеку не спать допоздна, чтобы досмотреть любимый фильм, но он засопел на диване, раскинувшись у Калеба на коленях. Ее муж, невероятно светлый блондин, гладил пшеничные волосы их мальчика.

Что бы этот варвар ни планировал с ней проделать, к воспоминанию это не будет иметь отношения. И к другим воспоминаниям тоже: к тому, как Калебу выстрелили в сердце. Она видела, как мгновенно покидает его жизнь. А затем послышались крики Джека. Краем глаза Одри заметила Короля Дракона в длинном плаще, а затем капюшон лишил ее зрения — но не ужаса.

Хорошее и плохое воспоминания горели внутри, пока она не начала задыхаться. От физической боли можно было отделиться, как по щелчку выключателя. Но боль ее сердца атаковала Одри в самые неожиданные моменты.

Даже когда она стояла, голая и мокрая, перед незнакомцем.

Все еще дрожа, она подошла к месту, где он сидел. Еще никогда она так четко не осознавала количество хирургических шрамов, оставленных экспериментами доктора Астера. Некоторые шрамы не заживают даже у Королей Дракона.

— Ты дашь мне мою одежду?

— Здесь тебе ничего не принадлежит.

Она стиснула зубы.

— Тогда могу ли я взять ее взаймы?

От веселья в его глазах Одри захотелось эти глаза выдавить. Он крутанул запястьем. У ее мокрых ног упали простой топ и женские трусики. За ними последовал странный кожаный наряд.

— Одевайся.

— Здесь?

Он кивнул.

Пусть смотрит. Чувство собственного достоинства сменилось единственным инстинктом: выживания.

— Моего маленького сына зовут Джек.

Она сосредоточилась на этих словах, пытаясь отвлечься от собственной уязвимости, которая заставляла сердце колотиться о ребра.

Штаны оказались туго обтягивающими, дубленая кожа с подкладкой из денима и чего-то, похожего на... шелк? Рубашка была сшита из такой же странной комбинации. Она тоже плотно облегала тело, но при этом не сковывала движений. Неужели с нее сняли мерки,

пока она была без сознания? Благой Дракон, сколько же существует способов унизить человеческое существо.

Впрочем, она не была человеком. Никогда не была, несмотря на количество фильмов от студии «Пиксар», пакетов с попкорном и бутылочек лосьона. Но, несмотря на это, она не могла избавиться от горя, наполнявшего грудь, как горячий песок. Ей нужно было проговорить это вслух.

Одри МакЛарен была учителем художественного класса в старшей школе, замужем за начальником маркетингового отдела. И это счастье она принимала как должное.

Теперь же как должное воспринималась только боль.

— Джек Роберт МакЛарен. — Сильное эхо коснулось задней стены тренировочного зала. — Ему почти шесть. Моего мужа звали Калеб Эндрю МакЛарен. Ему было тридцать четыре, когда он погиб, пытаясь защитить нашего сына. Я хотела бы проститься с ним, прийти на его похороны. Вместо этого я оказалась привязана к лабораторному столу. Доктор Астер язвил по поводу того, что никто не станет расследовать убийство. «Наша семья обладает значительным влиянием, миссис МакЛарен». Он всегда звал меня по имени мужа. Сыпал соль на все мои раны.

— Я не сказал, что тебе позволено говорить.

— Так останови меня.

Звероподобный мужчина встал. Такой чертовски высокий. Рост Одри, вполне пристойные метр семьдесят, рядом с ним ничего не значили.

— Это вызов?

— Я делаю, что сказано. Какая тебе разница, что я говорю? Мне нужно отвлечься на что-то, пока ты пускаешь на меня слюни. — Одежда была доспехом, буквально крепостью. И уверенность заполнила ее кости сталью. — Это тебя заводит? Смотреть, как беззащитная женщина дрожит и умоляет? Если я схвачу тебя между ног, ты, мерзкая скотина с промытым мозгом, я почувствую, что у тебя встал? Надеюсь, что нет. Думаю, что ты теребишь по ночам свой крошечный отросток и ругаешься без перерыва, потому что не можешь его поднять.

Массивные кулаки грохнули по его бедрам. Губа со шрамом дернулась. Глаза сузились до щелочек и теперь мерцали, словно драгоценный темный топаз. На его висках бился напряженный пульс, там, где заканчивалась татуировка змеи. Клеймо Астеров.

Отвратительно.

— Я не сказал, что тебе позволено говорить. — Это был не просто повтор. Это была прелюдия к жестокости.

Одри зачесала назад мокрые волосы и встретилась с ним взглядом.

— Старик хочет видеть меня здесь, и вряд ли ему понравится увидеть меня искалеченной. Могу поспорить, что ты не рискнешь его расстроить, *воин.*

Последнее слово она прорычала.

Воин бьется за свободу, а не за лакейские унижения в темноте.

— Ударь меня, заброс обратно в клетку или добудь мне какой-то еды, Дракон ее побери!

Во время схватки Лето стер бы эту наглую сучку в порошок. Переломал бы все ребра, прежде чем она смогла выпалить очередной бесящий его слог. Когда ошейники временно отключались, его скорость и рефлексы — отличительный знак клана Гарнис — позволили бы ему не только это.

Он не мог припомнить ни единого случая, чтобы неофит разбирался в тонкостях их отношений. Симбиоз. Если эта женщина не сможет развлечь публику, Лето разделит ее вину. Возможность потерять лицо бесила его до крайности.

Он задумался. Всегда было нечто, способное приструнить зарвавшегося неофита — неважно, насколько умного. Неважно, насколько, мать ее, сексуального.

Эту мысль Лето отбросил сразу. Точно так же, как попытался забыть заживающие хирургические разрезы на ее потрясающей золотистой коже. Осквернение.

— Возвращайся в клетку.

— Иди к черту.

— Можешь остаться здесь, но тогда я не буду тебя кормить.

Непокорность сияла в ее прозрачных глазах.

На этот раз Лето смог скрыть свое удивление оттого, что она знала, как выбирать битвы. Тигони не скрывали своего отвращения от Клеток. Они были Трикстерами в Пяти кланах, любили увиливать, а не драться. Они могли призывать огонь с небес, но мало кто воплощал свой потенциал. Потому что Тигони слишком много трепались.

— Возвращайся в свою клетку, Нинн из клана Тигони. Или я зашвырну тебя туда.

— А что случилось с позволением свободно перемещаться по этой... пещере?

— Оно было до того, как ты меня оскорбила.

Она с отвращением покосилась на его пах.

— Попала слишком близко к сердцу?

Он тянул ее за ухо, пока не коснулся его губами. От нее теперь вкусно пахло. Свежестью. Она отскоблила от себя сладковатый неестественный запах разложения, которым пропахли все присланные из лабораторий. Он никогда не позволял себе мысленно представлять себе лаборатории доктора Астера. Воображение лучше было приберечь для техник в бою. Но он не мог отрицать того, что говорили чувства.

Что бы там ни происходило, оно было просто неправильно.

Лето использовал ту же хватку, чтобы втолкнуть ее в квадратную железную клетку размерами четыре на четыре фута. Он терпеть не мог неподготовленности к любому противнику Никто ее ранга никогда не оказывался в Клетках. Тигони были практически элитой, с тех самых пор, как считались бога- ми-покровителями греков и римлян. Битвы оставались для самых бедных и отчаянных Королей Дракона. Или для таких как Лето, тех, кто бился с юношеского возраста, пытаясь спасти свой род. Но тренировать кузину из семейства Благородного Гивы?

Он запер замок и сел на корточки.

— Во время тренировок твоя личность не имеет значения. Важен лишь только твой дар от Дракона. И я чертовски уверен в том, какой именно у тебя дар.

— Мой дар ни разу не проявился!

— Не ври.

Он сказал это очень сухо, потому что видел доказательства ее разрушительной силы: лабораторию доктора Астера, с которой сорвало всю крышу. Ее ложь была очевидна.

Разве что... Возможно, она подверглась той же процедуре, что и его сестра Пэлл. Лето пережил дезориентацию и страх первого проявления своей силы, а его сестра не смогла. Мощные силы требовали вмешательства телепата. Иногда процесс установки подсознательных ограничений проходил плохо. Очень плохо.

Лето стряхнул дурное предчувствие. Пришло время добыть еду. На еду она точно ответит.

Он вышел без объяснений, не удивляясь, когда за спиной раздались ее крики.

Впервые входя в ее тренировочный зал, он знал, чего ожидать. А теперь он знал, как она выглядит без одежды.

Он вышел с разрешения охраны и прошагал между стражниками в коридор, ведущий к столовой. Повороты и спуски подземных тоннелей он выучил так, что мог бы пройти их с закрытыми глазами. Вот как сейчас. Зрение застилали видения Нинн. Талия и бедра, просто предназначенные для мужских ладоней. Гибкие ноги, чтобы обнимать своего мужчину за талию. Тугие соски, ждущие жадного рта.

Она ничего не поняла. Он подавил свое возбуждение лишь благодаря ментальной дисциплине. И вечером, в постели, у него не будет помех. В своей личной комнате он сможет насладиться этими эротическими картинками и избавиться от тянущего напряжения, которым она его наградила.

Столовая мало чем отличалась от тренировочного зала Нинн, разве что размером, и была вырезана в граните глубоко под землей. Десятки работников-людей, все мужчины, собрались на ужин. Длинные деревянные столы по краям обрамлялись простыми скамьями. В оловянных мисках лежали фасоль, рис, куски мяса, кукурузные зерна, хлеб с маслом.

Охранники получали свои миски от коренастого человека по имени Килгор.

— Пришел за своей порцией, Лето?

— Да, и за порцией для моего неофита.

— Девчонки? Я видел, как ее несли из лаборатории. Красотка? Я так и не рассмотрел.

— Сначала еда.

— Ну ты и скучный.

Лето навис над ним.

— Заслуженный рев довольной толпы никогда не наскучит. Можешь сказать то же про раздачу каши?

— Не трави душу, — морщинистое лицо Килгора и без усилий казалось кислым. — Не всем нам быть звездами империи Астеров.

Человек подал ему обед и собрал еду на вторую тарелку.

Сидя в столовой, Лето с молчаливым удовольствием уплетал свою порцию. Отличного качества. До него доходили слухи о Королях Дракона, бившихся за Таунсендов и Кавашима. Некоторых кормили буквально объедками. Камеры, в которых их держали, кишели паразитами и можно было подхватить букет болезней. И бились они за скромные призы. Только доктор Астер смог довести процесс размножения Королей Дракона почти до идеала. Никто не знал, как ему удалось решить проблему — или почему само зачатие изначально стало проблемой.

Два других картеля достигли лишь частичного успеха. От их воинов рождалось столько же безумных, деформированных младенцев, сколько когда-то появлялось на свет здоровых и жизнеспособных. Но и ради такого шанса многие готовы были рискнуть.

Однако сам Лето был богом для Астеров. Его ценили куда выше остальных, разделивших с ним воинскую судьбу. То, что Йета смогла родить здорового ребенка, означало, что он не просто воин. Он помог продолжить линию своей крови. Его племянник, Шошан, и немногие другие выжившие, представляли собой будущее клана Гарнис.

Он вернул пустую тарелку и посмотрел на Килгора.

— Ты готов?

Маленький человечек застыл на середине движения, которым накладывал кукурузу. И полностью игнорировал рабочего с землистым лицом, который ожидал своей порции. Почти все люди в поселке выглядели так же — бледные, опустошенные, поникшие. Жизнь под землей превращала их в двуногую моль.

Лето скрыл свое отвращение. Тысячелетиями Короли Дракона правили этим народом, и не зря. Люди были всего лишь стадными животными.

А он носил ошейник Астеров, потому что приносил пользу.

— Ну, давай, — темные глаза-бусинки Килгора горели от нетерпения. — Ее сиськи. Рассказывай.

— Маленькие, но красивой формы.

— И?

— Тугие соски. Темные. Лучшие, что я видел за годы.

Дряблая кожа под челюстью Килгора затряслась от удовольствия.

— Нет в тебе зрительского таланта, мой друг.

Лето тайком поморщился. Среди его друзей — если это слово вообще было применимо в его жизни — людей не было. Делиться с Килгором подробностями о своей новенькой можно было в самых простых выражениях. Коротышка обладал ненасытной жаждой новостей. Килгор сам расцветит его краткие описания, распространит среди рабочих и разнесет всем желающим доказательства превосходства Лето над остальными. А слушатели с радостью будут делать ставки на любимого чемпиона.

Мерзко. Но необходимо.

Лето взял вторую тарелку еды.

— А теперь извини, мне нужно сломать неофитку.

Глава 3

Lonayíр ублюдок.

Он оставил поднос с едой рядом с ее клеткой, но вне досягаемости, и вернулся на свое место у стены.

Желудок Одри был бешеным зверем, готовым прогрызть себе путь сквозь кожу. Он хотел выползти наружу, пролезть между прутьями клетки и пировать. Она закрыла глаза, чувствуя, как кружится голова от запаха свежего мяса и овощей. Он не оставил ей выхода, она могла лишь умолять.

В лабораториях она молила о снисхождении. Иглы, скальпели, пилы — пытки превратили ее в животное. Когда выживание зависело от капризов садиста, слова мольбы сами лились с ее губ. Прежде чем человек Астеров каждое утро забирал Джека из ее рук, она обнимала его хрупкое, израненное тело, сколько могла. А затем умоляла. Каждый день. Она превратилась в услужливого маленького зверька.

Но здесь...

Здесь у нее был шанс.

Одри быстро подсчитала свои преимущества. Она была чиста и одета. Она пережила годы остракизма в своем помешанном на имени клане, выдержав вес насмешек и намеков на предполагаемые ошибки матери — и эти годы сделали ее сильнее. Она выбралась из лаборатории доктора Астера.

Рисковать целым годом до возможности снова увидеть Джека было невыносимо. Бои в Клетке были лишь временной мерой. Ей нужно было сбежать и спасти своего сына.

А это значило, что нужно изучить здешний комплекс до мелочей — от физического расположения до всех, кто в нем находился. Роли. Расписания. Жажду взяток. Ей нужно попытаться передать Мэлу еще одно сообщение. Не стоит возлагать все надежды на одно поспешно нацарапанное письмо. В лаборатории, до того как ей сковали руки, Одри удалось спрятать три клейких листка для заметок. Потребовалось куда больше времени, чтобы добыть ручку. Месяцы обостренного внимания. Поразительно, сколько она

продержалась в надежде найти то, что другие люди принимали как должное. Возможность появилась в лице беспечного ассистента в расстегнутом лабораторном халате. Чернил в ручке не хватило, и половину письма она дописала своей кровью.

Рид из клана Тигони был слишком сломлен. А у нее не было способа узнать о его судьбе или судьбе письма. Веры в Сенаторов Совета у нее тоже не было, именно они убедили Мэла изгнать ее после свадьбы с Калебом. Они ждали любого предлога, чтобы надавить на Узурпатора — этой унизительной кличкой они наградили Малнефоли. Здравый смысл подсказывал, что Совет не будет спокойно смотреть, как Королей Дракона вытаскивают из дома, пытают, а затем заставляют драться, как рабов, для развлечения человеческих криминальных боссов. Но в политике редко кто руководствовался здравым смыслом.

Их попытка тянуть время означала, что ей придется выжить здесь, в Клетках.

Для этого нужно было стать сильнее. Есть. Тренироваться. И да, умолять.

— Могу ли я получить еду? Пожалуйста?

Он толкнул тарелку вперед, носком сапога.

Одри набросилась на нее. Фасоль и рис. Одри брала их пальцами, смаковала каждый глоток. Хлеб с маслом оказался слаще шоколадного торта. Какое попустительство. Набив рот, она подняла глаза на своего тюремщика. Неужели из-за подобного он сам не протестовал против рабства? Если Астеры продержат ее еще дольше, она потеряет себя. И станет такой, как он.

Никогда.

— Хватит. — Он присел рядом, отбросил ее тарелку и схватил ее за волосы, протягивая их через решетку. — От этого нужно избавиться.

— От волос?

— Видишь, как легко я смог тебя обездвижить? Здесь не позволены слабости.

Он открыл замок и выволок ее наружу.

Не позволены слабости? *Ага, как же.* Ее колени превратились в жидкость. Бессонница и тесная клетка ослабили ее. Первая ее драка была на чистом адреналине. Но это топливо давно выдохлось.

— Повернись, — сказал он скрипучим мрачным тоном. — Руки на решетку. Если пошевелишься, я отрежу тебе не волосы.

Одри глубоко вздохнула. *Сделай это ради Джека.*

Другие слова начинали формироваться в ее мозгу. Новые слова.

Месть. Наказание. Расплата.

Ей нравились эти слова — ради них стоило жить. Впервые у нее появилась цель, отличная от спасения сына. За то, что сотворили с ее семьей, она сожжет это место дотла.

Одри схватилась за холодные прутья, сморгнув внезапную влагу с глаз. Калеб любил ее волосы. Пшеничный шелк, как он называл их. Ему нравилось, когда она проводила волосами по его животу, спускаясь ниже, чтобы взять его в рот.

Это было целую жизнь назад.

Одри стиснула руки и услышала за спиной шелест металла, покидающего ножны. Ее тюремщику доверяли настолько, что Астеры разрешили ему оружие?

— Стой смирно.

Неожиданная дрожь прошлась по ее спине. Его голос гипнотизировал. Идеальное сочетание стали и спокойствия. Что, насколько она могла проанализировать, само по себе было маленьким чудом.

Первое движение лезвия было самым сильным. Она смотрела, как длинные пряди цвета карамели планируют на грязный пол пещеры. Он не кромсал, но и не слишком осторожничал. Всего лишь бездумно исполнял очередную обязанность. На пол летели все новые пряди.

Он спрятал нож и шагнул назад.

— Так сойдет.

Одри повернулась спиной к решетке. Пробежала дрожащими пальцами по затылку, где нож слишком близко скользил над кожей. Теперь на ее голове остались неровные клочья.

Ее загадочный проводник по этой темной кроличьей норе стоял и смотрел на нее. Оценивал. Если бы она его рисовала, то для конечностей использовала бы в наброске прямоугольные формы. Продолговатые прямоугольники для конечностей. Сильные квадраты для торса и головы. Но для качественного эскиза потребуются и текучие арки. Текучие. Смягчающие изгибы. Его мускулы были настолько же грациозными, насколько и рельефными.

Уголь и бумага, подумала она. *И золотисто-коричневая масляная пастель для акцентов.*

Ее художественное образование превращало его в нечто значимое. Но он значимым не был.

— Здесь мы будем тренироваться для рукопашного боя, — сказал он. — Но для начала я хочу увидеть, что ты можешь.

— Ты это уже попробовал. Меня учили боевым стилям Пяти кланов.

— Нет. Я говорю о твоих силах.

Сердце Одри заколотилось с громовой болью, как всегда бывало, когда она вспоминала об отсутствии у нее врожденного дара Дракона. *Но почему?*

— Похоже, в первый раз ты меня не услышал. У меня их нет. И никогда не было.

— Ври сколько угодно. Но тебе все равно придется адаптироваться. Чем больше развлечения получает от нас публика, тем лучше с нами обращаются.

— Мне плевать на это дерьмо, — сказала она. — Ты знаешь, чего я хочу.

— Вернуть сына.

— Вот именно.

Мужчина потер свой квадратный подбородок мозолистой рукой.

— Твоей наградой станет возвращение сына. Тебе обещали.

— Я этому не верю. Доктор Астер не отдаст его, пока не разрежет Джека до костей, препарируя заживо.

— Воин Клетки по имени Хонровиш победил в десяти битвах подряд. В качестве награды Старик отклонил все протесты доктора Астера и освободил брата Хонровиша.

— И где Хонровиш сейчас?

— Мертв. — Без изменения тона. Без намека на эмоцию.

— Какая потеря.

— Нет. Его брат и невестка выжили. И родили сына. Линия их крови продолжилась благодаря жертве Хонровиша. А теперь иди за мной.

Все тот же уверенный размашистый шаг. Он просто ждал, что она послушно последует за ним.

— Как тебя зовут? — Вопрос сам слетел с ее губ.

Он остановился. Обернулся через плечо. Его коротко стриженные черные волосы сияли в тусклом свете. Татуировка змеи, обвивающей голову, казалась живой — сообщая о силе этого воина. И рабском его положении.

— Я Лето из клана Гарнис. Но ты будешь называть меня сэр.

Она буквально приросла к твердому полу пещеры. *Клан Гарнис?* Многие считали, что клан вымер много веков назад, однако Одри знала, что для клана оставляется место за столом Совета. Мэл верил, что остатки клана были разбросаны в дальних частях России, Китая и Америки, и в итоге ассимилировались с человеческим населением. У них не было ни известного правительства, ни твердыни. Согласно мифам, клан слился со своими человеческими почитателями и был рассеян по всем ветрам.

Клан Гарнис был Потерянным.

И это многое объясняло. Восхищение этого Лето своим погибшим товарищем было очевидно. Возможно, он пытался следовать по тому же пути, чтобы сохранить остатки своего клана. С промытыми мозгами или нет, но у него было не меньше причин войти в Клетки, чем у нее самой. От них зависело будущее их семей.

Но меньше всего на свете ей нужно было родственное чувство к этому громиле.

— Пойдем, — сказал он немного резче.

Одри, со стиснутыми зубами и полным желудком, подчинилась.

Охранники защелкнули наручники на запястьях Нинн. Лето отказывался называть ее человеческим именем даже мысленно.

Она уставилась на полоски металла на своих руках.

— Какого черта?

— Они тебе не доверяют.

Охранники провели его и его подопечную по яркому широкому коридору. Этот вел прочь от человеческих общежитий и столовой, туда, где спали в своих личных комнатах воины Клетки, туда, где они тренировались. Ему нравились знакомые картины, звуки и запахи места, где жили его коллеги. Его территория.

— Тебя никуда не выпустят без сопровождения, — сказал он. — Пока не докажешь безупречную верность, ты будешь ходить в наручниках.

— А что насчет ошейников?

— Их никогда не снимают. Да и какая разница? Наверху я пережиток прошлых времен, остаток древних богов, в которых никто уже давно не верит. Мне пришлось бы скрываться, как трусу, совсем как тебе.

— Ты говоришь о трусости и прятках? — Она рассмеялась, резко и горько. — Свадьба с Калебом была самым храбрым поступком в моей жизни. А ты позволяешь человеческим преступникам водить тебя за ошейник.

Так ревностно отрицать свое происхождение, чтобы дойти до союза с человеком... Какой Король Дракона способен на такое?

— Ты недостойна чести сражаться здесь.

Охранники провели их к широкой двойной двери из арматурной стали и того же ограничивающего материала, который использовался в матрицах ошейников. Они не могли сбежать из комнаты с главной тренировочной арены, воспользовавшись своими силами. К тому же матрица двери была усилена так, чтобы парализовать любого, решившегося ее сломать.

Это он сообщил Нинн.

— Некоторые пытались, по глупости. И превратились в слюнявые овощи.

Охрана сняла с Нинн наручники и ушла, заперев за собой дверь.

Она рассматривала большое квадратное помещение. Лето тоже, хотя и знал, что их перспективы категорически разнятся. Он видел основное: высокий купол потолка, отделанного звукоизолирующими материалами, оружие вдоль левой стены, иксобразную стойку для тех, кого наказывали плетьми, в темном дальнем углу. Его спина зачесалась при виде напоминания о прошлом неблагоразумии. Однако большей частью он помнил моменты взлетов и падений и вбитую вслед за ними покорность. Эти воспоминания были сильнее холодного воздуха, сильнее въевшегося запаха пота и жужжащей озоном матрицы.

— Как только Клетка будет закрыта, ошейники можно дезактивировать. — Он указал на ячеистую стальную сеть, из которой состояли потолок и восьмиугольник стен. — Дверь тренировочного зала удержит нас внутри, но оборотная матрица Клетки позволит свободно пользоваться нашими силами. Этот пол состоит из матов. Настоящая Клетка в два раза больше, и ее пол состоит из бетона с пятидюймовым слоем глины.

— Как это влияет на бой?

Лето приподнял бровь, удивленный, но довольный.

— Глина скользит под ногами. И поначалу это мешает. Но вскоре она стирается. А бетон дает лучшую сцепку. Стертая глина означает, что приближается конец боя. Бойцы устают. Один неверный удар, и кости будут сломаны. А череп пробит.

В ее серебристо-синих глазах светилось понимание. Лето не нравился ее ядовитый язык и ее упрямство, но сейчас к нему вернулся изначальный энтузиазм.

Он уже оценил ее тело, но только сейчас как следует присмотрелся к ее лицу. Широкие-широкие глаза первыми приковали внимание. Затем ровные широкие скулы, высокие и четкие. У нее была пухлая нижняя губа, уголки рта слегка кривились от упрямства. Даже ее затылок производил впечатление, сильными сухожилиями от привычной ей прямой осанки. На ее щеках и переносице виднелась россыпь веснушек. Он поймал себя на том, что прослеживает взглядом их рисунок, и тут же отвернулся.

— До первого боевого матча у нас три недели, — сказал он. — Придется много работать.

— Что входит в матч?

— Короли Дракона отсюда, с территории Астеров, будут сражаться между собой без смертельного исхода. Мы выступаем в настоящей Клетке, перед кругом гостей Астеров. Ставки довольно высоки. Победителей награждают, и они становятся на шаг ближе к ежегодному Конфликту.

— Конфликту? Это древнее... с тех времен, когда Пяти кланам нужно было очистить дурную кровь.

— Теперь это бой, в котором лучшие воины картелей сражаются за величайший приз.

— Зачатие.

Лето кивнул.

— И риск так же велик. В Конфликте нас могут обезглавить закаленным Драконом лезвием, в качестве наказания за поражение.

Она громко выдохнула через нос.

— Они отняли наши традиции и превратили их в нечто отвратительное. Какой смысл сражаться за зачатие, если оно дается ценой уничтожения Королей Дракона?

Лето подвел свою подопечную к Клетке и открыл решетку.

— В сохранении наших родов. В защите будущего наших семейств.

Она пожала плечами, когда он ее коснулся.

— Эгоистичный способ полюбоваться, как наш народ движется к полному вымиранию.

— Не мои проблемы.

Он игнорировал ее вполне очевидное отвращение, закрывая за ними дверь. Теперь гудение металлической сети стало явным. Его дар вернулся к нему одновременно с белым шумом. Это был глубинный сигнал его мозга о готовности. Ошейник словно стал легче. Он вытянул шею, покачав головой из стороны в сторону. Мышцы и суставы расслабились. Подготовились к битве.

— Так что ты умеешь делать? — спросила она, скрестив руки.

— Я из клана Гарнис. О чем это говорит тебе?

— Скорость. Рефлексы.

В мгновение ока он оказался за спиной Нинн. Согнутый локоть удерживал ее в удушающем захвате. Она подавилась, когда его рука нажала на шею над ошейником.

— *Высокая* скорость и *отличные* рефлексы.

Его рефлексы были настолько отточенными, что временами ему казалось, что он видит движения оппонента еще до того, как тот подумает о движении. Насколько он знал, в Клетках не было ни одного другого воина клана Гарнис. И спросить было не у кого. К тому же, зачем раскрывать подобное преимущество тому, кто однажды может стать твоим противником?

Он оттолкнул ее. Нинн приземлилась на четвереньки, упав на мягкий пол. От кашля ее спина выгнулась дугой.

— Дерись со мной, — сказал он. — Или я перейду к силе.

Она показала ему средний палец.

Еще одно мгновение скорости. Еще порыв силы. Он ударил ее в живот.

Она обхватила себя руками, одной прикрывая желудок, другую прижав к губам, словно ее вот-вот вырвет. Сытный ужин придаст ей сил. Со временем. Но пока что он был помехой. Лето впечатлило то, что она смогла удержаться от рвоты.

— Если будешь сопротивляться, станет хуже.

Светлые волосы разметались вокруг ее хрупкого лица.

Нинн глазела на него. С яростью. Ее невероятно голубые глаза смотрели на него с силой хищника. Лето удивился тому, как быстро в ней проснулась примитивная внимательность. Он лапал ее, смотрел, как она моется, слышал ее мольбы — но ничто не возбудило его так сильно. Лишь ее невероятное упрямство.

Инстинкты убийцы и титановая воля под ними.

Он надеялся на опыт. Возможно, даже талант. Ярость в ее глазах была бонусом, который действовал на него даже физически. Он будет обучать ее, следить за ее победами, а затем получит ее в качестве своего приза.

Помотав головой, он напомнил себе, что истинной целью были ее тренировки.

Снова миг. Он двигался с такой скоростью, что его почти не было видно. По крайней мере, так ему говорили. Удар пришелся над ее правой почкой.

— Ты, урод! Дай мне хоть шанс, во имя Дракона!

— Ты говоришь о Драконе, но ты жила, как человек, — бесстрастно ответил он. — Это кощунство.

— Я не виновата в том, как меня растили.

— Фигня, как выразилась бы ты. — Лето прислонился спиной к сетке из стали. — Тебя ведь изгнали, насколько я понял. Не думаю, что твой человек этого стоил.

Она поднялась. Поначалу медленно. Колени ее подгибались. Но она вскинула подбородок. Инстинкты убийцы вернулись. Лето вздохнул, любуясь эффектом.

— Он стоил всего, что я перенесла, и всего, что я еще могу пережить. Тебе никогда не узнать этого чувства.

Злость наполнила его грудь. Почти боль. Почти стыд. Потому что она была права.

Миг движения. Удар в крестец. Крик.

На этот раз она не упала. Она развернулась на пятках. И вспышка в ее серебристых глазах встретила его взгляд. Странный свет заставил его замереть.

Фейерверки.

Лето попытался стряхнуть иллюзию, но свет остался. Усилился. Тысячи фейерверков бурлили в сфере, сосредоточенной между ладоней Нинн. Искры. Игольчатые вспышки пламени, запертые в шаре энергии, который рос и рос — как воздушный шарик, готовый взорваться. Ее лицо напряглось. Пот ручейками сбегал по щекам. Она закричала от ярости Пендреев, в судороге берсерка, вошедшего в полный амок [Как поясняет Стефан Цвейг, амок — слово из туземного языка, обозначающее буйного психа, которых бежит к одному ему ведомой цели и убивает всех по пути — без причины.].

Шар взорвался. Лето рванулся в сторону с его пути, но скорости не хватило.

Взрывная волна швырнула его на решетку стены. Лето врезался в нее лицом и охнул. Он ничего не слышал. Если бы его так швырнуло на бетон настоящей Клетки, он раздробил бы оба колена. А будь силы хоть чуточку больше, она бы переломала ему все кости спины.

Цепляясь за сетку, он поднялся на ноги, готовясь к защите. Но Нинн стояла на четвереньках, дрожа.

Он не ожидал, что первый матч в Клетке она покинет, сохранив целыми все конечности. Часть его разума не верила в изображения уничтоженной лаборатории доктора Астера. Фальшивка? Лишний стимул для его работы? Однако Нинн обладала самым ярким даром из всех, что ему доводилось видеть. Она была проснувшимся вулканом, который бурлил и извергал убийственные осколки.

Нинн прохрипела:

— Что это было?

И осела без сознания на пол Клетки.

Он, спотыкаясь, побрел вперед. Его сверхъестественное чутье вернулось.

Из угла арены раздались медленные размеренные аплодисменты. Затем последовал шорох шагов и стук трости. Взгляд Лето разрезал тьму. Совершенно лысый, разменявший восьмой десяток, Старик Астер вынырнул из теней. Его маниакальная усмешка в сетке морщин казалась пародией на клоунскую улыбку. Не хватало только грима. Болезненный вид — после проведенных под землей пятидесяти лет — делал его еще более жутким.

Несмотря на всю свою ценность для Астеров, Лето всегда побаивался этого морщинистого ходячего скелета.

— Я же говорил тебе, — голос был сильным, но уже подрагивал, поддаваясь почтенному возрасту. — Она потрясающая. Однажды она станет твоей соперницей, мой чемпион.

Лето выпрямился во весь рост. Приподнятый пол Клетки давал ему дополнительное преимущество. Но это не имело значения, когда он смотрел в глаза своего хозяина. Гордость вскинулась в нем.

— Так вот чего вы хотите, сэр? Чтобы она превзошла меня?

— Нет, Лето. Ты сделаешь то, что умеешь лучше всего: сделаешь нашу семью богаче и дашь мне повод для гордости. — Он кивнул в сторону бесчувственного тела Нинн. — И чтобы сделать это, тебе придется биться с кузиной Малнефоли... в качестве партнера.

Глава 4

— Партнера. С ней.

— Да, Лето. — Старик погладил усы, такие же бледные, как его кожа, и такие же тонкие, как его волосы. Не будь у него таких пронзительно-зеленых глаз, его бы принимали за альбиноса. — Толпа начала уставать от твоих успехов. Ставки мельчают — и все в твою пользу. Букмекеры начинают терять прибыль. Некоторые отказываются брать ставки на тебя. Другие картели отказываются выставлять своих лучших бойцов против тебя в грядущем Конфликте, а это значит, что тебя могут исключить из игры. — Он снова улыбнулся кривой усмешкой джокера. — Как выяснилось, слишком хорошо тоже бывает нехорошо.

Негодование жгло ему горло. Лето представить себе не мог, что его победы будут настолько принижены. Он не мог этого воспринять. Пропущенный от Нинн удар задел не только тело, но и гордость.

От ее тела исходил слабый свет, сочащийся даже сквозь доспех. Тренировочная арена странно смотрелась в нем. Ее сила шокировала Лето. И продолжала действовать. В его висках пульсировала мигрень — мерным пульсом сдерживаемого напряжения.

Он сглотнул, пытаясь вернуть свое обычное спокойствие. Спорить с главой картеля Астеров было нельзя. Возможно, ему удастся все объяснить.

— Сэр, я никогда не дрался в паре. Эта женщина — непроверенная угроза для меня и себя самой.

— Вот именно. Она придаст элемент неопределенности, которого не стало в поединках с тобой. Толпа затаит дыхание, а обмен монетами взлетит до небес. — Старик прохромал вперед, почти до самых прутьев решетки. — Ты сделаешь это, Лето. Неважно как. Если Нинн из Тигони выживет в трех матчах, я гарантирую твоей сестре Пэлл любую медицинскую помощь, которой она потребует.

— На всю жизнь?

— На то, что осталось от ее жизни.

К Лето вернулась сосредоточенность, он ощутил внезапный прилив духа. Ему не нравилась ситуация, как и мятежные мысли, зерна сомнения в том, что он справится. Но его цель оставалась такой же ясной, как солнечный свет, который когда-то в детстве описывала ему мама.

— Пэлл уже много лет на попечении моей старшей сестры и ее мужа, — сказал Лето, пытаясь справиться с хрипом в голосе. — Моя семья будет крайне благодарна за помощь. Я сделаю это,сэр.

— Хорошо.

Старик затопал прочь — три звука на каждый шаг. Шаг. Трость. Шорох. Лето узнал бы этот звук где угодно. Шаги хозяина были почти так же привычны, как собственный пульс.

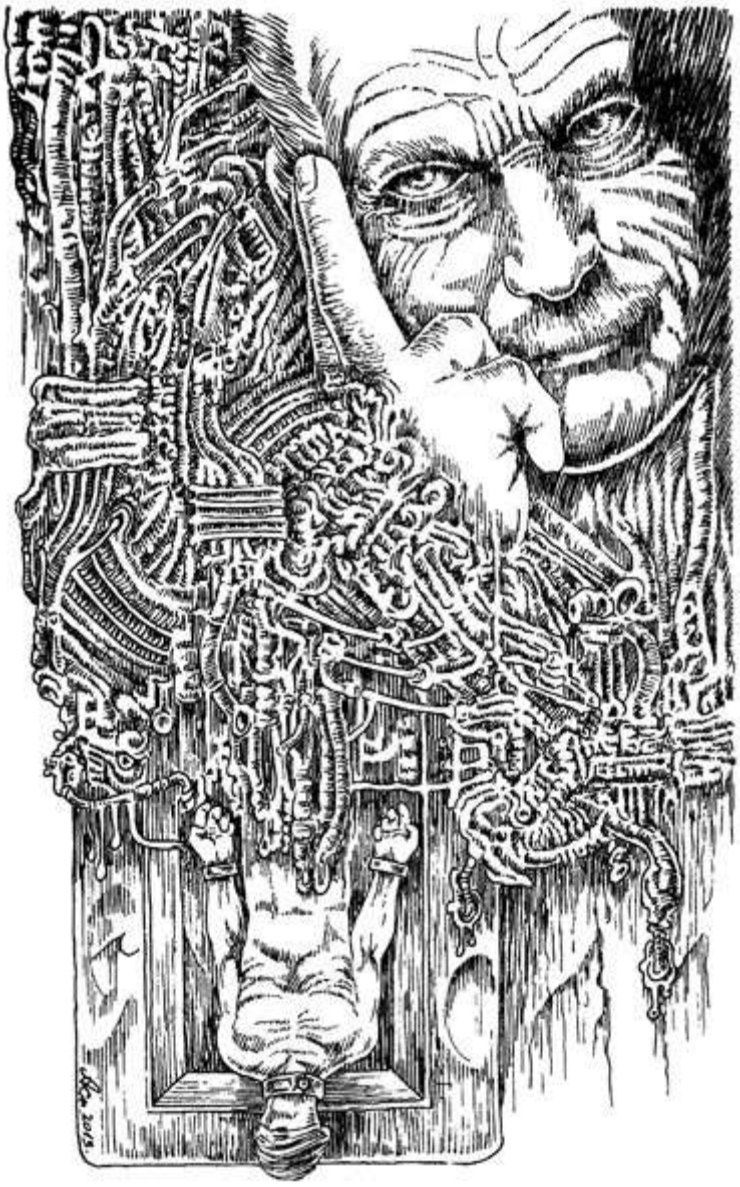
Старик обернулся через плечо:

— Я вернусь за пару дней до матча. Нужно будет согласовать дела на случай, если ты не будешь готов.

Я буду готов.

Превращение этой женщины — практически человека, несмотря на ее невероятные силы, — в бойца за столь короткий срок было бы истинным чудом. Разве можно придумать

лучшую возможность показать свою воинскую мощь? Три матча. Сохранить ее в живых. И тогда его младшая сестра будет навеки защищена в своей коме.



Лето вернулся к упавшей Нинн. Остриженные золотистые волосы сияли в свете напольных ламп, обрамлявших восьмиугольник Клетки. Она казалась спящей. И его снова восхитили ее веснушки. Он никогда не видел подобных — светло-коричневых, без примеси красного, как бывало с бледными человеческими женщинами. Он увидел, что ее упрямство практически полностью выражалось вскинутым подбородком. Это упрямство исчезало, когда она отдыхала. Яркие брови придавали ее внешности экзотики, редкой даже среди Королей Дракона. Их женщины были совершенством, отточенным за долгие века силы и безупречной генетики.

Возможно, именно поэтому они не могли размножаться. Неужели это совершенство было достигнуто такой великой ценой?

Лето был не из тех, кто задается подобными вопросами.

— Просыпайся. — Он сильно толкнул ее в плечо. — Лабораторная грязь. Вставай.

— Я думала, мы остановились на Нинн. Сэр.

Он позволил себе улыбку, потому что ее глаза остались закрыты.

— Так и есть.

Пушистые золотые ресницы затрепетали, глаза открылись. Она рассматривала его, насколько позволяла ее поза. — Что случилось? Я... Черт, мне больно.

— Ты не помнишь?

— Свет. Взрыв. Мне казалось, ты говорил о рефлексах и силе. А сам решил взорвать меня вместо драки?

Она действительно не знала? Дракон побери, это становилось странным.

— Вставай, иначе я потащу тебя за ноги, — сказал он. — Твоей колючей гордости это не понравится. Или я могу познакомить тебя с Хелликсом и его друзьями. Они скоро придут сюда тренироваться.

— Хелликс?

— Пендрей. Он не готовился к Клетке с детства, как я. Он был преступником — насильником и растлителем невинных, включая дочь одного из сторонников Старика. Хелликса приговорили к смерти в Конфликте.

— Но он выжил?

— Ему *позволили* выжить после двух часов непрерывного боя. Старик решил, что его непристойное прошлое можно использовать с выгодой. Он потерял сторонника, зато получил новичка.

— Еще одна деталь про развлечения толпы, — ответила она, поднимаясь на четвереньки. — Очаровательно звучит.

— Шестерки Хелликса считают его богом — за то, что сумел выбраться из такой ямы.

Ее губы искривились в усмешке.

— А ты так старался убедить меня, что все воины Клеток держатся за руки и распевают песенки бойскаутов.

Лето нахмурился и поднялся. Он не считал Хелликса воином. И когда думал о мужчинах и женщинах, которых уважал на арене, он никогда не включал в их число этого монстра.

— Что ж, оставайся. Мне жаль, что ты не поняла хорошего отношения.

Она протянула ему руку.

— Пожалуйста, сэр.

Наверняка уловка.

Они все еще были в Клетке, с дезактивированными ошейниками. Ему не понравится второй настолько мощный удар за такое короткое время. Да еще и от неофита.

Лето, как было принято среди его народа, быстро оценил безмолвный язык ее тела. Дрожащие ноги. Подрагивающие пальцы. Слипшиеся от пота короткие пряди на ее шее. Их взгляды встретились, и Лето заметил, что ледяная голубизна ее глаз не может скрыть головокружения.

Она была искренна.

И он помог ей встать на ноги.

— Шагай, или тебя будут тащить.

Подволакивая ноги, она последовала за ним к выходу из Клетки. Почесывая предплечья, словно энергия покалывала их изнутри. Отблеск того электрического взрыва до сих пор скользил и по его венам. Она была диким созданием с неизвестным потенциалом. Он видел ее стальную решимость. И воспоминания об этом странно на него воздействовали.

Лето дошел до выхода из тренировочного зала, успев почти полностью избавиться от нежелательных мыслей, и уже у двери столкнулся с Хелликсом. С ним притащились три высокомерных говнюка, которые следовали за своим главарем, как щенята за мусором, при том что были равны своему кумиру и по размерам, и по количеству тренировок.

Волосы Хелликса были ярко-рыжими, резко контрастируя с темной кожей и пронзительными синими глазами. Его лицо было покрыто шрамами — боевыми, конечно же, но на лбу выделялось клеймо в виде кинжала. Только это клеймо портило в остальном красивые черты Короля Дракона.

— Лето. Выглядишь хуже своей одежки, братец.

Стоя практически вплотную к нему, Лето не осмелился отвлечься на оценку собственной внешности. Он не представлял себе, что силы Нинн сделали с его доспехом, и не собирался сейчас показывать, что это ему сколько-нибудь интересно.

— Ты мне не брат, — ответил он.

Компания монстра таращилась на Нинн, которая плелась за Лето по пятам.

— А это кто? Твой новый проект? Мне стоит сильнее выкладываться на матчах. Шлюхи и богатство — это замечательно. Но мне бы хотелось и самому тренировать неофита. Как только представлю возможности...

Лето нужно было увести Нинн, пока не случилось особых мерзостей. Она едва могла стоять, не говоря уж о драке. Хелликс, свободный от правил Клетки, никогда не вел честной игры.

Но Лето не мог удержаться от выразительного взгляда на шрам, разрезавший лоб Хелликса.

— Не повезло. Ты навсегда изгнанный, меченный ножом шлак. Тебе не положено неофитов. — Он смерил взглядом ублюдка, которого презирал. — Пошел на хрен с моей дороги.

Одри видела, как напрягаются плечи мужчин. Ее руки покрылись мурашками от подсознательной дрожи. Страх? Любопытство? Или, хуже того, предвкушение? Она никогда не видела таких столкновений вблизи. И сила ее рефлекторного ответа ее удивляла.

Но все же не стоило забывать, что все внутри нее изменилось. Она не помнила, что произошло в Клетке, осталась только боль. Тело вибрировало. Нижняя челюсть дрожала. Кончики пальцев покалывало, словно она засунула их в розетку.

Почему я чувствую себя так, словно в мою кожу влез тигр? И какого черта случилось с его доспехами?

Но как добиться ответов от человека, который больше похож на кирпичную стену, чем на разумное существо?

Однако расспросы следовало отложить. Эта стычка была куда важнее. Чувства Одри напряглись и невероятно обострились. Она буквально впитывала каждую деталь.

— Похоже, это ты мешаешь *мне* пройти, чемпион, — сказал Хелликс, срываясь на рычание. — Это тебе стоит отступить.

— Не думаю.

— Как грубо. Что случилось с твоей легендарной честью?

Хелликс оказался действительно мерзок. Его тело и черты лица были красивы, как и положено их народу, но его губы кривились так, что в Одри проснулись защитные рефлексы.

От него исходили волны наглой, жестокой и извращенной природы.

И это клеймо. Что оно означало? Одри не могла смотреть на него без отвращения.

Презрение Лето к этому подонку было в сотню раз сильнее, чем ранее к ней. Должно быть, отрадно узнать, что некоторых людей он считает еще ниже ее.

— Моя честь не распространяется на тех, у кого ее нет, — ответил он.

— И все же ты без вопросов прислуживаешь нашему хозяину, — ответил Хелликс с высокомерной улыбкой. — Не так уж ты умен, мой друг.

Лето позволил себе низкое рычание. Его кулаки сжались, как стальные гири, на руках проступили жилы. Одри смотрела на его спину и признавалась себе, что ее вид впечатляет. Кожаные полоски, удерживавшие его искореженный доспех, почти не скрывали рисунка старых шрамов, пересекавших бугрящиеся напряженные мышцы. От вида которых у нее теплело в животе. Напряженные сухожилия шеи особенно поражали, потому что их подчеркивали коротко стриженные темные волосы. Она практически видела, как он подрагивает от готовности броситься в драку.

Эффект от увиденного зрелища — сильный и властный мужчина на грани срыва в дикое состояние — был предсказуемым. Ее дыхание стало сильным и быстрым, совсем как пульс. Ее собственные кулаки были уже наготове. Она прикроет Лето, если дело дойдет до драки, — странная реакция, учитывая их неудачное начало. Шансы были не в его пользу, но ей хватало ума, чтобы распознать союзника. Одри сжала кулаки еще сильнее, едва осмеливаясь на выдох. Ее единственным желанием было сохранить свое тело и мозг в целости.

То есть уйти с Лето.

Однако глубоко в душе, к ее собственному удивлению, Одри хотела увидеть, как он выбьет дерьмо из этого Хелликса.

Очарованность будущим насилием, вонзившаяся под ребра, как кинжал, — предательство. Одри считала себя разумной, цивилизованной женщиной. Она ценила логику, книги, длинные разговоры с Калебом о политике и истории. Муж поддразнивал ее за то, что пьесы Шекспира она читала в хронологическом порядке.

Это завораживало ее на примитивном уровне.

Только теперь она заметила, что Лето слегка наклонил тело в сторону, закрывая ее от Хелликса. Сознательно? Она не смела в это поверить. Ее мучитель-вуайерист-союзник пинал ее в живот. Неоднократно. Он таскал ее за волосы и таращился на то, как она одевается. И только услышанные обрывки его разговора со Стариком могли объяснить эту позу защитника.

Она была ценна для него.

Позы собравшихся излучали угрозу.

— Я подожду следующего боя, — произнес Лето невероятно низким голосом. — И повторю на нем прошлый наш результат.

Маска Хелликса соскользнула лишь на секунду. Под показной бравадой скрывался стыд. Одри сомневалась, что сумела бы подметить это ранее, до происшествия в Клетке. Но теперь все ее чувства обострились. И хотя Хелликс мгновенно взял себя в руки, она была уверена, что Лето тоже не упустил миг сомнений. Неудивительно, что он так уверен, стоя лицом к лицу с подобравшимся, скалящимся Хелликсом. Стыд мог быть таким же изнуряющим, как гордость или страх.

Лето казался мастером по нахождению чужих слабостей.

Хелликс рассмеялся, словно все это не имело значения.

— Однажды я тебя прикончу. Отделю твою голову от тела, и ты навсегда покинешь этот мир.

— Если бы у тебя был шанс победить в Конфликте, я бы воспринял эту угрозу всерьез.

— Ах ты надменный...

— Моя надменность оправданна. — И вместо того, чтобы добавить физического напряжения, Лето сделал шаг назад. Будь на его месте любой другой, это показалось бы отступлением. Но его угрожающее выражение лица, подчеркнутое серебристым шрамом над верхней губой, говорило об обратном. Он победил в этой схватке. — Твоим парням не повредит практика. Мы оставим вас заниматься делом.

Он взял стиснутые кулаки Нинн, одной рукой удерживая оба ее запястья, и протащил ее сквозь очаг дикого напряжения.

— И, к слову, — добавил он, встретив взгляды прихлебателей Хелликса. — Старик сегодня здесь. Самое время попытаться его потешить — если, конечно, вам не важнее впечатлить Хелликса.

Люди Хелликса с поразительной быстротой поддались его игре. Они тут же прекратили жеребячий гогот и грязные подколки, с которыми они хлопали друг друга по плечам, подбадривая, как футболисты перед матчем. Их интерес к Лето и Нинн испарился в мгновение ока. Пышущим яростью барьером остался только сам Хелликс, но и он не помешал им выйти.

Вместо этого он вернул себе контроль над ресурсами, которые ему принадлежали: мужчинами, которые о нем забыли.

— Пошли, говнюки. Быстро в Клетку, Дракон ее подери.

Одри не оглянулась, даже когда рука Лето сменилась наручниками охраны. Только выдохнула от резкого облегчения. Инцидент придал ее положению новый смысл. Тренировки у дурака или садиста приведут ее только к смерти. Теперь она доверяла Лето больше, чем могла бы представить, проснувшись утром.

Утром. Несмешная шутка. Она понятия не имела, что сейчас светит на небе, солнце или луна.

— Откуда ты знал, что он отступит?

Лето шагал впереди, широким размашистым шагом. В ответ он лишь бросил на нее оценивающий взгляд через плечо. Похоже, он начал смотреть на нее чаще, с тех пор как она начала использовать логику, а не бессмысленную истерику. Не лучшее первое впечатление, которое она произвела, ну да черт с ним. Любой, пострадавший в лабораториях Астера, вел бы себя точно так же.

— Я прожил шесть лет в комнате по соседству с Хелликсом, — ответил он. — И ни разу не видел, чтобы он нападал первым.

— А другие? Не стоят беспокойства?

Его впечатляющая спина сияла бронзой в свете флуоресцентных ламп коридора.

— Мои умения не ограничиваются Клетками.

— В этом я убедилась. — Она провела рукой по неровно остриженным волосам. Одри хотелось взглянуть в зеркало, пусть даже только для того, чтобы оценить нанесенный ей ущерб. Или увидеть себя такой, какой ее видел он. — Похоже, что и вместо крови у тебя мускулы. Но я хотела бы выжить, спасибо. А это значит, что мне придется у тебя учиться.

Он засмеялся так тихо, что его губы почти не двигались. Звук был таким же гортанным и хриплым, как его голос.

— Мне не придется тебя ломать.

— Звучит разочарованно.

— Возможно.

Что-то похожее на веселье светилось в его темных глазах. Даже яркие лампы и странная острота ее чувств не давали уверенности. Она забыла, сколько обычных человеческих эмоций принято было скрывать среди Королей Дракона. Выражения лица обычно бывали сдержанными и спокойными — лучший способ удержать Пять кланов от уничтожения друг друга на протяжении тысячелетий.

Живя среди людей, она научилась улыбаться, смеяться и плакать без оглядки. Она научилась выражать то, что чувствует. Здесь это было опасной слабостью, которую нужно как можно быстрее забыть. Иначе каждая задумка и намерение будут кричать о себе с ее лица.

Новые потери. Теперь я не могу даже смеяться и плакать.

— Не сомневаюсь, ты найдешь другие способы держать меня в узде.

— Звучит как приглашение.

Едва заметная улыбка была первым намеком на человека, которого Одри увидела под его броней. Она и сама скрыла улыбку. Женщины обладали преимуществами, которыми компенсировалась очевидная уязвимость. С рассвета времен они пленяли самых больших и сильных самцов. Искали безопасности среди альф. Среди людей, которые прикрыли цивилизованностью древние инстинкты, ее бы смутила такая мысль.

Лето был альфой, необходимым ей, чтобы выжить. Чтобы вернуть сына. Чтобы заставить Астеров заплатить.

Охрана вернула их в камеру Одри и закрыла их обоих снаружи.

Лето прислонился к влажной стене и скрестил руки на груди. Скульптурные мускулы стали рельефнее. Все, что он делал, было связано с Клетками. Быть лучшим. Спасти свою семью. Но его мозг был неисправимо промыт Астерами. Он был частью системы, которую она собиралась спалить дотла. Их цели совпадали только в матчах, где им обоим нужно было выжить.

— Ты собираешься рассказать мне, что там произошло?

Он приподнял брови.

— С Хелликсом? Ты же была там.

— Нет, в Клетке.

Твердые мужественные черты его лица приняли выражение... замешательства? Недоверия?

— Ты действительно не помнишь?

— Я чертовски хорошо помню, как ты забивал меня ногами.

Одри осмелилась подойти к нему, на что не решилась бы пару часов назад. Энергия бурлила в ее крови, как ядовитый токсин, но она не чувствовала себя отравленной. Просто другой. Ярче сияющей, хоть это слово и не имело смысла. Люди не были *сияющими.* Такие слова просто использовались в рекламе косметики и описании невест в подвенечных платьях.

И все же. Она не могла отрицать — что-то в ней изменилось. К добру или к худу, выяснится потом.

С расстояния вытянутой руки она коснулась его обожженных доспехов — там, где пепел кожи остался на оплавившемся металле. Его грудь оставалась скрытой, но металл и остатки подкладки торчали наружу. Чемпиона кто-то превзошел.

Она бы предпочла видеть его целым и защищенным. Сильным. Полезным.

Более активным.

— Но я не помню этого, — сказала она. — Что нанесло подобный ущерб?

— *Ты* и нанесла.

— Не может быть. Я же говорила тебе, мои силы никогда не проявлялись.

— Не заставляй меня повторяться, неофит. Ты пробила дыру в лаборатории доктора Астера. Именно так о тебе узнал Старик, именно поэтому ты сейчас здесь.

Отблески воспоминаний пробивались наружу. Огонь. Молния. Боль и ярость, сплавившиеся в энергию, которую она не могла контролировать. Она хотела возразить, но слишком запуталась, чтобы сразу же опровергнуть глупые слова Лето.

Так убежал Рид.

Как же она забыла? Она подняла такой хаос, что он смог выскользнуть на свободу. В ее предыдущих воспоминаниях он просто... исчез.

Истина осталась прежней. Ее надежды не стали сильнее с тех пор, как она выпустила вспышку силы, о которой тут же забыла.

Но теперь у нее появилась новая правда. У нее был дар от Дракона.

Одри подсчитала свои недостатки. Благой Дракон, она столько лет не жила среди своего народа. И теперь вспоминала родство, глубокие корни, одинаковые инстинкты. Осознание собственной силы должно было быть радостным. Вместо этого ее раздирало что-то похожее на тошноту. В грудь изнутри вцепился густой тянущий страх. Она осела на влажный пол и прислонилась к покрытой водорослями стене. Невидяще глядя перед собой, она сражалась за право вспомнить с той же силой, с которой раньше пыталась заставить себя забыть.

— Завтра мы начинаем заново, — сказал Лето. — А сейчас спи.

Звук запирающейся решетки откликнулся эхом в пустой пещере. Одри его почти не услышала. Она сжимала пальцами виски. Что-то было там, внутри, пряталось в ее сознании — что-то темное и жуткое, готовое вырваться на свободу.

Глава 5

— Это письмо стало главной подвижкой в нашем деле с картелями за последние десять лет, — сказал Малнефоли, Благородный Гива. — Ты отказываешься это признавать.

Мудрость Сат подалась вперед в своем кресле.

— Следи за тоном.

Он резко взглянул на женщину, которая, казалось, не имела возраста.

— Что ты сказала?

Она оперлась ладонями на столешницу, выточенную из дерева, древнего, как сама память. Оно, как и все прочее в Твердыне Чазма, хранилось и оберегалось — действующий мемориал созданию, которое когда-то вдохнуло в них жизнь. Даже их мантии, сшитые из черной тяжелой ткани с оторочкой цветов каждого клана, насчитывали уже не одну сотню лет. Копии копий копий таких мантий носил первый Совет Пяти кланов, когда Сат, Тигони, Пендрей, Гарнис и Индранан сомкнули ряды своих войск и заключили перемирие, которое тысячелетиями хранило мощь Королей Дракона.

Только Сат была известна подлинная история их народа. Они хранили секреты, которые не следовало хранить, и владели силами, которые им не принадлежали.

— Ты слышал меня, Малнефоли, — Мудрость Сат сузила глаза. — Ты ничего не добьешься, пытаясь силой заставить нас подчиняться.

Во имя гармонии и, что куда более важно, чтобы сдержать свой взрывной нрав, Малнефоли не бросил ей вызов за открытое оскорбление. Только его семья все еще называла его по имени. Для всех остальных он был Благородным Гивой — единственным членом Совета, кому дозволена мантия цвета бесконечной тьмы. Без кланового цвета.

Вступая в должность, сенаторы отказывались от кланового родства, чтобы подчеркнуть беспристрастность суждений. Из каждого клана выбиралось двое. Старших женщин именовали Мудростью, за их прозорливость и материнское терпение, а молодых порывистых мужчин — Юностью, за боевой дух и стремление к борьбе.

Сдерживающие и уравновешивающие силы, с Гивой в качестве главной оси.

Мудрость Сат была главным и самым опасным его оппонентом. Она была Вором.

Нет.

Она была Сат. И то, что она бросила ему вызов в самом начале одного из двух ежегодных собраний, было плохим знаком. Но Гиве не пристало опускаться до употребления имен, а с тем, что он планировал, собрание грозило перейти в сплошную свару.

За стенами их убежища, скрытого высоко в горах Тибета, бесновался шторм, который, казалось, стремился пробудить самого Дракона от его вечного сна. Снег вился за выплавленными в глубинных огнях Чазма стенами из стекла. Неразрушимого. Мерцающего золотом. Лишь неведомые особенности этого стекла отделяли их от ярости гималайской метели.

Он ненавидел холод и с нетерпением ждал возвращения в Грецию. Но он не мог управлять Советом из дома. Письмо Нинн изменило все.

Сжав кулаки под столешницей, он размеренно задышал, используя проверенные веками техники. Другие кланы считали, что Тигони предпочитают политику прямому насилию. Они ошибались. Тигони обладали настолько огромными силами, что контроль был жизненно важен. Мэл боролся с потоком электричества, который захлестывал каждую клеточку его тела. Для чужаков, в частности для Совета, его контроль мог показаться слабостью. Но он не ощущал себя слабым, он был мужчиной, чья воля и честь удерживали шторм на цепи.

— Мы собрались здесь ради обсуждения, — сказал он, и голос его звучал сдержанно и ровно. — Которое необходимо перед тем, как мы сможем прийти к согласию и затем начать действовать. Мы здесь не для того, чтобы бросаться оскорблениями.

— Как быть, если *Узурпатор* не оскорбление, а факт? — Это заговорил Юность Пендрей, чье положение всегда выдавало его силу. Его вечное место находилось над пропастью невыразимой и безумной жестокости.

Узурпатор. Это слово преследовало Мэла уже двадцать лет.

Совет напоминал ему во время любого собрания — не всегда прямыми нападками, обычно своим отказом сотрудничать с ним. Предыдущий Гива управлял Пятью кланами более восьмидесяти лет. Двое детей из каждого клана глядели в бурлящую огненную пасть Чазма, где родился Дракон и куда он ушел погибать. И тогда десять ртов одновременно выкрикивали имя выбранного Гивы.

Но Мэл...

Его избрали шесть шепотов. Кланы Пендрей и Гарнис были настолько малочисленны, что отказались обречь даже двоих своих детей на полубезумную жизнь на вершине горы. Тысячелетиями выбор Гивы считался честью. Рассудок никогда не возвращался к этим детям, и они вырастали в отважных воинов, единственным долгом которых была защита Твердыни Чазма. Теперь же традиция считалась пустой потерей немногих оставшихся детей. Те, кто выбрал предыдущего Гиву, постарели, оставив крепость уязвимой. Их черепа сжимались и сокращались, как популяция Королей Дракона.

Мэл был очевидным отражением происходящего.

Всего шесть шепотов, когда традиция требует десяти криков.

Этих четырех жизненно важных голосов не хватало с самого первого дня на посту Гивы, его авторитет подвергался сомнению. Гива был осью. Вот так просто. Мэл пытался уравновесить весы, чтобы спасти свою расу, но ему приходилось биться за спасение без общей поддержки.

Нет, это не значило, что он не владел нужной силой. Или не обладал элементом непредсказуемости.

— Юность Пендрей, если у тебя есть лучшая кандидатура на мое место во главе этого Совета, я могу тебя выслушать. Ты готов принять мою должность? Ты не хуже других Советников знаешь, с чем столкнулись наши кланы и наш народ. У тебя есть право голоса, право спорить, право создавать проблемы и право быть полезным — но ты останешься лишь одним из десяти. Ответственность за любое решение лежит на мне, к добру это или к худу. Ты готов взвалить на себя эту ношу?

— Ладно, — Юность Пендрей был одним из самых сварливых советников. Даже Мудрость Сат знала, когда пора отступить. — Просто знай, что твое «О, горе мне!» звучит крайне жалко, *Гива.*

— Быть Советником — не горе, честно говоря. А вот быть капризным Советником...

Юноша грохнул кулаком по столу.

— Достаточно, — осадила его Мудрость Сат, сдвинув седые брови. — Мы говорим вне очереди и без достаточного уважения.

Долгий опыт говорил Мэлу, что она тихонько посмеивается над его лидерством. Но сейчас это не имело значения. Ее вмешательство дало ему мгновение, чтобы взять себя в руки, а Юность Пендрей опустил плечи, растеряв свою агрессивность.

— Итак, — продолжил Мэл, словно не было никакой вспышки. Пока он способен сохранять спокойствие, он мог вести любую политическую игру. Двадцать лет оспариваемого правления, а до того годы во главе собственного клана сделали его мастером таких игр. — Письмо моей кузины является решающим доказательством того, что человеческие картели зарвались. Речь больше не идет о волонтерах, которые отчаянно пытаются выплатить долги или спекулируют на возможности зачать дитя. Человеческие преступники захватили Короля Дракона в собственном доме! И я потрясен тем, как легкомысленно вы к этому относитесь.

— Потому что, даже если факт нападения будет доказан, информация *исходит* от твоей кузины. — Юность Сат вскинул подбородок, демонстрируя отвращение. — А ее выдворили не без причины.

— Ее изгнали за брак с человеком и, если быть до конца откровенными, в расплату за обстоятельства, окружавшие ее мать. Но никак не за ее собственные проступки. И факт, что Нинн смогла родить сына без осложнений, мы все не можем недооценивать. Одно это достойно благодарности. Ты бы уточнил, что случилось за прошлые годы.

— Ее сыну только шесть, — сказал Юность Индранан, глядя на Совет спокойными темными глазами. Он всегда говорил за себя и за Мудрость своего клана, которая сидела неподвижно и беззвучно слева от него. Способность к телепатии позволяла им обойтись без перешептываний. — Пока неизвестно, обрел ли он Дар от Дракона.

То, как в клане Индранан выбирали своих представителей, было загадкой для всех остальных кланов. Северные и Южные фракции уже три тысячи лет вели кровопролитную гражданскую войну. Мэл не знал, были ли эти двое выбраны с полуострова Индостана или из внутренних районов австралийского материка. Они возмущали его тем, что вобрали в себя все, что стояло на пути к выживанию расы Королей Дракона: древние распри, зависть, ненависть и весь набор эмоций, за которые они издавна презирали человеческий род.

Люди процветали. Короли Дракона балансировали на грани вымирания.

Сенаторы Индранан не упускали ни малейшей возможности поспорить с Малнефоли. Впрочем, он не списывал это на их телепатию, которая тревожила всех. Они просто не хотели признавать его слов, по причинам, которые он так и не мог определить. Личным? Политическим? Из желания манипулировать эмоциями, которые он держал под контролем?

За ними шли сенаторы клана Гарнис. Бесполезные. Они практически всегда молчали — даже их Юность. По сравнению с организованным, даже сильным правлением других четырех кланов, Гарнис нечего было предъявить. Потерянные. За двадцать лет Мэлу ни разу не удалось определить, чем обусловлено их невмешательство на собраниях Совета — их способом управления кланом или недостатком сил на то, чтобы поддержать любую точку зрения. Но во что-то же они *верили.*

Ему хотелось пройтись — или спустить дождь молний на тех, кто ему противостоял. Слишком темпераментный для Гивы. Он с самого начала это знал. Медленно кипящая ярость дрожала в нем от каждого несказанного слова, от каждого несделанного шага. Он загнал свою ярость поглубже внутрь. Никто не сможет его унизить. При всех сомнениях в законности его должности, сам Мэл знал правду. И был полон решимости вывести свой народ из этого кризиса.

— Все мы знаем, что муж Нинн был убит. Никто с тех пор не видел ни ее, ни ее сына. Это письмо — первая весточка от нее. И, Дракона ради, половина письма написана ее кровью.

За столом зашумели, споря, осознавая его слова, превращая их в оружие, которое можно будет использовать против своих соперников.

Астер хранит секрет нашего выживания, но ***такой*** *ценой?*

Слова Нинн преследовали его днем и ночью. Даже ярость горных ветров звучала для него голосом плененной кузины. Ее голос был так громок, что заглушал даже тиканье его мыслей, напоминавших, что у Королей Дракона заканчивается время.

Его тетя, Леоки, сбежала с мужчиной из клана Пендрей. Возможно, однажды она и могла бы вернуться обратно в клан Тигони и быть принятой, особенно если бы Мэл все еще был Гивой. Леоки умерла при родах. Нинн убила ее.

Боль потери до сих пор жгла его изнутри. С тетей у него разница в возрасте всего пять лет — она была ему как сестра. Слишком многого он лишился в тот день. Леоки погибла. Нинн была приговорена к процессу, который закупорил ее опасные силы. Она стала практически человеком, так что решение об обучении в Штатах принадлежало ему, и внедрить эту мысль в ее сознание было предельно просто. Пару недель спустя Нинн была уверена, что идея с Америкой принадлежит ей самой.

А брак с человеком... Это был конец Нинн как одной из Королей Дракона.

Он боролся тогда с Советом. Боролся даже с самой Нинн, в надежде что она одумается и вернется домой. И был лишь один хороший момент в той сложной истории их отношений. Нинн впервые за долгие годы казалась искренне счастливой. И даже когда Совет огласил свой вердикт, она вела себя как женщина, которую освободили от тяжкой ноши.

Вот только она не знала, что эта ноша осталась в ее сознании.

— Ничего другого я и не ждал услышать от Вора и лгуньи! — завопил Юность Пендрей.

— Тихо! — Голос Мэла раскатом грома пронесся по широкому круглому залу. — Вы избалованные дети, а не сенаторы. *Я буду* действовать без согласия этого Совета, если ваше участие ограничится детскими оскорблениями.

— Действовать без нашего согласия? — Юность Сат, казалось, был готов использовать свой стул в качестве оружия, настолько ему хотелось ударить Мэла или Юность Пендрей.

Мудрость Тигони прочистила горло. Только она была способна остановить такой накал злости простым движением брови. Юности Пендрей и Сат продолжали жечь взглядами, но один переключился на столешницу, а другой на складки рукавов своей мантии.

Мудрость Тигони когда-то звалась Хобик и приходилась Мэлу приемной бабушкой, только поэтому она была единственной из сенаторов, кого он мысленно продолжал называть по имени. Они не были кровными родственниками, но выглядели весьма похоже: густые прямые волосы цвета бронзы и глаза настолько синие, что казались черными в слабом свете зала Совета. Элегантные, как всегда говорили о Тигони. Культурные. Грациозные.

Еще одна причина, по которой их не принимали всерьез во времена войн.

Мэлу стало смешно. Его люди обучали битвам греков и римлян. Они учили, как возводить города и защищать их. В этот миг треск статического электричества подсказал, что оно сложилось в искры в его крови, теле, в воздухе вокруг него. Если он позволит себе потерять концентрацию, эти искры соединятся в страшный поток кинетической энергии. Он превратится в живую турбину.

Не сейчас. Возможно, никогда.

Он едва заметно кивнул бабушке.

Хобик окинула взглядом остальной Совет.

— Безотносительно к тому, благословил ли Дракон дитя Нинн, два других человеческих картеля являются для нас независимыми источниками информации. Они открыто завидуют приобретениям доктора Астера. Исходя из времени ее похищения, мы можем заключить, что причастность Астера несомненна. Зачем он стал бы удерживать их, не будь пленники важны?

Эта логика внезапно оказалась ключом к концентрации внимания Совета. Мэл был слишком на взводе, чтобы додуматься до этого самому.

Он глубоко вдохнул разреженный горный воздух и мысленно поблагодарил Хобик за то, что она успокоила сенаторов. На время.

Нинн была кусочком мозаики, пропавшим из его жизни после ее отъезда в Штаты, а затем навеки потерянным после ее брака. Она никогда не видела в нем мужчину, с которым ее разлучили. Она видела в нем друга. Хуже того, с тех пор он был одержим ею. Она была тем первым и единственным этапом его жизни, когда он поддался требованиям Совета. И в результате он никогда не видел ни ее мужа, ни сына. Очевидно, столь сильным было ее отвращение к нему.

А теперь он получил письмо. Возможно, последнее в ее жизни. Исчезновение Нинн дало повод заставить Совет вмешаться. Он слишком долго ждал подобной возможности.

Мэл прочистил горло. Пришло время подвести собрание к главному.

— Более того, меня известили о существовании подпольной сети Королей Дракона. Они работают тайно и не подчиняются своим кланам. Помимо этого они пересекают границы кланов. Не признают политики. Не делают никаких различий, кроме отличия нашего народа от людей в целом.

Эти слова были встречены возгласами удивления и недоверия. Каждый сенатор считал, что он или она обладает полным контролем над своей территорией и крайне бюрократичными правительствами своих стран. Они наверняка думали, что ни один их подданный не осмелится нарушить многовековые традиции клана и избежать заранее определенного предназначения.

Управлять собраниями Совета, проводимыми два раза в год, становилось все труднее. Никто не хотел поступаться личной выгодой ради общего блага.

Даже в их маленькой группе.

И все же он верил, что есть и другие, способные видеть мир — и нависшую над их расой угрозу уничтожения — с куда большим прагматизмом. Что давало Мэлу надежду не меньшую, чем письмо Нинн.

— У них нет имен, — продолжил он с предельной сосредоточенностью и спокойствием. — Нет закона. Нет способов связи.

— Так кто же доставил это письмо? Почтовые голуби? — Юность Пендрей презрительно оскалился, словно готовясь покинуть собрание.

Мэл сделал паузу, глядя в глаза мятежному сенатору.

— Письмо доставил Таллис из клана Пендрей.

Молчали все. Мэл буквально видел, как они мысленно пробуют эту новую информацию, пытаются оценить ее истинность. И решают, что ее недостаточно.

— Еретик, — прошептал Юность Тигони. — Он мертв уже много лет.

— Он не мог умереть, поскольку изначально был мифом клана Пендрей, — Мудрость Сат покачала головой. — Какой-то легендарный убийца? Я не верю в сказки.

Мэл холодно улыбнулся.

— Осторожней. Называть меня Трикстером это одно. Но сейчас ты, можно сказать, провозгласила меня лжецом. Я бы не был так категоричен.

Пара сенаторов Индранан обменялась взглядами, и заговорил их Юность.

— Мы согласны с Мудростью Сат. Его не существует. И никогда не существовало.

— Юность Пендрей! — Мэл поднялся, положил ладони на столешницу и переместил на них вес тела. Золотистая от природы кожа сенатора приобрела болезненную бледность, словно он увидел призрака. — Он из твоего клана, тебе слово. Миф ли Таллис из клана Пендрей? Мертв ли он?

— Еретик — это не миф, — ответил тот глухим монотонным голосом. — И, насколько известно правительству Пендрей, он далеко не мертв. Иначе мы увидели бы праздничные огни даже с этих гор. Наши люди десятилетиями за ним охотятся. — Сенатор, казалось, постарел во время своей речи еще на десяток лет, но явно очнулся от спячки. — И он доставил это письмо? Как добрый самаритянин?

— Не стоит считать меня добрым, — раздался мрачный голос из тени.

Мэл выпрямился, радуясь пунктуальности Таллиса.

Стражи возникли из ниоткуда. Юности Совета вскочили на ноги. И лишь треск электричества с пальцев Мэла остановил хаос.

— Сенаторы, вернитесь на места. Немедленно. А тебе я предлагаю представиться. Быстро.

— Совет упомянул Дьявола, и я явился. Я Таллис из клана Пендрей. Насколько я понял, вы не против со мной поболтать.

Все в нем, от позы до тона и слов, было буквально пропитано сарказмом. Он него исходило ощущение полного презрения. Этот мужчина плевал на все, даже на смерть. Он, как и любой другой Король Дракона, пытающийся слиться с большим миром, был одет в совершенно неприметную одежду — черные джинсы, футболку с длинными рукавами и черный свитер поверх нее. Обыденная, даже слегка неряшливая одежда явно предназначалась для того, чтобы сгладить, а не подчеркнуть классически прекрасные черты, свойственные его народу. Руки он держал в карманах, так, словно прерывать собрание Совета для него было так же обычно, как поход в кинотеатр.

Шок и любопытство окутывали зал Совета, словно клубы дыма, поднимающиеся к облакам. Мэл не испытывал ни малейшего уважения к Еретику, хоть и привел его в крепость. Список преступлений Еретика вызывал у него тошноту.

— Что ж, расскажи нам. Как у тебя появилось письмо Нинн?

— Да вы уже практически додумались, — сказал Таллис. — Что впечатляет, когда дело касается Совета. Молодцы.

Мэл стиснул зубы. В разгар борьбы с капризными сенаторами, под угрозой медленно надвигающегося вымирания, он вынужден был терпеть ублюдка, который играл на остатках его сдержанности.

— Да, существует кучка мятежников, которые отказываются от связи с кланами. Они нашли письмо. Рид из клана Тигони, не пройдя и километра от комплекса Астеров, замерз до смерти. Так выяснилось, где примерно это находится. — Он тихо хохотнул. — Когда твоя кузина снесла крышу лаборатории, после чего Рид и сбежал, ее местоположение стало известно наверняка.

— И ты смеешь смеяться над этим?

— Не дергайся, Гива. Тебе же нужно, чтобы они меня выслушали. Я хотел доставить письмо, что было не под силу другим мятежникам. Их главный козырь — анонимность. А мой — становиться анонимом, когда я сам того пожелаю.

— Есть и другие слухи. — Мэл вышел вперед. Он вскинул подбородок и приготовился убить союзника, такого же Короля Дракона, в зависимости от следующего ответа Таллиса — не здесь, не в твердыне Чазма, но там и тогда, когда это станет возможным. — Слухи о том, что это ты убил мужа Нинн, а затем передал Астерам ее саму и ее сына.

Таллис смерил его взглядом, подчеркивающим, что ситуация тупиковая. Под внешней легкомысленностью мелькнуло что-то более глубокое. Мелькнуло и пропало.

— Забавная вещь — слухи.

— Но ты *убийца.*

Таллис кивнул.

— Так скажи мне, почему бы нам не запереть тебя здесь и не устроить суд? Или, как следовало бы, не вернуть тебя клану Пендрей, который тебя ненавидит?

Юность Пендрей практически зарычал, соглашаясь с идеей.

— О да, мой любимый клан затаил злобу, — убийца пожал плечами. — Но тебе, Гива, лучше поверить мне, если ты хочешь спасти Нинн.

Мэл буквально ощутил тяжесть своего бремени. Само существование его расы зависело сейчас от решений, которые он должен принять. К счастью, главной его слабостью был излишек упрямства, а не недостаток решимости.

— Нинн и ее сын страдают, — ответил он. — Для меня сейчас этого достаточно. При всем уважении, сенаторы, я откладываю наше заседание. Никто не покинет крепости, пока мы не придем к соглашению. Выступить ли нам против картелей? Проигнорировать угрозу и надеяться, что судьба Нинн всего лишь единичный инцидент и не затронет других? Последовать за этим человеком? Мы должны быть готовы дать нашим кланам ответы, которых они наверняка потребуют.

Он не стал заглушать треска энергии в крови. Это была чистейшая часть его, дарующая силу изнутри, постоянно напоминающая, что он должен быть сильнее своего дара.

— Подумайте ночь, — сказал он, вкладывая в слова всю свою уверенность. — Подумайте несколько дней, если это понадобится. Найдите в себе силы отложить мелкие

дрязги и действительно вести наш народ. Это, Дракон ее побери, ваша прямая обязанность, и я не жду меньшего, чем полное сотрудничество в этом вопросе.

Он повернулся к Еретику. И движением запястья велел стражам схватить его.

— Что касается тебя, то я выслушаю все, что ты сможешь сказать. Могу даже проводить тебя в крепость — к Астерам или кому-то другому. Но вначале ты ответишь на все вопросы о моей кузине.

Глава 6

Одри вымоталась — телом, сознанием, душой. Но не могла заснуть.

Она лежала на неровном полу и смотрела на рваные тени, мелькающие в глубине ее клетки. Зал для тренировок, как он сказал. И комната для отдыха. Но она знала правду. Решетки и ключи означали тюрьму. Уже больше года она лишена шанса вдохнуть свободного воздуха. Каждый вдох отравлен кислой болью. После такого жуткого плена беспомощность должна врасти ей под кожу.

Так и было.

Она едва не сдалась там, в лабораториях. Еще пара месяцев, а то и недель, и она бы сделала что угодно, чтобы оборвать свою жизнь. И жизнь Джека.

Каждое утро она гадала, не будет ли убийство и самоубийство лучше нового дня пыток. Она была запугана, изнутри и снаружи, но она хотя бы знала, кого винить. Но ребенок... Джеку не исполнилось и шести. Он мог никогда не перерасти этого жуткого опыта.

А в итоге инстинкт выживания Одри оказался слишком силен. Она снова и снова решала дать себе еще один день. Еще один шанс. Никак не могла распрощаться с надеждой. Она проклинала ее почти так же часто, как и цеплялась за нее, — почти так же сильно, как за своего маленького мальчика.

И вот она снова окутана тьмой, но уже не было возможности обнять Джека. Не было теплоты. Не было звука его тихого дыхания, когда мальчик наконец засыпал. Но даже его сны затронула травма. Даже в них он не был свободен. Кошмары Джека разбивали ей сердце.

Но она предпочла бы разбитое сердце своим пустым рукам.

Спина болела. Сожаления и неуверенность паразитами поселились в ее мозгу. Ей придется стать воином Клетки. Решение, освободить ли Джека от страданий, теперь принадлежало не ей. Но она сможет освободить его и построить заново их жизни. В ней есть сила, способная на это.

Ты сорвала крышу с лаборатории доктора Астера.

Ей больше не нужно гадать, почему ее вытащили из одного ада и бросили в другой. Возникли другие вопросы.

Как?

С каких пор?

И почему я ощущаю такой ужас и пустоту?

Все ее тело болело. Кожа головы горела от того, что Лето протащил ее по полу. Рука, которую он вывернул, заламывая за спину, потрескивала в суставе. Живот болел от ударов. Жар под кожей жалил ее, но эта боль была похожа на удовольствие. Потому что у этой боли был смысл.

Одри свернулась клубочком, как ребенок в люльке. Только давным-давно заученные техники Тигони позволили ей успокоить разум и соскользнуть под теплое покрывало сна.

На мгновение.

Ключ загремел в замке по ту сторону извилистого коридора, и Нинн мгновенно подобралась. Шум означал опасность. Она тут же оказалась на ногах. Холод сделал ее неуклюжей, Нинн покачнулась и сосредоточилась на тени, черным пятном выделявшейся на фоне угольной черноты. Мышцы повиновались с удивительной грацией. И боль утихла. Внутри звенело желание двигаться.

— Рано просыпаешься?

Она вздрогнула, когда две голые лампы зажглись над ее головой. Однако даже зрение адаптировалось куда быстрее. Неужели высвобождение силы что-то сделало с ней? Это могло быть всего лишь откатом после полной беспомощности в лабораториях доктора Астера, но Нинн сомневалась. Она жалела, что не может понять или вспомнить. Тогда она могла бы ощутить хоть какое-то удовлетворение, избавиться от тошнотворного липкого страха. У нее не было времени на разгадывание секретов.

Лето стоял в нескольких метрах от нее. На нем были такие же доспехи, но явно новые, без вчерашних повреждений. Правое плечо было закрыто перемежающимися пластинами металла и стали — разной толщины и текстуры. Второе плечо оставалось открытым. Четко очерченные мускулы перекатывались и скользили при каждом движении. Бицепсы, предплечья — даже ладони были буквально слеплены из них. Он был самым впечатляющим мужчиной из всех, кого она встречала в своей жизни. Порождением невозможной мечты. Тьма и напор. Сила и мощь. Знание своего предназначения пульсировало в нем и волнами расходилось от его потрясающего тела, настолько мощными, что она буквально чувствовала их кожей.

Этот мужчина обладал властью.

И он нуждался в ней.

То, что она была важна для такой потрясающей горы тренированной смертоносной силы, Одри почти смешило. *Не может быть.* Дракона ради, она же вырезала купоны со скидками и водила Джека на совместные уроки плаванья в «Мама и я». Она не была воином.

Но заряженное энергией тело и обострившиеся чувства утверждали обратное.

У нее не будет шанса на выживание, не говоря уж о спасении Джека, если она не превратит себя в нечто похожее на Лето из клана Гарнис.

Она кивнула на маленький крестик хирургической ленты в том месте, где она проколола его щеку.

— Бинты тебе не идут.

— Тогда не бей меня больше.

— Вот это я постараюсь делать как можно чаще.

Он уронил с плеча тяжелый мешок, и грохот, раздавшийся в пустой камере, почти оглушил ее. За мешком последовали два щита, с металлическим звоном упавшие на камень.

— Ты сегодня слишком разговорчива. Завтрака не будет.

Желудок Одри словно ждал упоминания еды, чтобы громко забурчать. Так громко, что его могли услышать даже охранники в конце тоннеля. Губы Лето дернулись в ухмылке.

Он вошел в ее маленькую камеру, как бог, спускающийся к смертным. Не существовало другого способа описать его шаг, его прямую спину, гордо расправленные плечи. Он двигался с изяществом, несмотря на тяжесть каждого шага. Опустившись на корточки перед кожаным мешком, Лето распахнул его. Металл. Сверкающий металл всех форм и размеров. Каждый предмет со своим смертоносным замыслом.

Темные глаза Дракона встретили ее взгляд.

— Для начала изучим материалы.

Он доставал из мешка и описывал ей все типы оружия, доступного им в Клетках. Мачете и булава. Кривой кинжал и серп. Даже что-то похожее на металлический череп.

— Я не понимаю, — сказала Одри, когда он закончил. — Вначале ты говорил только о моем загадочном врожденном даре от Дракона. А сейчас выдаешь краткий курс средневекового оружейника.

— Твой дар еще нужно будет развить. Но даже воин, полностью контролирующий его, не может полагаться только на дар. Во время матча Клетки контролирует судья. Щелчок кнопки, и наши ошейники снова активированы. Выживание зависит от прямой схватки. Это значит, что тебе придется работать со сталью и боевыми искусствами — хоть твоя демонстрация пирокинеза и была впечатляющей.

— И полностью стерлась из моей памяти.

— Да, еще одна проблема. — Он подался ближе. Дыхание коснулось ее кожи. Губы почти что щекотали ухо. Но так и не коснулись. — Моя задача в том, чтобы ты наверняка пережила те несколько случайных минут, когда наши силы не будут иметь ни малейшего, Дракон их раздери, значения.

Одри вздрогнула. Ее тело уже было на взводе от энергии, которую она не могла контролировать. А ощущение такой близости к теплой коже Лето добавляло новый слой ощущений. *Хочу.* Она попыталась избавиться от этого чувства. Она считала его попыткой предать мужа, по которому все еще горевала с каждым новым ударом сердца. Но потребность в физическом контакте была очевидна — этот контакт не предполагал страха и боли. Она глубоко вдохнула, втягивая в себя запах Лето, сплетенный из чистой силы.

Почти не чувствуя тела, она потянулась к металлическому черепу.

Лето ударил ее по запястью и зарычал:

— За дурака меня держишь?

— Ну и как я научусь ими пользоваться, если мне запрещено их трогать? Не скажешь?

— Это *нигнор.* Ты настолько не знаешь наших традиций?

— Я знаю, что разные условия жизни учат нас разным вещам. Ты умеешь читать?

— Да. — Он сжал губы в тонкую линию. — Мать научила меня читать. И многим другим вещам.

— Как давно ты был на поверхности? Когда в последний раз видел солнце?

Его пустой взгляд стал выразительнее, но напряжение выдавали плечи.

— С какой стати это вдруг стало важным?

— Просто интересно, чему вы, варвары, учитесь, кроме как ломать друг другу спины. И, кстати, *нигнор* — это церемониальное оружие Сат. — Ей было приятно застать его врасплох. Снова. — Ты забыл. Я росла среди Тигони. А это означает многие годы изучения наших традиций и ритуалов. Я не умею им пользоваться, но знаю, что это такое.

Он взвесил *нигнор* на руке.

— Твоя очередь рассказывать. Докажи.

— Все они очень древние, из тех времен, когда Сат правили людьми как фараоны. Они заявляли, что это головы людей, отказавшихся признать превосходство первых Королей Дракона. И многие из страха перед такой участью признавали Сат своими богами. — Ее живот скрутило, на этот раз не от голода. — Покрыт железом. Залакирован и отполирован с течением лет до блеска. Но под металлом здесь скрыта кость. Череп какого-то древнего крестьянина.

Лето пожал плечами.

— Это они так говорят.

— Позволь мне взять его. Сэр.

— Непохоже на просьбу.

— Мы решили забыть про игры, помнишь? Тебе нужно меня научить. — Их взгляды встретились. — Более того, мне кажется, что ты *хочешь,* чтобы я научилась.

От этих слов он стиснул зубы, став на миг похожим на череп в его руке. Металл над костью.

— Не строй предположений, неофит.

— А как мне их не строить? Мы оба знаем, что на кону. Так что давай мне эту проклятую штуку и научи ею пользоваться.

— И без обеда.

Одри шумно выдохнула.

— Ты *действительно* тормоз. Даже доктор Астер кормил меня. «Берегите силы, миссис МакЛарен, — повторял он. — Завтра нам предстоит работа». — Она стояла и смотрела сверху вниз на самого сильного мужчину из всех, кого ей доводилось видеть. — Тебе нельзя причинять мне вред, *сэр.* Как дозволено было ему. Так что давай возьмемся за дело, которое, как мы оба знаем, необходимо обоим.

Он начал медленно подниматься из своего положения. Размеренно. Контролируя каждое движение. И становился все выше и выше, пока снова не превратился в безжалостного воина.

— О нет, я могу причинить тебе вред. И победить. Я сделаю это любой ценой, даже если во время матча мне придется забить тебя до потери сознания.

— И к чему это приведет?

— Я смогу продолжать бой. Без помехи.

Кровь Одри замедлилась.

— Отлично же ты меня учишь.

— И не забывай о Хелликсе, — сказал он, и его гремящий голос был пропитан угрозой.

— А с ним что?

— Твои дни подчинены мне. Но я не несу ответственности за твои ночи.

— Но охранники..?

— Без надзора и охотно берут взятки. От них защиты тоже не жди.

Она сжала губы почти до боли. И заставила себя успокоиться, оценить информацию, не сорваться в ответ на его угрозы.

— Не скажете ли мне одну вещь. Сэр.

— Которую?

— Клеймо на руке Хелликса. Что оно значит?

Его лицо затвердело. Она и не думала, что такое возможно, особенно после грубости, с которой он говорил с ней. Но, видимо, отвращение к Хелликсу было на порядок выше всего остального.

— Иногда драться в Клетках приходят люди с огромными долгами.

— Что наверняка означает их смерть.

— У них есть выбор, драться здесь или отдать свои семьи на откуп картелю.

Одри помотала головой от ярости отрицания.

— Это не выбор.

— Ты хочешь узнать о Хелликсе или поспорить об устройстве мира? — Он не отпускал ее взгляд, пока она молча пыталась совладать с дыханием. — Людей в Клетках убивают обычными ножами. Короли Дракона, приговоренные к казни, делают это в качестве открытия ежегодного Конфликта.

— Хелликс выжил.

— Но все еще должен был понести наказание.

— Я не понимаю.

— Как убить Короля Дракона?

К горлу Одри подкатила тошнота, память о многовековом страхе ее народа. Они могли жить куда дольше людей. Некоторые жили веками. Но это не означало, что ее раса бессмертна. Рано или поздно старость добиралась и до самых сильных детей Дракона. И тогда...

— Обезглавить, — ответила она, как на экзамене. — Но только железом, закаленным в огне Чазма, где родился и умер Дракон.

— Это считается почетной смертью для воина Клеток. Хелликс был заклеймен обычным человеческим ножом — постыдным напоминанием о том, что он должен был умереть. Он худший из худших. Я думал, он сорвет себе кожу с лица, лишь бы избавиться от этой штуки. — Лето хрипло хихикнул. — Но он переносит свою ярость на женщин, которых получает. Ты понимаешь, о чем я?

Она вздрогнула. То, что ей удалось пережить деградацию в лабораториях, не означало, что она хотела еще. И почему-то было ясно, что выжить рядом с Хелликсом будет не проще полноценного боя в Клетке. В Клетке, по крайней мере, Лето был ее союзником.

С усилием сглотнув, она распрямила позвоночник.

— Я поняла, сэр.

— Тогда за работу.

Лето сыпал множеством угроз, чтобы заставить Нинн активно сотрудничать, — угроз, которые он не собирался воплощать в жизнь. Использование Хелликса в качестве живого ходячего пугала сработало. Но она оказалась смышленой. И могла вскоре сообразить, что, стань она жертвой общеизвестной сексуальной ярости Хелликса, это уничтожит ее. А Лето останется без воина, с которым можно биться рядом, он получит лишь сломанную оболочку женщины.

Мысль о том, чтобы вырубить ее и самому справиться с противниками, тоже была привлекательной. Ему хватило бы мастерства сохранить ее живой. Но, с другой стороны, это будет полным крахом, так как толпа не потерпит бойца, который на протяжении трех матчей валяется без сознания.

Требовался запасной план на случай, если угрозы перестанут работать. В случае с Нинн он надеялся на то, что она тайно жаждет выпустить свою ярость. Получив нужные для этого инструменты, она станет биться и без уговоров или угроз.

Один из инструментов он сейчас держал в ладони. *Нигнор,* древнее, жестокое, эффективное оружие. Ему хватало единственного сокрушительного удара. В спину, в шею, в голову. Для человека это означало верную смерть. А точное попадание в Короля Дракона давало достаточно времени, чтобы отрубить ему голову мечом, закаленным в горниле Чазма.

Именно этим методом он воспользовался во время последнего Конфликта.

— Держи, — сказал он.

— Не боишься, что я немедленно им воспользуюсь?

— Опасался бы, если бы думал, что ты справишься с ним одной рукой.

Нинн обхватила тяжелый металлический череп. Плечи тут же сгорбились в попытке удержать его от падения на влажный скользкий пол. Тренировочные залы держали влажными специально, чтобы найти точку опоры было труднее. Когда она выйдет биться на надежном полу, с равновесием и приемами будет проще.

Промозглая сырость тоже была проверкой на выносливость, равно как и аскетизм ее клетки. Неофитам отказывали в комфорте полностью. Ни матраса. Ни туалета. Только щель в полу, которую промывала вода из трещины, унося нечистоты в сливную трубу. И клетка два на два метра, возвышающаяся постоянной угрозой.

Она могла получить лишь то, что он согласится ей дать. Пока не победит. Жажда победы в сочетании с возможностью удовлетворить базовые потребности превращала в яростных бойцов даже самых непокорных неофитов.

Доспехи для ближнего боя, которые он принес, были не наградой, а необходимостью. Одна рука оставалась без доспеха для большей маневренности со щитом. Нинн нужно научиться не подставлять незащищенные конечности под оружие. В момент опасности новичок инстинктивно хочет прикрыться наглухо. И лишь терпение и практика позволят бойцу справиться с желанием съежиться при атаке вместо того, чтобы рвануться вперед, доверившись защите кожи и металла.

Лето отметил вполне удовлетворительное состояние ее мускулов. Она была гибкой, грациозной, красивой и вполне могла биться. Теперь ей нужны были только техники — не говоря уж о даре, который она даже не могла вспомнить после прорыва.

У него было три недели.

Пэлл нужна его помощь. Никогда раньше ему не сулили столь высоких наград за довольно простую работу. Обычно, чтобы заслужить такое, требовалось стать победителем Конфликта. Хотя, глядя на то, как Нинн возится с тяжелым *нигнором* он сознавал, что работы будет достаточно.

— Нападай, — его голос отдался эхом от выгнутого высокого потолка. — Это твой шанс выпустить ненависть, которую я в тебе вижу.

Он не думал, что она послушается. Слишком много в ней было здравого смысла. Слишком много гордости, она ведь уже понимала, что все тщетно. И все же сила внезапной атаки его впечатлила. Вместо напряжения, попытки его ударить, она развернулась на месте и швырнула в него тяжелым оружием. Лето прогнулся назад, благодаря рефлексам, отработанным за два десятка лет — несмотря на ошейник. *Нигнор* ударил в стену над его левым плечом. Осколки скалы брызнули в разные стороны.

Она тяжело дышала, опираясь руками о колени. Без еды такие нагрузки забирали остатки ее сил. Глаза Нинн рассыпали почти реальные искры. И ему не нравилось, что его тянет к этому голубому огню.

Лето вернулся в стойку.

— Что поняла, новичок?

— Что *нигноры* тяжелые?

— Тяжелые.

— Что я могу застать тебя врасплох?

Потребовалось усилие, чтобы скрыть реакцию, поскольку ее слова действительно зацепили его. Лето многое испытал в Клетке и видел, что перед ним боец. Знал, что придет момент, когда она расцветет в яростное создание и не узнает себя прежней. *Это* ее сломает. И это же сделает ее достойным партнером.

— Нет, тебе стоило понять, что у всех моих действий есть причина. Есть другое оружие, более подходящее твоей форме. А теперь ты потеряла и ужин. Дневной рацион потерян, а пользы ноль. — Он присел у мешка и достал кинжал. — Возьми вместо*нигнора.*

Пару секунд она изучала лезвие, словно пытаясь понять его назначение. Он никогда не встречал воина — не говоря уже о необученной женщине, — который оценивал оружие с таким мгновенным пониманием сути. Или это последствия вчерашней вспышки? Она считала, что не обладает даром, но Лето наблюдал обратное. И видел, как она изменилась.

Осталось продолжать изменения.

Нинн протянула руку и взяла у него кинжал. Легким движением перехватила рукоять, чтобы сбалансировать его в ладони. Лето ощутил правильность ее движений, идущую словно из старого сна.

— Теперь щит. — Он без предупреждения бросил маленький круглый щит ей в лицо.

Она отразила щит, используя кинжал. Быстрый разворот, она присела, вскинув левую руку, и ремень щита сам наделся на поднятое предплечье. Готова к защите.

Лето медленно опустился на корточки, чтобы подобрать свой щит и выбранное оружие — булаву. Пульс ускорился, как всегда бывало в предвкушении битвы. Беспокоило то, что его член под тяжелой пластиной доспеха пульсировал в такт. Секс и насилие сплелись воедино. Так было уже не одно поколение. И победители в награду получали плоть из вполне практических соображений. Мощная агрессия не спадала. Она росла, росла и искала способ освободиться. Воинов-союзников сманивали с пика агрессии, предлагая способ куда более искушающий, чем возможность свернуть друг другу шеи, чтобы стряхнуть первобытный шок от битвы на смерть. Избавляться от возбуждения меж женских бедер было куда приятней.

Он никогда еще не реагировал так *до* битвы. Высвобождение происходило после.

Лето отпинал остатки оружия дальше в коридор, который вел к двери ее камеры. И они с Нинн закружили под слабым светом голых ламп.

— Я буду твоим первым противником, — хрипло сказал он.

Словно заявляя на нее право. Присваивая ее, пусть даже таким жестоким способом.

— Похоже, до сих пор мы были равны. На тебе повязка И новый доспех, — она улыбнулась. Соблазнительно. Лукаво. — Что ж, покажите, на что способны, *сэр.*

С этими словами она атаковала.

Глава 7

Одри хотела всего лишь сбить с его лица наглое высокомерное выражение. Он был смертным. Уязвимым. И шрам, пересекающий его губу, и сеть отметок от хлыста на спине доказывали, что это так. Его можно было ранить, превзойти, возможно, даже победить.

Но не сегодня. Не ей.

Ее кинжал отскочил от его доспеха. Ему не требовалось даже пользоваться булавой, щит он метал с той же легкостью, с какой дети бросают фрисби. Край окованного железом щита ударил ее в живот. Толстая кожа тренировочного доспеха приняла на себя большую часть повреждений. Но от силы удара все равно завибрировали кости. Одри прикусила язык, падая на четвереньки.

Инстинкт подсказал ей, что нужно вскинуть щит. Булава опустилась на то место, где должна была быть ее голова. Одри перекатилась, уходя с траектории, и снова поднялась в защитную стойку.

— Ты ублюдок! Ты что, пытаешься убить меня?

— Я ищу пределы твоей выносливости, — сказал он с усмешкой. — По-видимому, это еще не предел.

Она попыталась отдышаться. Рукоять кинжала сидела в ладони так, словно ее сделали по мерке самой Одри. Щит был идеально сбалансирован. Как такое возможно? Она

С детства тренировалась, чтобы защитить себя, а в худшем Случае защищать и Малнефоли. Но никогда с таким оружием. У нее не должно быть ни малейших идей о том, как ими пользоваться.

Однако она умела. И оружие в руках придавало ощущение дома, которого у нее никогда не было.

Подмышки взмокли от пота.

— Для чего этот шелк? Под доспехом?

— Клан Гарнис много лет назад научил самураев им пользоваться. Шелк не дает стреле впиться в тело. Ткань пружинит. Они выпадают.

— Жарко, как в аду.

— Я не буду запрещать тебе пить.

— Спасибо за малые радости.

Он ударил ногой, подбив край ее щита. Рука Одри взлетела вверх. На долю секунды она осталась без защиты. Но действовать начала лишь когда булава снова устремилась к ней. Быстрый перекат. Удар кинжалом. Она промахнулась, но и Лето в нее не попал. Круглое оголовье с шипами ударило вскользь по наплечнику. Порыв воздуха взъерошил ее короткие волосы. Лето использовал инерцию, чтобы одним легким перехватом выбрать слабину цепи.

— Почти.

— Почти, — согласился он.

— А доспех только на одном плече. Почему?

— Ты всегда так много болтаешь в бою?

— Я учусь, ты помнишь? — Они дышали в такт. Одри облизнула губы. — Мой инструктор по ближнему бою никогда не позволял студентам говорить что-то кроме «да» или «нет». С тобой, похоже, я выйду на новый уровень.

На его скулах заходили желваки. Она видела, как бьется пульс на его виске, там, где короткие волосы открывали его змеиную татуировку. От пульсации крови чернила казались живыми.

— Стой неподвижно, и я отвечу на твой вопрос о доспехе. — Он отбросил булаву и щит. — Я предельно серьезен. Сохраняй полную неподвижность, иначе этот урок станет очень грязным.

Сила его голоса завораживала — он сам по себе был оружием — и Одри могла только кивнуть.

Быстрее, чем она могла бы себе представить, он выхватил у нее кинжал. Одним ударом перерубил кожаный ремень ее щита. Щит, уже бесполезный, упал на пол. В мгновение ока она оказалась без защиты. Каждая клеточка ее тела хотела отреагировать. Убежать. Завопить.

Она стояла неподвижно.

Лето ударил кинжалом по острой дуге, лезвие рванулось к ее закрытому доспехом плечу. Его правая рука. Ее правое плечо. Кинжал соскользнул по металлу и коже, как санки с обледеневшей горки. Он перебросил кинжал в левую руку и снова ударил, снизу вверх. И вновь никакого эффекта. Лезвие застряло в слоях доспеха.

— Уворачивайся!

Она среагировала мгновенно, развернувшись в нырке. Кинжал остался торчать в коже доспеха, вырвавшись из хватки ее противника.

Лето запыхался гораздо меньше ее, но все равно его дыхание отдавалось эхом от темных углов комнаты.

Лето коротко кивнул.

— Доспех защищает руку, которой ты держишь оружие. Открытую руку. Атака должна быть невероятно сильной, чтобы пробить все слои.

Одри взглянула на свое голое левое плечо.

— А это для свободы маневра со щитом. Похоже, тема урока была «Не потеряй свой проклятый щит».

На его лице промелькнуло восхищение. Реакция Одри на бой мгновенно раскрыла ему ее истинные цели. Она не хотела его превзойти.

Она лишь хотела его одобрения.

Но какого черта это вдруг стало важно? Ей нужно лишь, Чтобы этот высокомерный грубиян учил ее.

— Но ты, — продолжила она, — ты одинаково владеешь обеими руками.

— Развитие моего дара — моих рефлексов — помогло мне. Теперь мои мышцы реагируют раньше меня самого.

— Воин Клетки полагается на мышцы, а не на ум? Стоило догадаться.

— Не слишком умно дразнить человека, который срезал твой щит.

Она схватилась за рукоятку кинжала. Вытащила его из кожаных складок. Перехватила удобнее правой рукой.

— Я не беззащитна.

Он зашагал к ней. Одри уставилась на движения его бедер, на движение скульптурных мышц. От взгляда на его тело в ней просыпалось древнее знание, дрожь бежала до кончиков пальцев. Его черты были идеально симметричны, за исключением изогнувшейся брови, выдавшей куда больше, чем он осознавал. Прямой нос. Удивительно большие глаза в обрамлении густых ресниц, таких же темных, как его волосы. Определить его возраст не удавалось. Лишь пара морщин портила его гладкую, идеально смуглую кожу.

И его рот. Нижнюю губу так и подмывало назвать пухлой. Верхняя была рассечена старым серебристым шрамом. Единственным намеком на несовершенство красоты его лица, которая буквально зачаровывала.

Ее сознание рванулось внутрь, глубже страха и жажды мести. В животе зарождалась дрожь. Но признание в том, что он ее возбуждает, казалось предательством — памяти Калеба и борьбы за выживание ни в чем не повинного Джека.

И все же он был воплощением сексуальности, дикарской, первобытной. Оружие, доспехи и сила. Несравненные боевые навыки. Он обладал уверенностью, которой Нинн едва ли могла когда-либо достичь. И вместо желания избавить его от этой уверенности она хотела оказаться ближе, утонуть в ней, узнать, как выглядит мир с такой непоколебимой точки зрения.

Она уже не могла вспомнить, как ощущается эта уверенность.

Он скрестил руки. Базовая стойка. Утверждение себя в мире, метка его территории, готовность к атаке — все сразу. В нем бурлила едва сдерживаемая сила. Темные глаза мерцали. Свет ламп окутывал его яркой бронзой, подчеркивая тенями черты лица и выдающийся рельеф мускулов.

— Не стоит мнить о себе слишком много, Нинн. Это всего лишь тренировка. Первые *часы* твоего обучения. Признай, что должна, и я позволю тебе один пищевой паек.

Глубоко вдохнув, она опустила глаза. Понимая, что подчиняется. Но это не имело значения. Ей нужно было поесть. Что бы ей не потребовалось признать, предложение того

стоило. Силы на следующий раунд. Возможно, в конце концов он и сможет ее сломать, не физически. Дорога от гордости до покорности внезапно стала короче.

И снова ей захотелось обладать такой же уверенностью.

Однажды. Скоро.

— Признать что, сэр?

— Встань. Подними голову.

Она подчинилась. Руки и ноги, которые должны были ослабеть от усилий, восстановились — в рекордно короткий срок. Но ощущение того, что она находится не в своем теле, сбивало с толку. Дракон подери, как ей хотелось вспомнить, что же тогда произошло в Клетке.

Лето вырвал кинжал из ее руки и бросил его за спину. Металл заскрежетал по бетону. Он схватил ее за запястья. Кандалы и наручники не шли ни в какое сравнение с его невероятной хваткой. Он мог бы оторвать ей кисти. Дрожь Одри, наверное, передалась и ему, потому что губы Лето приоткрылись. Это было нечто новое.

Ей понравилось.

— Новый доспех и повязка на мне только потому, что мне не позволено тебя убивать, — тихо сказал он. — Твои навыки уже впечатляют. Раньше мне не приходилось обучать подобных. Я уже двадцать лет как воин Клетки, но для тебя это только начало. И чтобы выжить, ты должна признать, что Я в любой момент могу победить тебя. Ты уже была бы мертва, если бы я не сдерживался.

Истинность его слов окатила ее, как ведро холодной воды. Пальцы Лето сместились с ее запястий на кисти. Сжали. Гипнотизировал не только его голос. Она с трудом замечала тонкие приемы, которыми он пользовался, чтобы подчинить себе ее тело и разум.

Но он был прав.

— Да, сэр. Я уже была бы мертва, если бы вы не сдерживались.

Он коротко кивнул.

— Подними кинжал. У нас впереди еще несколько часов.

Две недели спустя Лето стоял у закрытых ворот, ведущих к тренировочной комнате Нинн. Слева от него один из охранников уронил подбородок на грудь. Второй листал старый выпуск «Плейбоя». Почему бы и нет? Была уже почти полночь, и они знали, что Лето пришел лишь проверить свою новую подопечную, как делал по нескольку раз на дню. То, что он принес с собой лишнюю порцию еды, рассматривалось как награда новенькой за хорошую работу, и совершенно их не интересовало.

Вскоре, после ее первого матча, Нинн будет готова встретиться с другими Королями Дракона в бараках. Она уже сталкивалась с дюжиной, во время практики в тренировочном зале, но это было другое. Он хотел, чтобы она ощутила связь с ними. Увидела это место как неожиданный рай, который мог подарить безопасность и цель ее жизни. И все же по правилам неофиты не могли общаться с проверенными воинами до первой победы в Клетке.

Зная ее — а он уже начал ее узнавать, — Лето был уверен, что она использует новые знакомства для того, чтобы сопротивляться ему. Он даже верил в то, что ей хватит ума поднять мятеж и заключить пару новых союзов. Лето же хотел, чтобы его территория осталась такой, как была. *Его.* Он много лет устанавливал связи и затевал отношения, которые могли дать ему преимущество.

И только когда Нинн узнает вкус победы, только тогда придет время познакомить ее с иерархией бараков. А пока что центром ее мира останется он сам.

Даже при активированном ошейнике его чувства были невероятно остры. Он постоянно развивал свой дар. Однажды испытав остроту того, каким он *мог бы* стать, Лето отказывался жить без дара. Он работал над ним. Тренировался, пока мышечная память не вышла за пределы Клетки. И благодаря остроте своего восприятия он знал, что она еще не спит.

Ему было известно, какими привычками она обзавелась. Когда она спит. Когда моет свое тело. Когда тренируется.

А тренировалась она почти все время.

С тех первых дней после ее прибытия, когда все свелось к спорам, она регулярно ела и следовала установленному им распорядку. Растяжки. Тренировки с весом. Кардиоваскулярные. Она даже придумала способ качать пресс, зацепившись ногами за верхнюю перекладину двери своей камеры. За неделю она добилась прогресса, превратившись из слабого существа в женщину с практически неограниченной силой.

Он взглянул сквозь решетку двери в коридор, ведущий к ее сырой темной комнате. На ночь он отключал лампы, но время от времени оставлял их гореть. Тренировка способности адаптироваться к любой ситуации. Только благодаря своему обостренному зрению он мог рассмотреть ее движения. Лето прищурился и сосредоточился. Едва заметные в темноте движения ее тела за работой казались сексуальными, танцующими тенями. Каждый напряженный выдох отдавался В его груди. Она охнула. Глотнула воздуха. Выругалась.

Слишком слабые для человеческого слуха, эти звуки существовали только для Лето.

В лишенной света комнате он вспоминал, как она выглядит без одежды. Звуки ее тренировки вплетались в его почти безупречную память.

Он мог заставить ее так дышать под ним.

Они могли *трахаться*. Жестко. Агрессия и бой придали бы сексу особую остроту. А после они лежали бы вместе, переплетя уставшие потные руки, и отдыхали, как после двенадцатичасовой тренировки. Нежность осталась для более мягких людей в более благоприятных условиях.

Он жаждал высвобождения, которого не давал даже бой.

От ее размеренных напряженных выдохов у него встал. Он помнил ее обнаженную плоть. Чувственные бедра, упругую грудь. Плоский живот. Длинные грациозные ноги.

И шрамы. Шрамы, которые она получила не в битве.

Сила воспоминания шипами вонзалась в основание его черепа. То, что с ней сделали, было постыдно и отвратительно.

Он резко выдохнул. *Дурак, Дракон тебя подери.*

Прошлые мучения ничего не значили при подготовке к Клеткам. Вполне возможно, что она стала сильнее, выдержав неизвестно что в лабораториях доктора Астера. Он будет использовать ее прошлое, чтобы превратить ее в воина, а не гадать, какую боль она пережила.

Она была из тех, кто выживает любой ценой, и тем сильней его злила загадка ее дара. Как так случилось,что она посвятила себя боевым искусствам и при этом не использовала самое мощное оружие в своем арсенале? С тем же успехом она могла быть человеком на боксерском ринге. Гости Астеров не спускались под землю ради такой обыденной чепухи. С их разочарованием придется справляться ему, не ей.

До боли сжав кулаки, он заставил себя сосредоточиться на целях сегодняшней ночи, отбросить все остальное. Он будет давить, давить, давить, пока что-нибудь не сломается. Или пока они не сплавятся в одну команду.

— Решил проверить, как у меня дела?

Нинн подошла к решетке по наклонному коридору, чтобы встретить его по ту сторону двери. То, что она смогла приблизиться незамеченной, застало Лето врасплох. Она ли настолько хороша или он так глубоко ушел в свои мысли? Ее гладкая золотая кожа блестела от пота. Одри разделась, оставив только белье и облегающий топ. Простой белый хлопок. Влажный от пота. Облегающий. Ее груди, живот и крепкие бедра заворожили его не хуже загадок и вопросов.

— Ты дала мне повод решить, что тебе не помешает присмотр, — сказал он. По потоку холодного воздуха Лето понял, что он тоже вспотел. Толкнул охранника, глазевшего на гибкую блондинку с разворота журнала. — Мы будем практиковаться в Клетке.

Это была не просьба.

Страж у решетки пожал плечами, хотя его громоздкий полный доспех почти что скрыл это движение. Охранников одевали частично как наемников из спецназа, частично как средневековых воинов. Эти двое вполне могли оказаться и тем, и другим.

То, чего Лето не видел сам, трудно давалось его восприятию. Его мать отказывалась оставаться одна и последовала за своим молодым мужем в подземный комплекс, в надежде начать все заново и поднять семью. Его отец не верил в образование во внешнем мире и не отпустил туда Лето на учебу. Так было решено, что он станет воином Клеток. Его будущее было определено сразу, а вот Йету и Пэлл готовили к выходу из тьмы для того, чтобы они могли найти мужей среди Пяти кланов. Йете удалось, Пэлл так и не дожила до возможности воспользоваться этим шансом.

И все же мать была удивительно талантливой учительницей во всем, что касалось жизни на поверхности. Она учила этому всех своих детей, в том числе и Лето. Она настаивала на том, что ему необходимо понимать устройство мира за темными стенами картеля. Глубоко в темном уголке сознания он до сих пор сомневался в том, что узнал. Это же были слова, а не конкретные факты, которые можно было проверить на практике и воспринять самому.

Охранники из Таунсендов и Кавашима носили свою, особую униформу, но Лето редко обращал внимание на детали. Он вспоминал о других картелях и их воинах только когда объявляли расписание поединков Конфликта. Когда Лето требовалось узнать все, что только возможно о противнике, которого необходимо победить, он пользовался услугами Килгора.

Нинн провела ладонью по шее, вытирая пот.

— Тренироваться *сейчас?* Я уже собиралась спать.

— Я могу оставить тебя здесь. Но мне казалось, ты не откажешься от дополнительной порции. — Он приподнял накрытый поднос.

Пару раз моргнув от нескрываемого удивления, Нинн слегка выпрямилась.

— И какой на сегодня план?

Она больше не называла его сэр. Как бывало обычно, когда она подчинялась. Он не знал, как трактовать ее сегодняшнее настроение. Или свое. Во всех остальных аспектах она могла бы быть идеальным неофитом: быстрая обучаемость, отличные навыки, мощная мотивация к успеху.

Могла бы быть.

Как и он мог бы и должен был отвести взгляд от ее груди в то время, как охранник защелкивал кандалы на ее руках. Она вскинула подбородок — характерное движение, которому она наверняка научилась среди людей. Оно подчеркивало грациозность ее шеи, пухлость нижней губы, ширину ее мягких округлых скул. Она смотрела на него прищуренными синими глазами — словно сверху вниз. Строгая грациозность не ограничивалась ее шеей, она была присуща всему телу, и тело искушало его. Манило. Оно было полно силы и состояло из плавных округлостей. Сила и женственность. Нинн из клана Тигони была вызовом в постели не меньше, чем в битве Клеток. Лето хотел коснуться ее голой талии, погладить ее ягодицы, запустить пальцы между ее бедер. Он ощутит пальцами ее влагу. Он попробует ее на вкус. И она ощутит его, использовав по назначению свой упрямый рот.

Охранник выдернул ее в коридор и грубо потащил в сторону арены. Лето вдруг понял, что его не возбуждает, а беспокоит вид того, как ее связывают и тащат на цепи, как животное. Ему куда больше нравилась ее наглость, потому что меньше всего на свете он хотел ощущать к ней жалость. Или сочувствовать ее боли.

Ему было достаточно собственной.

Охранники оставили их в Клетке одних, заперли двери снаружи. Один из них отдал Лето ключи от наручников Нинн.

Они были здесь одни.

— И что теперь? — спросила она.

Спокойно и терпеливо, запретив себе чувственные мысли, Лето поставил поднос на скамью у стены. Подошел ближе. Освободил ее запястья. А затем схватил бледно-золотые волосы на ее макушке, там, где пряди были длиннее всего.

— Сегодня, Нинн из клана Тигони, мы посмотрим, как ты реагируешь на полную неизвестность.

Глава 8

Пожалуй, ему стоило оставить ее скованной.

Она дернулась в его хватке, вздрогнув от боли в процессе.

— Это что, какой-то вариант подземного варварского соблазнения?

— Соблазнения?

— Ты посреди ночи вытаскиваешь меня из моей комнаты. *Одну.* — Она вцепилась ногтями в его руки, когда поняла, что просто так он не отпустит. — Как неандерталец, который волочит добычу в свою пещеру.

Ее слова встряхнули Лето в тот самый момент, когда он уже решил, что взял свои желания под контроль.

— Я не планировал ничего подобного, неофит. И ничего такого, что ты могла бы себе придумать.

Чтобы сдерживать свои обостренные чувства, требовалось почти столько же мастерства, сколько требовало их использование. Вместо того чтобы насладиться ее запахом, ее прерывистым дыханием и тем, как ее тело звенело от ее усиленных тренировок, он затолкал сокрушительное желание туда, где держал взаперти все свои эгоистичные импульсы. Ему нужно пробиться сквозь стену, которую она вокруг себя выстроила. Физические доспехи он мог ей позволить, но между ее разумом и победой не должно было быть преград.

Лето отпустил ее волосы и снова смерил ее взглядом. Она была зажата. Прямая спина. Напряженные конечности. Он не мог понять, что это: уверенное ожидание его следующего шага или балансирование на грани ужаса. Он хотел, чтобы она рычала, а не ждала от него худшего. Возможно, это был изъян работы с женщиной, которая только недавно вышла из лабораторий. Да, она была крепкой. И все же вздрагивала чаще, чем ему бы хотелось. Только в Клетке он видел, как она отбрасывает сомнения и использует свое прошлое как оружие.

Внезапно у него появилась идея, непохожая на все, что он замышлял и использовал раньше. В конце концов, ему никогда еще не устанавливали таких сроков: три коротких недели, чтобы подчинить, сломать или понять неофита. И никогда еще не приходилось тренировать таких женщин. От Нинн он смог добиться лишь видимости послушания и улучшения ее физической формы.

Она ждала, что он будет относиться к ней как к куску мяса, как в лаборатории.

Она ждала новой боли. Продолжения деградации.

Чего она *не* ждала, так это возможности выбирать.

Нинн все так же прожигала его взглядом, но перестала бороться. Усталость была видна во всех мелочах. В вялости бровей. В пурпурных полумесяцах под льдисто-голубыми глазами. В легком тике ее верхней губы. Она слишком сильно гнала себя вперед, и ее

способность восстанавливаться от ран и физических нагрузок, которая выросла после первой вспышки ее силы, теперь, похоже, таяла. Ему повезет, если к первому матчу ее уязвимость не успеет стать человеческой.

Его целью было подготовить ее, пусть даже проявив несвойственную ему нежность. Возможно, суть заключалась не в том, чтобы пробить ее защитную стену, а в том, чтобы проскользнуть сквозь щели в ее кладке.

Он подошел к скамье, на которой оставил поднос. И сел.

— Я обещал тебе порцию еды. Ты будешь есть?

Настороженность изменила ее черты. Она была красива. Более того, она притягивала взгляд. Даже если бы Лето не назначили ее опекуном и тренером, она бы привлекла его внимание. Настороженной она выглядела моложе — скорей всего, именно такой она была среди людей. Ему не нравились напоминания о том, что когда-то у нее была жизнь за пределами комплекса. Отчасти потому, что эта жизнь вполне определенно заставляла ее сдерживаться. Отчасти потому, что он не хотел сочувствовать ее потере. И отчасти потому, что никогда не умел справляться с вещами, которых не мог понять.

Бой. Жжение в уставших мускулах, боль от полученных ран. Захлестывающая волна аплодисментов. Секс с женщиной, которая примет его победы в первородный сосуд своего тела.

С этим Лето был знаком.

И знал, что даже самое осторожное существо рано или поздно среагирует на еду и мягкий голос.

Нинн потерла лицо, затем основание шеи. Оглядела арену, и ее голубые глаза серебрились от подозрений. Затем пожала плечами.

— И за что же это?

Она подошла к нему, демонстративно печатая шаг. Миг сомнений... прошел.

— Ты мог протянуть руку и предложить мне еду, а затем отнять. Согласно схеме «риск — награда» это должно стимулировать мой потенциал.

— Слишком много слов для такого пещерного человека, как я. Это означает, что ты будешь есть?

— Только если ты скажешь, что только что почти пошутил.

— Почти.

И она едва уловимо улыбнулась. Настороженность совершенно иного рода помогла Лето расслабить кожу, затем проникла глубже, до самых костей.

Грациозная, несмотря на усталость, Нинн села рядом с ним на скамью.

— Сэндвичи, сэр?

— Начинаешь привередничать, женщина? Заткнись и ешь.

На этот раз она определенно улыбнулась. Ее рот казался маленьким по сравнению с остальными чертами лица, но пользоваться им она умела. Маленькие ровные белые зубы, пухлые губы. Ничего выдающегося, но общий эффект был потрясающим. В ее глазах светилось веселье. Веснушки на носу и щеках, как всегда, приковали его внимание.

Она развернула упаковку и начала есть, как он и приказал. Яблоко, сэндвич из грубого ржаного хлеба с холодной ветчиной, большая порция миндаля. Протеин для битвы. Они сидели на арене, которая, если использовать ее в качестве простой столовой, казалась просто огромной. Слишком мало места они занимали здесь, на площадке, где Королей Дракона учили становиться больше жизни.

Он не привык чувствовать себя маленьким.

Пару раз взглянув на Нинн искоса, он прекратил таиться и открыто уставился на ее профиль. Стрижка, которую он сделал насильно, получилась неровной, но короткие волосы с иголками более длинных прядей на удивление шли ей. Они придавали ей агрессивный вид и открывали сильную линию челюсти. У нее были маленькие уши, слегка заостренные на концах.

— Это плата за мою еду? То, что ты на меня пялишься?

— Не на тебя. Только на твои уши. Ты похожа на пикси.

— А ты совершенно не похож на поэта.

— Я и не старался походить. Легенды о фейри и пикси, кельтские мифы и горские секреты родились в клане Пендрей. Я просто не ожидал подобной черты у той, что из рода Тигони. [Заостренные кверху уши — главный признак, по которому можно отличить фейри от человека. Всем представителям этого волшебного народца присуща неземная красота, омраченная, однако, каким-нибудь уродством. Вряд ли Лето, глубоко занырнув в фольклор германских и кельтских народов, отметил еще и схожесть «новой» прически. Англичане изображают пикси растрепанными, с торчащими прядями разной длины. А если вспомнить то, что днем пикси превращаются в ежей и в таком виде бродят среди смертных, то портрет будет полным.]

Она снова пожала плечами, но движение вышло напряженным. Почти защитной реакцией. Возможно, она лгала. Лето позволил своим чувствам выйти на максимум. Ментально пробиться сквозь барьер ошейника. Вытянуться. Потянуться дальше.

— Так ты знаком со всеми Тигони? — спросила она.

— Нет. И никогда не встречал тех, кого хотелось бы изучить так близко.

Нинн развернулась к нему лицом и тут же отодвинулась.

— Правда? Не начинай.

— Ты предпочитаешь, чтобы я вел себя как другие здешние мужчины? Как те работники в столовой, которые прячутся по углам, чтобы тебя рассмотреть? Я не стану этого делать. — Он провел пальцем по линии ее челюсти. Она вздрогнула. А когда он повторил движение снова, затем снова, закрыла глаза. — Если я решу на тебя посмотреть, ты это заметишь. И я не стану извиняться.

От напряжения ее губы скривились. Лето позволил своим чувствам усилиться еще больше. Он ощутил ее феромоны, почти незаметную дрожь, то, как приподнимаются от его прикосновений крошечные волоски на ее коже. И, наконец, заметил, как изменился рисунок ее дыхания. Она расслаблялась. Все больше. Это не было похоже на сон, скорее как успокоение перед дремой.

— Ты даешь мне повод для гордости, — резко сказал он.

Благой Дракон, откуда эти слова? Он с самого начала больше злился на нее, чем бывал доволен. И даже если эти слова были правдой, он никогда раньше не хвалил неофитов.

— Я не хочу, чтобы ты мной гордился, — тихо, почти шепотом, отозвалась она. Ее глаза оставались закрыты.

— Я знаю, чего ты хочешь. И ты этого добьешься. Ты сопротивляешься мне на каждом шагу, но мы работаем над достижением одной цели. Скажи мне, что ты это понимаешь.

Она судорожно выдохнула и опустила плечи. Но не отстранилась.

— Ты хочешь остаться здесь. А я так сильно хочу убежать, что готова отгрызть тебе ногу ради подобного шанса. Разве это можно назвать одной целью?

Лето положил руку ей на плечо, погладил влажную голую кожу. Сила, скрытая в ее изящных руках, поражала. Он думал об очевидном. Они будут трахаться. Телом к телу.

Грубые руки и еще более грубое удовольствие. Он никогда не думал, что станет касаться ее вот так.

Он никогда не думал, что именно такое прикосновение — мягкое, убеждающее — станет использовать с женщиной, которую собирается присвоить.

— Не загадывай так далеко, — он наклонил голову. Дав ей время отстраниться. Дав понять, что да, он собирается поцеловать плечо, которое сжимал пальцами. — Чего мы оба хотим добиться через неделю?

Он ощутил губами соль на ее коже, когда она прошептала то, что он хотел от нее услышать.

— Победить. Мы хотим победить.

— Это не повод для гордости, — сказал он, щекоча губами ее кожу. — Это будет чистое удовольствие.

Поцелуй не прервался, лишь сместился. Выше по ее плечу. Мимо металлического ошейника, который не позволял прикусить ее горло. Лето прижался губами к ложбинке под ее челюстью. Втянул кожу. Вдохнул аромат ее тела. От прикосновения его губ по коже Нинн побежали мурашки. Он поддался искушению. Пригладил их языком.

Нинн запрокинула лицо к потолку. Вцепилась в скамью обеими руками. Одетая лишь в нижнее белье, она часто дышала. Грудь поднималась и опускалась. Эта жалкая ткань, почти идеально повторяющая контуры ее грудей и плоского живота, была оружием, которым могла пользоваться только женщина.

Воспоминания почти заместили его реальность. Только в своей маленькой комнате он разрешал себе думать о том, как она выглядела в первый день. Изящная и дерзкая, испуганная и неуклюжая от холода. На протяжении веков женщины Королей Дракона вдохновляли людей на сказания о богинях немыслимой красоты.

Нинн была воплощенной Венерой.

Она молча дразнила его днем. Пока не наступала ночь. Оставшись один в своей комнате, он обхватывал член ладонью и двигал ею с такой силой, с какой собирался вбить себя между бедер Нинн. Или преследовала его во сне, где улыбалась, открывалась ему, брала его достоинство в рот на всю длину. В этих снах, похожих на кошмары, он не позволял себе размашистых движений бедрами. Удовольствие было в том, чтобы смотреть, сколько она может принять. Как глубоко. Как быстро. И как долго он сможет себя контролировать, пока не сойдет с ума.

От вожделения напрягался не только член, звенели все сухожилия. Предвкушение, желание, потребность. Он пригнул ее упрямый подбородок и почти соединил их губы. На расстоянии дыхания. Коснись она его, и он бы вспыхнул не хуже пламени, которым Нинн прожгла его доспехи. Но она не подалась вперед, и костяшки ее пальцев побелели, как кость, от силы, с которой Нинн сжимала скамью. Она подчинялась ему — до определенной точки. И совершенно явно не хотела в этом участвовать.

Он уже несколько недель добивался от нее сопричастности. Но только теперь появилась вторая цель. В его мозгу они уже соединились, так же плотно и надежно, как сплетутся, когда разделят ложе. Они победят в этом матче, и Нинн станет той, кого он выберет в качестве награды.

Ее тяжелые веки задрожали, пытаясь подняться.

— Не трогай меня.

Он прекратил. Убрал руки.

За миг до того, как поцеловал ее.

Она ахнула ему в рот — единственное место, где встретились их тела. Губы скользнули по губам. Она напряглась и застыла. Лето не ожидал ничего другого. Но она не попыталась отстраниться. И он не мог не задуматься о том, насколько опасливое создание пытается выманить, шаг за шагом, жест за жестом. С подобной медлительностью до победы шагать и шагать.

Впрочем, смотря до какой победы.

Она тихо застонала. Она открылась ему. Слегка прикусила его нижнюю губу.

Пришел его черед застонать. Если она собиралась завести его слабо замешанной нежностью и болью, ей удалось. Лето бездумно замедлился до ее темпа. Проник языком в ее рот. И наклонился так, чтобы принять ее поцелуй, взять все, чего он хотел, — на половине желаемой скорости. На четверти. Медлительность изматывала, но заставляла кровь бежать быстрее, еще быстрее, словно его дар готовился заполнить и тело, и всю Клетку. Он наслаждался ее вкусом, впитывал легкими ее запах.

Этот размеренный, медленный поцелуй стал истинным испытанием его воли.

Насколько он может себя отпустить?

Сколько удовольствия даст ему сдержанность?

Он никогда не задавался такими вопросами. Впрочем, он никогда не целовал женщину, будучи уверен, что в любой момент она может вырваться из его хватки, пусть даже хваткой было само притяжение между ними. Не его сила. Не его навыки. Он не удерживал ее физически.

Все с той же безумной медлительностью он отстранился. И между их ртами вновь пролетел ветерок, остужая горящие губы. Он не давал ей спать, хотя ей нужен был сон. Он принес ей пищу, не входящую в стандартный рацион неофита. И он говорил с ней нежнее, чем принято.

Он погладил пальцем ее скулу, приподнял ее подбородок так, чтобы их взгляды встретились, и понял, как правильно разыграл момент. Ее голубые глаза сияли радужным льдом, в котором желание смешивалось с расслаблением. Она, похоже, уже больше года не чувствовала ничего подобного.

В итоге она сделалась такой, какой он интуитивно желал ее видеть. Открытой. Податливой. Готовой.

— Нинн, — сказал он ей в щеку. — Ты хочешь использовать свои силы?

— У меня нет...

— Они есть. А теперь скажи правду. Ты хочешь использовать тот ресурс, что в тебе скрыт? Для победы?

Она содрогнулась.

— Да.

— Почему ты сопротивляешься?

Она моргнула, и радуга в ее глазах сменилась цветом льда. Теперь она казалась еще уязвимее, чем во время их поцелуя. Лето ждал, что она в любой момент рванется прочь от их близости. Она поймет, где именно находится, с кем и чем они заняты. И вся ее мягкость мгновенно исчезнет.

Останься.

Он отбросил эту странную мольбу прочь. Подальше.

— Дракон тебя побери, Нинн. — Ругательство вышло шепотом. — Сделай нам маленькое одолжение.

— Есть вещи, которых я не могу вспомнить. Часть моей юности. Точно так же, как не могу вспомнить, как я использовала свою силу, вот там. — Она посмотрела в сторону, на

тренировочную Клетку, прожгла ее взглядом, как злейшего врага. — Как такое возможно? Полная пустота.

Телепатический блок.

Лето мгновенно понял, в чем дело. Ему и его родным тоже потребовались эти блоки, различной силы, в зависимости от дара. Овладеть силой Дракона могло быть сложно или же невозможно, как в случае с Пэлл. Телепатические блоки от сильных Индранан, Бессердечных чудовищ, иногда были единственным способом выжить.

Никто не мог овладеть даром той силы, который достался Нинн, и обойтись без травмы.

— Воспоминания можно вернуть, — сказал он. — Метод тебе известен.

Нинн дернулась, как от удара. Ее глаза затуманились. Она оттолкнулась от его плеча — в животном порыве сбежать. Годилась любая дистанция.

— Я этого не сделаю.

Он никогда еще не слышал настолько неуверенного утверждения.

Лето промедление вымотало. Ему нужно было выпутаться из этой западни. Он поднялся, схватил ее за руку и вздернул на ноги.

Нинн поначалу споткнулась, когда он потащил ее к Клетке, но быстро приноровилась к шагу. Они поднялись в Клетку. Вошли внутрь. И дверь за ними закрылась.

Деактивация ошейника заставила Нинн закричать. Она упала на четвереньки. Тот же поток накрыл Лето, рванулся изнутри волной чистой силы. Истаявший вкус ее поцелуя обрел яркость, и он вновь насладился каждым оттенком.

Таков был его дар. Каждый раз, когда ошейник его блокировал, Лето чувствовал себя так, словно лишился руки.

Дар Нинн был призраком, скрытым в ее сознании.

— Не будь у тебя силы, ты не упала бы на колени, — сказал он ей. — Ты не кричала бы, если бы не могла его ощутить. Люди, входящие в Клетку, не чувствуют ничего. — Он смотрел, как она поднимается на ноги, как ее глаза пылают синим огнем. — Надеюсь, тебе понравилось соблазнение, неофит. Перерыв окончен.

Глава 9

Освобождение от удушающей хватки ошейника отозвалось вспышкой силы, дошедшей до глубины ее тела и разума. Каждая ее клетка наполнялась энергией. Энергией, которой ей не хватало. Теперь, после адреналинового всплеска от убедительных слов Лето, ее воля к жизни стала еще сильней. Он был прав. Человек не заметил бы разницы состояний. Женщина по имени Нинн ощущала себя живой и свободной.

Нет, одернула она себя. *Я Одри. Я была Одри со времен старшей школы.*

А это важно?

Он целовал ее, она ему позволяла, и нечто жуткое всколыхнулось в глубине ее разума.

Она теряла себя.

Даже в лабораториях она не чувствовала себя такой беспомощной, как в тот момент, когда Лето коснулся губами ее губ. Напряженность его внимания была... соблазнительной. Выбивала из колеи. Открывала огромный мир...

Нельзя.

Золотистые искры в его глазах, прикосновения его языка, исследующего ее рот, изрядно ее напугали. Самым ужасным было то, что она ответила. Не сбежала, не стала кричать. Сильное возбуждение подчинило себе все другие чувства. Она отвечала на

каждую медленную ласку. Их губы встретились, породив какое-то жуткое заклятие. Ее тело напрягалось и жаждало его способами, которых она и не представляла. То был зов и ответ на древнейшую потребность их рода.

Ту, которую она давно убила и похоронила вместе с Калебом.

Глубина измены потрясла ее. Сердце сбилось с ритма, во рту на корне языка появился отчетливый привкус пепла. Одного этого было достаточно, чтобы прояснить ситуацию с Лето.

Словно она могла это прояснить.

Ей никак не удавалось избавиться от воспоминания о том, как вдыхала воздух его выдоха. Она все время дрожала рядом с ним — не от страха, от обмена эмоциями на глубинном уровне. От его влечения. Она бессознательно отвечала на это его любопытство. Она едва не остановила собственное сердце. Интерес. Поиск. Что он видел, когда смотрел на нее?

А теперь ее тошнило от осознания того, с какой легкостью она отвечала.

Руки и ноги дрожали до самых кончиков пальцев. Не страх. Не ненависть. Благой Дракон, даже не просто похоть. В те моменты, когда он гладил ее по щеке, ей хотелось теплоты. Рядом с этим чудовищем. Раньше такое случалось только в компании кузена, Мэла, и в объятиях погибшего мужа. Любая реакция — *какая угодно* — на прикосновения Лето была для нее словно выстрел в сердце любимого Калеба.

В этом и заключалась пытка. Она — Король Дракона и должна была сопротивляться. Должна была суметь *что-то сделать.* И Дар подвел ее, как всегда.

Снова наплыв темноты. Непонятного страха. Горя, которое она не могла определить. Что-то ужасное маячило на горизонте, преследовало ее, как обезумевший шершень.

Мышцы напряглись, кровь бурлила, а она смотрела на своего мучителя — на животное с промытыми мозгами, решившее ее поцеловать.

— Используй логику, Нинн. Ты знаешь, что я прав. В тебе скрыт огромный потенциал, которым ты еще не владеешь.

— Что животное вроде тебя способно узнать о логике?

Он совершенно равнодушно, словно в насмешку над ситуацией, сделал круг головой, рассматривая окружающую их сеть Клетки.

— Животное? А мне казалось, мы заперты тут оба.

— Но ты настолько покорен, что добровольно позволяешь себя запирать. — Она уже не могла остановиться. Закружилась. В голове поднялся торнадо. Она не могла остановиться. *Не хотела* остановиться. — Как ты можешь сидеть здесь, в темноте? Ты цирковой урод, а не мужчина. Я знала настоящего мужчину, я любила его, а теперь он мертв — убит — семейкой картеля, которой ты верно служишь. Я смотрю на тебя, и меня тошнит.

Он не среагировал. Даже не стал дразнить ее тем, что она приняла поцелуй.

— Кого ты потеряла?

— Своего мужа!

— Нет. Намного раньше. В твоей сути осталась дыра от произошедшего. На месте того, кого ты потеряла.

— Никого!

— Подумай. Я ведь не ударил тебя. Я не угрожал тебе. Я просто спросил, кого ты потеряла. А теперь посмотри на себя. И оглянись.

Перед ней, словно по собственной воле, образовался светящийся шар. Он рос и рос, пока не достиг половины ее роста в высоту и оболочкой вдвое толще ее тела. В сердцевине шара сверкали молнии. Нинн зачарованно уставилась на созданный ею шар.

Прекрасный. Завораживающий. Опасный.

— Отпусти его, — окликнул ее Лето. — Освобождай, Нинн.

Желание удержать волшебство было слишком сильным.

Нинн хотелось смотреть на него как можно дольше. Иначе она бы не заставила себя поверить. Она не могла доверять даже собственной памяти. Взрывы света и сильный жар казались разъяренными феями, затеявшими битву в бутылке. Она могла бы наблюдать за ними целую вечность. Позволить шару расти. Посмотреть, сможет ли она пробить кратер В земле одним ударом своей силы.

Краем сознания, там, где женщина, когда-то бывшая Одри МакЛарен, все еще думала и осознавала реальность, она сразу же поняла суть. Высвобождение такой силы убьет ее.

Она закрыла глаза. Выгнула спину. Раскинула руки.

Шар дрожал и отзывался в ее теле глубокой дрожью — он и был частью ее. Которую требовалось отпустить.

Он *взорвался.*

Волна жара и электричества концентрическими кругами разошлась по Клетке. Одри ударило по лицу ее собственной силой. Рикошет выбил воздух из ее легких, швырнул ее назад, сбил с ног. Одри сильно ударилась задницей. Затылку пришлось хуже, он встретился с одним из металлических столбов Клетки.

— Ой, черт, — пробормотала она. Кровь сочилась из раны на голове. Лето подошел к ней и опустился на колени. Она коснулась рукой кожаной полосы, вплетенной в его доспех, — кожа почернела от жара. — Как?

— Как я уменьшил урон? На этот раз я был готов. Лежал на спине, иначе меня разорвало бы на куски. — Он схватил ее за предплечья и жестко встряхнул. — Скажи мне, что ты все помнишь. Нинн, ты мелкое упрямое дерьмо. Говори!

— Я не упрямая. Я сделала, как ты просил. — Она вытерла кровь о штаны. От только что сотворенного ею нельзя было отморгаться, шар до сих пор сиял перед глазами.

Благой Дракон. У меня есть дар.

Она ожидала, что Лето останется бесстрастным, как статуя, но на его лице явно читалось изумление — и что-то похожее на одобрение.

— Сделала. Теперь мы можем двигаться дальше.

Она помотала головой, и к боли добавилось головокружение. Хотя, быть может, это последствия использования дара. Он был прав. Одри МакЛарен не была Королем Дракона. А вот Нинн была. И эта демонстрация, и то, как неестественно быстро она овладела всем, чему учил Лето, и, возможно, даже ее реакция на его физическую близость — основные тому доказательства.

Но отказаться от Одри! Для этого нужно было оставить за спиной ту жизнь, которую она разделила с Калебом. Перестать быть той мамой, которую так любил Джек. Возможно, эти перемены — к лучшему. Ради его безопасности она была вынуждена стать воином, таким же, как Лето. И только потом она сможет позволить себе тепло и любовь, которую ей так хотелось проявить. Воин и мать теперь связаны воедино.

Год в Клетках.

Она не хотела становиться такой матерью.

— Следующий этап — научиться его контролировать, — прямо сказал Лето.

— То, что я вообще смогла это сделать, это мой максимум, лучше не станет. — Она поднялась на ноги. Равновесие далось с поразительной легкостью. — Как ты собираешься драться рядом с бомбой, готовой в любой момент разнести нас обоих?

— Энергию можно контролировать. Если ты захочешь научиться.

— Ты ведешь себя так, словно я нарочно все это делаю!

— Раньше я был уверен. Теперь уже нет.

Это был не просто разговор, нечто большее. Он касался чего-то деликатного и болезненного, как старая рана, так и не затянувшаяся до конца.

— Дракон подери, — прошептала она. — Я тебя *ненавижу.*

Если бы он пожал плечами, она бросилась бы на него с кулаками, за что он наверняка свернул бы ей шею. Но вместо этого он поднялся и отошел к центру Клетки. Крупный мужчина. Широкие, уверенные шаги. Глаза, цвета обуглившейся Кожи его доспеха, смотрели остро, но высокомерие в них поблекло. Почему? Потому что ему больше не нужны были позы? Или он демонстрировал ей веру в себя, которая присуща всем Королям Дракона?

Возможно, это другое. Слово «ненависть» не отражало того, насколько он испугал Нинн, пробудив ее же собственные Возможности. Она была той же, но внутри, под кожей, теперь бурлили совершенно новые потребности. Ее поразило то, как энергия врожденного дара внезапно пробудила в ней сексуальную тягу. Лето казался теперь сильнее, больше, соблазнительнее, и ее тело тянулось к нему. Несмотря на то что она совершенно четко осознавала, что он предан преступной системе, которой не согласился бы служить ни один достойный человек.

Они приняли боевые стойки. Одри переполняла ярость — она злилась на него, на Астеров, на себя саму. Лето был спокоен, как никогда раньше.

— Позволь сказать три слова, — голос у него был низким. И снова гипнотизировал. — Посмотрим, не всколыхнут ли они твою память.

— Говори.

Он сделал паузу длиной в три удара сердца.

— Коробка в углу.

Ее кожу обдало холодом. Вспышки. Старых воспоминаний. Дрожь зародилась внутри и прошла по всему телу.

— Давай же, Нинн. Говори.

— Не могу.

— Я не могу прочесть твои мысли, я не ведьмак Индранан. *Говори.*

— Некоторые дары слишком опасны. — Собственный голос прозвучал как чужой. — Нет. Это не мои слова.

— Эти же слова они сказали моим родителям о моей сестре Пэлл. Теперь она обречена провести в коме остаток своей жизни. Недолгий остаток. — Он скрестил руки на груди, словно защищаясь. — Они били тебя? Когда силой пытались проникнуть в твое сознание?

— Я не помню. — Одри помотала головой. — А тебя они тоже сломали?

— Да.

Неудивительно, что он так немногословен. Она просто не могла себе представить, кто или что способно сломить Лето из клана Гарнис.

На корне языка собиралась едкая горечь. И снова вспышки. Шепотки, и тайны, и страх болезненными иголками впивались ей в веки. Из ее памяти стерли несколько лет.

Лето потянулся, чтобы коснуться ее сжатого кулака. Между его и ее кожей проскочил электрический разряд. Их взгляды встретились.

— Нинн, они отняли у тебя дар. И есть определенные шаги, которые позволят повернуть процесс вспять. Ты это знаешь.

— Позволить какой-то бессердечной ведьме влезть ко мне в голову? Если так, то я чертовски уверена, что ни за что такого не допущу. Можно найти способ получше. Усилить тренировки.

— У нас почти не осталось времени. — Его злость, в отличие от других эмоций, прочитать становилось все легче. Это зависело от способностей Нинн или просто она влияла на его личность не меньше, чем он изменял ее изнутри?

— Значит, я буду использовать это время на полную. То есть посплю. Ты мне позволишь или мы будем продолжать этот спор до утра?

Он поймал ее подбородок, оглядел рану на затылке.

— Кровь все еще идет.

— Она затянется к утру. Не ври, что еще не заметил во мне изменений.

— К лучшему.

Одри вывернулась из его пальцев.

— Мы закончили?

— Хорошо. Предел найден. Четкий и осязаемый. — Он вытащил из-под доспеха пакет, размером примерно с кулак, завернутый в белую оберточную бумагу. — Держи. Один из охранников хотел тебе передать.

Запах мяты ударил по ней еще одним старым воспоминанием. Джек с прилипшей к волосам конфетной палочкой. Третье его Рождество, то время, когда любой предмет ярко-желтого цвета заставлял ее мальчика пищать от наивной детской радости.

— Зачем?

Он приподнял брови.

— Чтобы привлечь твое внимание подачками. Как знать, может быть, ты готова стать любовницей охранника, чтобы добиться подарков и привилегий? Или ты предпочтешь заслужить их в бою, с честью, как когда-то решил я? Я отдаю тебе это в качестве напоминания. Доверишься здесь кому-то, кроме меня, и окажешься в дураках. Я всегда предельно четко сообщаю свои мотивы. Эти люди готовы променять что угодно на безделушки и порнографию. Ты выше их.

Она взяла у него пакет. *Тебе нужно сделать выбор.* Это означало, что ей нужно предельно четко осознавать, из чего она выбирает.

— Тебе дали шанс подержать на руках племянницу?

Он вздрогнул.

— Иногда ты говоришь совершенную ерунду.

— Ответьте, пожалуйста. Сэр.

Долгий выдох. Он просто злится на нее? Устал? Или до сих пор ощущает звенящий эффект от их поцелуя? Бурлящими и потрескивающими в крови разрядами она была в равной степени обязана самому Лето и остаточному эффекту своего взрывоопасного дара. Калеб погиб, а ее, черт побери, заводила нездоровая игра сил. Губы Лето. Его с трудом сдерживаемая сила. Его прекрасное мужественное тело и поразительное самообладание.

— Тебе дали шанс? — спросила она уже резче.

Он молчал, поразительно долго ее рассматривая. Она не дрогнула, просто ждала его ответа.

— Да, я держал ее на руках. Маленькую девочку, которую они назвали Шошан. У нее темные волосы, как у моей сестры. Только кожа светлее. — Он отвернулся. Встряхнул головой. — Возможность ее увидеть была для меня наградой. И знание того, что я заслужил подобный дар для них и своего клана.

— Значит, *это возможно.* Астеры..?

— Я говорил тебе. Победа важна. Жизненно необходимо приносить их семье доход. Без этого рухнет вся система.

— Возможно, и к лучшему.

— Мой отец умер на Конфликте, но подарил жизнь троим своим детям. Он не считал эту систему бесполезной, и я с ним согласен. Слишком многого здесь можно добиться ради тех, кем мы дорожим.

Дорожим. Слишком мягкое слово для мужчины, который больше напоминал кирпичную стену.

— Вот в этом я с тобой никогда не соглашусь, — тихо, словно самой себе, сказала она.

— Просто выполняй свою работу. А именно — контролируй свои силы. Здесь живут Индранан. Они могут разблокировать то, что не удалось нам.

Она сделала шаг назад. Еще один. И еще.

— Мой разум не принадлежит ни им, ни тебе.

Ее не убедили ни уверенность Лето и его таланты, ни факт рождения его племянницы. Она не верила в доброту Старика Астера и то, что он вернет ей сына. У старика и его извращенца наследника не было сердца. Ради выгоды они способны пойти на уступки, например разрешить Лето подержать на руках новорожденную Шошан. Тем самым они заставили его из кожи лезть, чтобы завоевать их расположение. За эту маленькую уступку Лето придется остаток дней провести в Клетке, прославляя семью Астера. В Клетке, которая уже забрала жизнь его отца.

Она была чертовски уверена в том, что ни за что и никогда не допустит в свой разум чужих, какие бы возможности это ни открывало. Мысли и без того перемешивались, путались, болели от старой забытой трагедии, которой она не хотела видеть.

— Что еще ты получил от этой системы? — Уже почти три недели она боролась с сомнениями, что означало попытки переубедить Лето. — Лишнюю порцию фасоли на ужин? Подушку, чтобы спать на полу? Или тебе просто нравится раз в месяц почувствовать себя кем-то важным? Насколько я понимаю, дело не только в размножении, иначе у твоей сестры было бы уже пятеро детей.

— Я победил в восьми Конфликтах. Из всех младенцев выжила только Шошан. — Он моргнул. — Не только ты здесь знакома с потерей.

Его эмоции захлопнулись. Закрылись. Теперь он был непроницаем, как в первый раз, когда он вошел в ее клетку — еще одно доказательство того, сколько крошечных подсказок в его поведении она смогла подсознательно истолковать. Он вышел из Клетки. Короткая дрожь подсказала ей, когда ошейник включился, блокируя его дар.

Лето мастерски владел всеми видами боя, но его потрясающие способности, отличающие его от простых людей, повиновались чужим капризам. Даже среди Королей Дракона он был особенным. Клан Гарнис. Потерянный. У него были сердце и душа воина. И каждый раз сталкиваться с тем, что его величайший талант возвращают и снова крадут... Он не может не сожалеть об этом ограничении.

Нинн едва осознала свой собственный потенциал, но все равно ощущала потерю. Как только она вышла вслед за наставником из Клетки, дар исчез, словно подчиняясь щелчку выключателя. Это было издевательством, почти таким же жестоким, как обещание будущей награды. И глубоко под своей вынужденной верностью Лето наверняка затаил ненависть к ошейнику.

Большая часть его тела терялась в тени. Только полоска золотистой кожи сияла там, где нагрудная пластина оставляла его мышцам возможность свободно двигаться. Голая. Гладкая. Мерцающая при каждом движении. Она вспомнила, как мысленно писала его портрет. Уголь и теплая, текучая пастель. Она мимолетно подумала о том, каким изобразить его во время боя. Пятна цвета. Полоски стального серого и завитки движений его булавы.

Закрыв глаза, она блокировала мешающее ей зрение, но воспоминания о его теле преследовали ее и во тьме. Она не могла не представить себе Лето, позирующим на уроке рисования мужской анатомии. Он был потрясающим образцом, каждый мускул и каждое сухожилие были четко видны и очерчены.

Обнажен и потрясающе красив.

Фыркнув от раздражения, она прижала веки костяшками пальцев. Она вела себя словно отчаявшаяся жертва стокгольмского синдрома. Она сочувствовала его мотивам. Она меняла свои убеждения под стать ему. Впитывала любую похвалу, как пустыня пьет дождь. Воплощала свой худший страх: теряла силы и позволяла промывать себе мозг.

Джек был ее жизнью, Джек и клятва стереть Астеров с лица земли за все их преступления.

Десять минут спустя Лето и пара охранников отвели ее обратно в комнату. Он вышел, не проронив ни слова, и ни разу не обернулся.

Оставшись одна, Одри развернула пергаментную бумагу. Внутри оказались мятные конфеты — круглые, такие обычно ели только старики, а дети оставляли напоследок после Хэллоуина. Неважно. Она схватила конфетку. Ментоловая сладость ввергла ее в состояние блаженства. Работа, работа, жуткая, изматывающая работа. А теперь конфетка на языке.

Контраст был почти таким же разительным, как нежность во время поцелуя с Лето.

Она покосилась в коридор, в сторону двери. Там стояли сонные охранники в смешной форме. Какой смысл наряжать их спецназовцами, если они готовы продаться за пачку мятных конфет и «Плейбой»? Какого сорта должны быть люди, которые готовы мучаться и шмыгать носами, как кроты под землей?

Ее свободу ограничивали только замки. Но никак не эти придурки. Они так же бесполезны, как вся остальная человечина в комплексе.

Одри застыла. Выплюнула конфету на пол.

С самого рождения ей вбивали в голову древние предрассудки, базирующиеся на слепой вере в то, что Короли Дракона лучше людей. Тысячелетиями приводились примеры. Вот только Одри влюбилась в Калеба — со всеми его капризами. Теплотой и отсутствием многовекового эго. А только что она соскользнула в болото древнего ханжества, предав умных, веселых, достойных людей, среди которых жила долгие годы.

Ей было противно от этой мысли, но Одри не могла не видеть вполне прагматичной истины. Невозможно отрицать свое происхождение. Она была из Королей Дракона, и ей придется вернуть себе древнее, мощное высокомерие, чтобы спасти своего сына.

Глава 10

На следующий день Лето и Нинн стояли в боевых стойках напротив другой пары воинов в восьмиугольной ограде тренировочной Клетки. Еще десяток сгрудился вокруг, чтобы посмотреть, посмеяться и покричать.

Лето ожидал, что Нинн все поймет, сломается и будет просить Индранан помочь ей раскрыть неконтролируемый дар. Но он сглупил, ожидая от нее подобной рациональности.

Через два дня им предстоит настоящий бой.

А в ней сохранилось слишком много от старой личности. Почему она позволяла своей нерешительности и упрямству так хвататься за прежнюю человеческую жизнь, которая мешала ей принять собственную судьбу? Теперь все стало намного хуже. Она знала о существовании своего дара и решительно его игнорировала. Она была бойцом, который отказывается от надежного оружия, хватая камень вместо палаша.

— Вставай!

— Иди на хрен, — выплюнула она, оказавшись на четвереньках.

Она могла чертовски утомлять своим мерзким характером. Что было вполне приемлемо, когда она выбирала правильного противника. Но вместо побед на арене она решила разрушить все его шансы на безопасность Пэлл. Он опозорится на глазах Старика и его гостей.

— Не заставляй меня драться и с тобой, — его крик эхом Отразился от высокого потолка над тренировочной Клеткой. — Давай к бою! Быстро!

Она прыжком поднялась на ноги и тренированным движением перехватила кинжал. Будь ее взгляд даром Дракона, она могла бы разрушать континенты.

Лето хорошо знал их противников. Первым был коренастый Фам из Южных Индранан. Возможно, когда-то он был мускулистым, но с тех пор его мышцы заплыли жиром. Фам продался картелю после того, как застрелил троих людей при неудачной попытке ограбления. Астеры могли защитить таких преступников от человеческой системы правосудия. В последнее время Лето окружали в основном воры и прочие нарушители закона, а не истинные воины.

Фаму отчаянно не хватало боевых навыков. Однако уникальная способность к телепатии, присущая их клану, превращала его в сурового противника, когда ошейники деактивировались на непредсказуемые отрезки времени. Индранан рождались всегда по двое, и каждый новорожденный обладал лишь половиной Драконьего дара. Таким, как Фам, этого казалось недостаточно. Мерзавец убил свою сестру-близнеца. Обезглавил ее. И таким образом украл ее способности, чтобы удвоить свой дар.

Именно по этой причине Индранан звались Бессердечными.

Второй в паре их противников была женщина Сат, известная только по кличке — Тишина. Лето наблюдал ее всего пять лет, и этого времени не хватило на то, чтобы узнать ее настоящее имя и причины, по которым она бьется за Астеров. Только ее любовник по имени Харк, тоже из клана Сат, мог знать эти секреты. Он спустился в Клетки полгода назад, когда Тишина вернулась из порученной ей Стариком миссии в Гонконге.

Ее называли Тишиной, потому что она все время молчала. Стройная, гибкая, с призрачно-белыми волосами и непроницаемыми глазами, которые придавали ей потусторонний зловещий вид. Сат умела украсть часть силы других Королей Дракона. Доля ворованного могла широко варьироваться. Настоящим искусством Сат была способность выбирать врага.

Ошейники отключились.

Подаренные Драконом способности ожили. Лето вздохнул. Его заполнило ощущение истинного бытия воином, которым он должен был быть.

Но лишь на мгновение.

В него одновременно ударили оглушительная телепатия Фама и молниеносные рефлексы, которые Тишина похитила у него самого. Она напала сзади, подбила щитом его колени и воспользовалась его плечами как опорой для прыжка, уносясь прочь.

Небольшая толпа зевак разразилась одобрительными воплями.

— Воровка хренова, — прорычал он.

Тех, кто рождался в клане Сат, называли Ворами. Лето вырос, считая их паразитами, но не мог отрицать того, что эта способность позволила Тишине на много лет пережить противников, обладавших куда более впечатляющими силами. Она никогда не использовала традиционного оружия, но щитом орудовала не хуже, чем Лето своей любимой булавой.

Ему потребовалась лишь секунда, чтобы оправиться от атаки Тишины, но он все еще ничего не видел сквозь белую пелену, которой Фам залепил его глаза. Судя по яростному возгласу Нинн, Фам и ее достал своим даром. Возможности Воров были ограничены одной кражей за раз, а вот способности представителей клана Индранан к ментальным фокусам были неизвестны и непредсказуемы. Некоторые были слабы не только физически, но и ментально. Некоторые сильны, как Дьявол, и проникали глубоко в психику и играли на самых глубинных слабостях.

А еще были ведьмы, одна из которых запечатала однажды способности Нинн в ментальный ящик.

Ему не требовалось зрение. Пусть Тишина и могла имитировать его рефлексы и скорость, ей не хватало искусства управления ими, над которым Лето трудился всю сознательную жизнь. Он определил местонахождение оппонентов по мелким подсказкам — по вибрации от шагов, по теплу кожи, разогретой боем, по запаху пота, кожи и металла. Фам не мог заблокировать все органы чувств сразу.

Нинн ахнула.

— Убирайся из моей головы!

Тишина промедлила буквально долю секунды, но Лето и требовался лишь намек на момент слабости.

Он помчался по Клетке кругами, так, чтобы противники видели лишь размытый контур. Всякий раз, когда Тишина пыталась взмахнуть зазубренным краем щита, он останавливался, менял направление, уклонялся. Он определил Фама по особенному ритму дыхания: когда тот сосредотачивался, его дыхание замедлялось. А отличить размеренное дыхание в переполненной адреналином Клетке было проще простого. Лето использовал возросшую скорость, чтобы обернуть цепь булавы вокруг лодыжек Фама. И сильно рванул.

Противник рухнул на покрытый матами пол, зеваки взорвались воплями. Фам только выругался.

Убить Короля Дракона можно было лишь одним способом, но иммунитетом к боли не обладал никто.

Лето встряхнул головой, прочищая зрение от остатков телепатического вмешательства, и успел заметить, как Тишина бьет щитом, вскользь попадая по губам Нинн. Кровь заструилась из разбитого рта новичка.

Однако Нинн не прекратила движения — что, как минимум, доказывало ее выносливость, — она использовала только навыки рукопашной. Тишина побеждала. Ее рефлексы и скорость, украденные у Лето, позволяли превосходить Нинн буквально во всем.

— Нинн, Дракон тебя подери! — зарычал Лето. — Используй свой дар!

Она разразилась проклятиями. Окружавшие Клетку воины засмеялись и заулюлюкали. Он видел, что она на грани взрыва потрясающей силы — обещавшего несомненную победу.

Но было слишком поздно. Ошейники активировались.

Лето зарычал от злости. Он всегда чувствовал себя обворованным, когда дар запирали извне. Его энергия, сила, даже уверенность в себе снизились до минимума. Он передернул плечами, стряхивая мгновенную слабость, которую, он знал, ощущали сейчас и другие, — жестокий переход от божественной мощи в жалкое подобие людей.

Он перехватил булаву и снова взмахнул ею. Цепь упруго натянулась. Быстрый рывок опрокинул Фама на спину. Шар булавы взлетел по крутой дуге, которую Лето контролиро-

вал благодаря многолетней практике. Описав кривую траекторию, шипастый шар врезался прямо в центр щита Тишины. Она попятилась.

Краем глаза Лето видел, как Нинн борется с Фамом. У последнего кровоточили лодыжки и икры. После удара Лето он выронил боевой серп, Нинн удержала кинжал. Теперь, когда ошейники вновь активировались, уравнивая их силы, кинжал был ей не нужен. Она была быстрой. Внимательной. Грациозной. У возрастного грузного Индранан не было ни единого шанса.

Бой продолжался до тех пор, пока вонь пота не стала почти непереносимой для обоняния Лето.

Ошейники выключались. Включались. Снова и снова. Всегда непредсказуемо. Издевались. Возвращали и снова крали их дар.

Когда его силы в очередной раз вернулись, Лето сменил стратегию. Не Тишина. Не Фам. Он атаковал Нинн. Их взгляды встретились, когда он взмахнул булавой. Мгновение словно застыло между ними. Настолько, что он мог ясно видеть ее во всех подробностях. Ее прищуренные голубые глаза, ее темные веснушки. Влажные волосы цвета меда, игольчатыми прядями налипшие на лоб. Он мог различить даже крошечные трещинки на ее сжатых губах.

Она подняла щит за полсекунды до того, как булава по дуге прилетела туда, где только что была ее голова.

Лето не остановился. Он продолжал атаковать, снова и снова, пытаясь ее спровоцировать. И остановился, когда шипы вспороли внутреннюю сторону ее бедра. Она распласталась на полу Клетки, под крики и стоны со стороны собравшихся зрителей.

— Довольно! — Он подал сигнал оператору Клетки, что пора отключать систему. Прожекторы на каждой опоре восьмиугольной ограды поблекли до половины мощности. Ошейник Лето возобновил свое глушащее воздействие.

— Молодцы, — сказал он Фам и Тишине. — На сегодня хватит.

Кто-то из добросердечных зрителей предложил помочь Индранан идти. Фам прихрамывал. Несколько часов острой боли ему гарантировано, но благодаря физиологии Королей Дракона уже через пару дней он будет в отличной боевой форме.

Лето с отвращением присел около Нинн, которая потной грудой лежала на полу. Она сжимала руками бедро. Огромный ушиб уже расцветал отвратительными цветами. Там, где шипы пропороли кожу, вздулись кровавые кратеры.

— Идиот, — ее губы кривились от ненависти. — На бедрах же нет доспеха. Почему?

— Он ограничивает подвижность и крадет скорость. Если бы ты как следует отбивалась, ты бы сейчас стояла здесь победителем. А не валялась после поражения.

— Ты сам этого хотел. Чтобы преподать мне очередной bathatei урок.

— То было на прошлой неделе. И позапрошлой. А теперь я зол. Через два дня мне предстоит бой в Клетке, бок о бок с куском лабораторной плесени, которая отказывается использовать свое лучшее оружие.

— *Я не могу.*

— Можешь. И я чертовски уверен, что ты помнишь, как это делается.

— Но контролировать его? *Заставить* его проявиться? Не могу. — Она махнула дрожащей рукой, указывая на синяк на бедре. — И вот тебе доказательство.

Лето схватил ее за подбородок, разворачивая к себе. Она ахнула, попыталась отстраниться. Но он был быстрее. Его прерывистое дыхание обдало жаром ее кожу. Лето мог различить каждую светлую ресничку, каждую веснушку на ее лице.

— Ты хочешь проиграть?

— Я бы не выкладывалась настолько, если бы хотела.

— Ты хочешь, чтобы я проиграл?

— Это еще с какой стати?

— Если так, если ты хочешь меня подставить, отомстить мне за эти недели, я убью тебя после третьего матча. — Ее челюсть дернулась от силы его хватки. — Ты меня поняла?

— И что, не добавишь в конце угрозы «лабораторная грязь»?

Он убрал ее руки от бедра, чтобы лучше рассмотреть рану. Но вместо извинений или даже оценки того, не требуется ли ей медицинская помощь, он сгреб железной хваткой поврежденную кожу. Нинн закричала. Прицельно пнула его здоровой ногой, размахиваясь по дуге. Лето поймал ее за лодыжку, отшвырнул от своего тела, не чувствуя ничего, кроме полного отвращения. Нинн хватала воздух, скрючившись на полу Клетки.

— Нинн из клана Тигони. Я не могу придумать оскорбления, достаточного для обозначения твоей ошибки.

* * *

Одри ползком поднялась на четвереньки. Распухшее от удара бедро пульсировало и жгло огнем. Острые шипы пробили кожу в нескольких местах. И это беспокоило ее так же, как остаточное ощущение его ногтей, скребущих по раненым, дрожащим мышцам.

Чертов садист. Неудивительно, что ему аплодировали.

Тело, разум, душа — весь ее мир подчинился пульсирующей боли. Нет, не весь. Где-то далеко за этими пещерами причиняли боль ее сыну. Где-то там, в месте, которого она никогда не видела, ее муж лежал под землей в могиле. Кто организовал его похороны? Наверное, его родители. Она всегда говорила им, что она сирота. Потому что так и было. Она лишь не уточняла, что сирота, рожденная в результате позора, высоко в горной крепости на северном отроге греческих гор.

Короли Дракона адаптировались. Это было ключом к выживанию на протяжении многих тысячелетий. Она не знала, мог ли кто-то из предков представить подобный исход для своей расы. Они прятались среди людей. Отступали и вели уединенную жизнь в крепостях кланов. Хватались за любой шанс продолжения рода.

Женщина, с которой она дралась, до сих пор стояла в Клетке, в позе, которая напомнила Одри про Лето. Скрестив руки. Прислонившись спиной к одному из восьми опорных столбов. У нее были невероятно черные глаза и короткие светящиеся серебром волосы. Высокая, стройная, с телом легкоатлета. Такие конечности бывали у прыгунов с шестом.

Но здесь она была воином до мозга костей.

Ее называли Тишиной.

Даже выражение ее лица было молчаливым, если это слово можно было применить к лицу. Она смотрела на Одри без какого-либо выражения. Без отвращения. Без жалости.

Без сочувствия. Просто... смотрела. Единственной эмоцией, которую Одри могла предположить, было любопытство. Потому что зачем еще так долго смотреть на кого-нибудь?

Мужчина Индранан, Фам, захромал за Лето к выходу из Клетки. Он выглядел как щенок, увязавшийся за вожаком стаи. Он наверняка дрался не в первый раз, но при этом не обладал ни грацией воина, ни каким-либо авторитетом, особенно учитывая раны на его лодыжках и икрах. Возможно, Лето тренировал его? Одри инстинктивно чувствовала, что дело не в этом. Фам не показал ни единого приема или навыка, которым Лето учил ее с самого первого дня.

Однако Фам был популярен. Знакомые воины приветствовали его похабными комментариями и хлопали по сутулой спине. Его единственной силой был дар Дракона, которым владели все рожденные в Индранан. Телепатия. Она содрогнулась, вспомнив ощущение того, как разум Фама вторгается в ее сознание. Жуткое чувство сохранялось и после разрыва контакта. Скользкое, мерзкое, знакомое.

Неудивительно, что она так не хочет связываться с Бессердечными. Она... Дракон побери, она потеряла что-то. А если вспомнит что, не будет ли от этого еще хуже?

Когда Фам обнял Хелликса, хлопая по плечам, как знакомого игрока в американский футбол, остатки ее уважения к противнику просто исчезли. Он был слабым и наглым. Рыхлым. И все же это она до сих пор пытается отдышаться, стоя на четвереньках. Гордость заставила Одри толчком подняться на колени, а затем, пошатываясь, и на ноги. Ноги подгибались. Со стороны зевак донесся веселый смех.

— Бесполезная сучка Тигони, — сказал Хелликс. — Трикстеров даже трахать неинтересно.

Фам уронил свой серп.

— А я бы трахнул. Мне все равно, Трикстер она или нет.

— Ты бы и дыру в стене трахнул, если бы тебе дали, — хмыкнул кто-то из подпевал Хелликса.

Одри заметила, что Лето, хоть он и не смотрел в ее сторону, отреагировал. Выйдя, он взял полотенце. Лицо, голое плечо, открытый верх спины — он вытирал пот со своего невероятного тела. Услышав комментарии Хелликса и его друга, Лето отшвырнул полотенце и поднял свои булаву и щит. Без агрессии. Просто утверждение своего места в этом обществе. Чемпион. Лидер по умолчанию.

А она заставила его выглядеть дураком.

Ей не найти надежного союзника в лице Лето из клана Гарнис. Больше всего на свете ей нужен был подобный союзник. Как можно скорее. До того, как потребность угодить этому мужчине и победа в их идиотских матчах станет для нее так же важна, как для него самого.

Тишина наконец отлипла от своего столба. Подошла к Одри и протянула ей руку. Одри хотела опасливо отказаться, но в месте, где царили такая изоляция и недоверие, решила принять жест доброй воли за истину. С помощью Тишины она поднялась, проверила способность ног выдержать полный вес ее тела и поняла, что сможет идти. Тишина смерила ее все тем же непроницаемым темным взглядом, который изрядно нервировал, и кивнула. Дракон подери, даже язык ее тела невозможно было прочесть. Одри не смогла бы разгадать смысл этого кивка даже под угрозой расстрела.

Женщина вернулась к ограде Клетки, подняла свой щит с зазубренным краем.

— Спасибо, — сказала ей Одри.

Легкое движение бровей Тишины было выразительным, как произнесенный вопрос.

— Ты могла бы срезать мне половину лица, — Одри коснулась кровоточащей губы и кивнула на щит. — Я благодарна за то, что ты этого не сделала.

— Эй, хватит уже флиртовать с новенькой, — раздался мужской голос, в котором не чувствовалось ни намека на агрессию Хелликса. — Когда-то и я был новичком, чистеньким и бесполезным. Могу даже приревновать. Но сначала мы поедим. Ты же знаешь, как я хочу есть, насмотревшись, как другие дерутся. Прямо умираю.

Тишина едва заметно кивнула Одри на прощание и присоединилась к мужчине, стоявшему у основания лестницы к Клетке. Это был любовник Тишины, Харк. Он не был похож на остальных воинов, буквально сплетенных из сплошных мышц. Но ему это и не

требовалось. Его стройное жилистое телосложение уличного бойца производило обманчивое впечатление. Он мог работать с традиционным нигнором Сат, словно тот ничего не весил. С высокими точеными скулами и невероятно чистого оттенка голубыми глазами — сочетание силы и красоты поражало — он был идеальным партнером для Тишины.

Одри смотрела, как странная пара спокойно и неторопливо проходит мимо Хелликса и его подпевал. Задиры не свистели и не подкалывали их. Молча смотрели.

Странно.

Но это полезная информация.

Одри захромала к выходу из Клетки. К ее удивлению, Лето встретил ее у лестницы. Забросив булаву на плечо, он предложил ей руку.

— Это что, проявление жалости? — спросила она.

— Тебе пора бы уже усвоить, что жалости в казематах нет.

— Ты просто псих, если думаешь, что я прикоснусь к тебе после того, что ты сделал.

Почти безмятежное выражение его лица не изменилось.

— Тогда позволь Хелликсу или Килгору к себе прикоснуться. Мне неважно, каким из способов ты решишь мучить себя и дальше. — Он уронил руку и кивнул в сторону столба для порки в углу тренировочной арены. — *Вот это* станет следующим уроком, если ты не усвоишь сегодняшнего.

По ее спине волной пробежала дрожь. Раскаленная боль в ноге была лишь намеком на то, что могут с ней сотворить у столба.

Лето зашагал прочь. И почти так же, как с Тишиной, никто не издал ни звука, когда он прошел мимо. Только Хелликс мрачно уставился ему в спину.

Одри ругала себя, медленно и с трудом выбираясь из Клетки. Оказавшись между мрачной угрозой, которую обещал Лето, и восхищением, которого она пока не осмеливалась признать, она внезапно поняла, с какой именно опасностью столкнулась. Кнут. И пряник. Угроза потерять себя.

Она не могла больше оставаться в этой подземной тюрьме. Но сможет ли она рискнуть не только своей жизнью, но и жизнью Джека, чтобы отсюда сбежать?

Глава 11

Одри понятия не имела, как собирается убежать, пока возможность не появилась сама.

Килгор. Местный повар, который ни разу не смотрел на нее так, словно на ней есть одежда, — сразу же пытался проникнуть взглядом глубже, до самой кожи.

Она сдержала дрожь, когда охранники вызвали ее к решетке тренировочной комнаты. Килгор ждал ее у поста. Он выглядел настолько лощеным, насколько это вообще удалось бы мужчине в этой подземной тюрьме. Волосы вымыты и расчесаны. Холщовая униформа выстирана. По местным корявым меркам он выглядел как человек, собравшийся на свидание.

Для планов Одри этот странный коротышка с круглой, непропорционально большой головой подходил просто отлично.

Лето постоянно держал ее под присмотром, а охранники действовали, как запрограммированные механизмы. Она уже исследовала каждую трещинку и впадину в своей комнате. Даже промокла до костей под естественным водопадом, пробуя на прочность его исток, даже пыталась сломать каверну, служившую ей туалетом. Не лучший был вечер.

— Лето так и держит тебя под замком, — с нарочитой жалостью сказал Килгор. — Не хочешь ли прогуляться?

Она взглянула на охранников, которые глазели на нее с интересом. Сейчас каждое слово имело значение, поэтому выбирать и взвешивать их пришлось, как расстановку сил для удара.

— Конечно же. Я в вашем распоряжении.

Глаза Килгора расширились. Белки были с отчетливо желтым оттенком. Желтуха? Одри снова сдержала дрожь.

Он подал охранникам два пакета, по одному на каждого. Те приняли передачу почти без реакции и тут же спрятали в своих доспехах. Что было в пакетах... она не хотела знать. Один из охранников отпер решетку. Избегая смотреть ей в глаза.

Одри знала, что весь подземный комплекс достает через Килгора товары с черного рынка, хотя он определенно давно не бывал на поверхности. Он был отвратителен. Пожелтевшие, глубоко запавшие глаза. Обвисшая кожа. Его волосы едва прикрывали скальп. Приметы, доказывающие, что человеческому существу нельзя всю жизнь проводить в темноте.

— Тогда идем, Нинн из клана Тигони.

Даже то, как он произнес имя ее клана, заставляло кожу зудеть от отвращения. Он думал, что будет трахать Короля Дракона. Более того — женщину Тигони из ближнего окружения Гивы.

Да ни за что.

— Я сейчас, — прошептала она.

И торопливо вернулась по коридору в свою комнату. Благодаря Лето у нее появилась привычка оставлять тренировочный нож с собой, на ночь. Выхода из личной камеры не было, почему же не потратить свободные часы на тренировку? Нож был сделан из дерева, но его было достаточно, чтобы вывести из строя одного расслабленного противника. Затем нужно будет найти настоящее оружие.

И выход из этого комплекса.

Она тщательно, хотя и нетерпеливо, ловила обрывки фраз и неосторожно упомянутых фактов. Бараки. Кажется, это то, что ей нужно. Когда у людей истекали сроки контрактов, работникам нужно было меняться, а значит, существовал способ войти и выйти. Короли Дракона не покидали комплекса никогда, кроме как на матчи. Процедура выхода ей до сих пор была неизвестна. Как их транспортируют? Откуда и куда?

Она вырвется отсюда раньше, чем узнает.

Главным сокровищем собранной информации было нытье охранника о том, что пришлось транспортировать еще одного лабораторного пациента в комплекс. *Ненавижу туда ходить. Охрененно стремное место.*

Ходить.

Ходить туда.

Это имело смысл, потому что саму Одри зашвырнули в этот подземный ад все в той же лабораторной рубашке. Ее должны были перевозить, не привлекая чей-то заинтересованный взгляд практически голым телом.

Она выберется на свободу. Спасет Джека. Свяжется с Мэлом.

Малнефоли не бросит ее в беде. Они отбросят все разногласия. Он больше не подчинится желаниям Совета.

Одри, одетая в привычную кожу с шелковой подкладкой, сунула нож за голенище сапога. Мельком пожалела о доспе- хе, который Лето тренировал ее носить. Однако

ожидания Килгора были прозрачны, как стекло, и ярко сияли в глубине его пожелтевших глаз. Ей нужно притвориться новенькой, готовой выполнять его капризы.

Пергамент, в который были завернуты конфеты, грязь и кончик тренировочного ножа пригодились ей для второго письма. Она компоновала слова на древнем языке Тигони. А затем зашифровала письмо так, чтобы прочитать его могли только приближенные Мэла. Сат слишком много знали о чужих домах. Ни один язык нельзя было считать безопасным без дополнения личного шифра. Она целый вечер царапала грязью по вощеной поверхности плотной бумаги.

Нужно заставить Килгора отправить письмо — и узнать о месте, где держат Джека, чтобы спланировать побег. Незаметно манипулируя алчным мужчиной, который, похоже, целую вечность не знал женщины.

Дракон, помоги мне.

Глубоко вздохнув, она вернулась в коридор.

Автоматически подставила запястья. Кандалы. В данном случае — преимущество. Благодаря Лето и его примеру с булавой она знала, как эффективно могут сработать цепи, когда нужно сбить противника с ног. Но она скорее сгрызла бы себе все ногти, чем признала, что половина ее решимости и умений возникла только благодаря ему.

Пусть это и была правда.

Килгор сохранял все то же выражение лица — наполовину хищное, наполовину щенячье. Слишком отчаянное, чтобы быть сексуальным. Она чуть не пожалела его.

Чуть не пожалела . Она слишком хорошо представляла, чего он от нее хочет.

— Пойдем? — Он даже предложил ей руку.

Снова намек на свидание. При том, что на ней защелкнули кандалы.

Одри едва сдержала смех. Однако сердце зашлось, напоминая, что нужно быть спокойной и сосредоточенной. Она могла показать только страх, что было довольно просто, учитывая двойную дозу адреналина.

Она положила руку на его предплечье.

— У нас есть общее дело, не так ли?

Он облизнулся. Чем дальше, тем меньше Одри все это нравилось. Начало было достаточно неприятным.

Свободной рукой она коснулась ткани своей туники, над точкой, где шрам постоянно напоминал ей о том, что сотворил с ее телом доктор Астер. Он разрезал ее в сотне различных мест, но самой горькой потерей остался надрез, через который он удалил ей яичник.

Килгор повел ее в сторону столовой. И дальше, куда ее ни разу не допускали. Одри старалась запомнить как можно больше деталей. Стены из обожженного кирпича, такие же, как в остальном комплексе. Белая краска. Дешевые флюоресцентные лампы, одинарной линией под потолком. В их свете краска на стенах приобретала призрачный голубоватый оттенок. Ее руки под рукавами туники покрылись мурашками. Одри заметила это только когда рефлекторно вцепилась в руку Килгора, вызвав у того довольную улыбку.

Отлично. Годилось все, что могло убедить его, будто она готова ему услужить.

Старые тренировки памяти помогали запоминать изгибы и повороты пути. Он тянул ее сначала влево, затем вправо, снова вправо и по очередному бесконечному коридору с тусклыми лампами и голубоватыми стенами. В стене, примерно через каждые пять футов, были закрытые двери.

— Бараки рабочих?

Килгор кивнул.

— Мои лучше.

— О? — Она ответила на его улыбку. Вышла такая себе кривоватая ухмылочка. — Так вот куда мы направляемся? В конце нашей прогулки?

— Ты пошла со мной по своей воле, — губы Килгора сморщились, словно он запустил зубы в недозрелый банан. — Чего ты от меня ждешь, неофитка?

— Честной сделки, на которую согласимся мы оба.

— Отлично. Наивности в тебе не больше, чем во мне. И не думай, что охранники примут твою сторону, если ты вдруг предложишь им что-то из нашей договоренности. — В его крошечных глазках светилась угроза, которую нельзя было недооценивать. — Только благодаря мне они получают свои грязные журналы, дополнительные пайки и даже почту. Так что они скорее отрежут себе яйца, чем откажутся от моих услуг.

Ни союзников. Ни настоящего оружия. Только этот мерзкий и злобный слизняк.

Сложная будет задачка.

— Благодарю за комплимент, — сказала она. — Потому что ты прав. Ни ты, ни я не наивны. У меня есть письмо, которое нужно отправить. У тебя есть физические потребности, которые нужно удовлетворить.

— Вот и договорились.

Снова налево, затем вверх по пологой лестнице, изгибающейся направо. У ничем не примечательной двери Килгор остановился и вытащил связку ключей. Однако эта дверь находилась в конце отдельного коридора. Почти что личные апартаменты. Из такого места не услышать и самых жутких воплей.

Но ее оптимизм не исчез. У Килгора на связке было несколько ключей. Она отметила, которым ключом он открывал дверь, что оставляло надежду на четверку остальных.

Одна из дверей, мимо которых они проходили, была холоднее других. И свет под ней был другим. Темнее. Больше похожим на бледно-серый, чем на выцветший голубой. И две другие двери она тоже приметила. Выходы. Шансы. Ей остались только эти шансы. Уверенность Килгора в собственной важности могла сыграть ей на руку. Он любил похваляться. Нужно было лишь направить его хвастовство в нужное русло.

Внезапно его прикосновение стало грубым. Сжав кулак на цепи ее кандалов, он швырнул ее в комнату. Одри неуклюже рухнула на каменный пол. Ударилась лбом о железный наручник на левом запястье. Кровь. Сразу же. Медная теплота заструилась по щеке.

Но это была ерунда по сравнению с тем, как ее сердце дернулось и застыло, когда Килгор захлопнул входную дверь. Захлопнул. Она была права. Никто их здесь не услышит.

— Мы еще не договорились, — спокойно сказала она, игнорируя раны и страх, побуждающий бить или бежать.

— Тебе придется хорошо постараться, если ты хочешь, чтоб я возился с выносом из комплекса письма неофитки.

— Что именно нужно сделать?

— О нет. Это же часть веселья. С каждым новым сюрпризом я хочу видеть выражение твоего лица.

Она не извинилась и не возразила. Килгор был корыстным. И ему хотелось как следует поторговаться перед тем, как прийти к соглашению.

А еще ему, видимо, хотелось драки.

Он двигался быстрее, чем она представляла. Возможно, дело было в том, что ее лоб до сих пор пульсировал болью. Он вытащил откуда-то пару наручников и пристегнул ее кандалы к ножкам кровати. Даже не к самой кровати. Оставил ее валяться на полу.

Это было едва ли не хуже, чем обрести дар от Дракона — неважно, насколько непостоянный, — и тут же потерять его от включения ошейника. Она чувствовала себя примерно так же, когда Король Дракона в черном плаще наблюдал, как Астеры берут ее и Джека в заложники.

Она простила себе это мгновение паники. Жалости к себе. Потому что теперь у нее было намного больше ресурсов. Ей не нужен был дар, чтобы справиться с одним похотливым человеком.

Перевернувшись на спину, она поймала Килгора ногами за талию. Он попытался ее оттолкнуть, но Одри сжала лодыжки и бедра со всей отпущенной ей силой. Болезненное хрюканье подсказало, когда она нашла пятками его почки. Одним мощным ударом она впечатала подошвы сапог в центр его груди. Килгор попятился, закашлялся, согнулся пополам. Влетел спиной в дверь спальни.

Спальни. Черт. Да просто очередной камеры, на этот раз с кроватью, тусклой лампой и единственным выходом.

Килгор все еще кашлял и извивался, но уже выдавил мерзкую лыбу. Услужливый подхалим? О нет. Он все просчитывал. И в его желтоватых глазах светилась жестокость, которой она не видела со времен своих мучений в лаборатории.

— Знаешь, почему я здесь столько лет? — спросил он, буквально выплевывая каждое слово.

— Мне плевать.

— Не думаю. Ты умна, а значит, наверняка думала об этом. — Он оттолкнулся от пола и захромал к комоду с металлическими ящиками, похожему на стойку архива. — Почему Килгор все еще здесь, в то время как другие люди-работники уходят спустя три месяца?

Из верхнего ящика он достал нечто похожее на детский пенал. Черную коробочку. Пластиковую. Совершенно обычную с виду — как и он сам.

— Я был одним из ассистентов доктора Астера. Докторская степень по генной инженерии. А теперь я варю фасоль для местных кротов и терплю наглые выходки твоего дружка Лето. Мы оба рабы. Вот только он считает свою службу приятной. — Он открыл коробочку и достал из нее иглу для подкожных инъекций. — Я так не считаю. Но и у рабства есть определенные преимущества.

— Что это за дрянь?

— Этой дрянью я добьюсь твоего послушания. Я не стану отправлять вашу почту, миссис МакЛарен. Предпочитаю сохранить свои кишки на месте. И я не настолько глуп, чтобы позволить тебе сбежать. — Он приподнял бровь. — Это же был твой запасной план, да? Отвечай честно, иначе я начну с твоей задницы до того, как успеет подействовать седатив.

Ох, черт.

Она убрала с виска короткую прядь волос.

— Назови мне хоть одну причину, по которой я бы возжелала остаться в этом дерьмовом подвале. Конечно, я хотела сбежать. И думала, что ты достаточно умен, чтобы принять верную сторону в этой маленькой... сделке.

— И что же ты можешь предложить? — Он оценил взглядом ее грудь, прошелся по изгибу бедер. Улыбка стала почти что дьявольской. — Мне было интересно, смогу ли я тебя заломать. При всех твоих хваленых тренировках... сейчас ты просто кусок мяса. Я часто пользовался возможностью в лабораториях. Там столько бесчувственных тел, такой выбор... Но вы, миссис МакЛарен, почувствуете все. Седатив не лишает сознания.

Одри сглотнула подступившую к горлу тошноту. Сама мысль о том, что он насиловал пациентов Астера, была слишком отвратительна для нее. *И со мной тоже так было?*

Она, насколько могла, скрыла свою реакцию.

— Ты чертовски хорошо знаешь, кто мой кузен. Помоги мне выбраться отсюда, и он...

— Проявит снисходительность? Сомневаюсь. Список моих преступлений слишком длинный. А жизнь, к слову, слишком коротка. Ты сама это видела. Как его звали? Калеб? Вот и пример. Видишь, добрый доктор Астер доверяет мне даже такие детали. И конкретно сейчас мне больше нравится то, что оказалось в моем распоряжении. А Гива может идти на хрен. Его влияние сюда не доходит.

Одри насмешливо улыбнулась, хотя ее желудок превратился в кипящий комок нервов.

— А твое? Ответь на собственный вопрос. Если ты такой особенный, почему же ты сейчас здесь?

— Потому что сделал маленькое глупое покушение на жизнь безумного доктора. После того, как он слишком зарвался с насмешками... — Он оскалился, сам в этот миг напоминая безумца. — Я слишком много знал, но был слишком полезен, меня нельзя было убивать. Тебе стоило бы увидеть, как он реагировал на уловку-22. Мое сегодняшнее положение служит для того, чтобы охрана была довольна, амбициозные сучки знали свое место и были хорошими маленькими девочками, а ты не знала, где именно доктор Астер режет на части твоего щеночка.

— Ты больной ублюдок.

— Ублюдок у нас не получится, но мы попробуем. — Одну руку он прижимал к ушибленной груди, другой показал ей иглу. — Как нам еще развлекаться?

Лето мгновенно понял, что Нинн нет в комнате, как только подошел, чтобы ее забрать. Не было запаха ее кожи, ни свежего после мытья, ни приправленного потом после тяжелой тренировки.

И он знал, кто забрал ее и кто теперь не собирается выпускать из собственных лап.

Bathatei.

Она никак не могла успокоиться. Короли Дракона пользовались своими силами. Воины Клетки пользовались всеми возможностями, до которых могли дотянуться. Ей же дали задание и обещали награду.

У нее не было выбора.

Злость заставила отбросить это возражение. У нее не было и времени.

— Как давно ее нет на месте? — Взгляд, которым он смерил молодых охранников, пронизывал до костей. Стоявший слева первым опустил глаза. Покосился на нагрудный карман.

Лето прыгнул. Одним движением повалил охранника на землю. Тот хрюкнул, затем запищал, протестуя, когда Лето вытащил из его кармана жестянку с жевательным табаком. Второй охранник попытался, для вида, помочь своему напарнику. Лето обернулся через плечо и прохрипел:

— Будешь следующим.

Охранник вернулся на свой пост у дальнего конца решетки, искренне делая вид, что в метре от него ничего не происходит.

— Теперь это мое, — Лето сунул жестянку в складку своего кожаного доспеха. — И я сдам тебя Старику за владение контрабандой, если ты мне не скажешь. Как давно ее нет?

— Около двадцати минут, — ответил охранник срывающимся голосом.

Он был довольно крупным для человека. Почти два метра ростом. Крепкий, с хорошей мышечной массой. В своем собственном мире он мог бы участвовать в боксерских боях — человеческом аналоге Клеток, не обладавшем ни гордостью, ни значимостью, как и сами люди. Лето чувствовал лишь отвращение.

— Когда я найду ее, я приведу ее сюда. Мимо вас обоих. И вы не скажете ни единого, мать вашу, слова.

Упавший охранник кивнул, на его брови стекал пот с отчетливым запахом страха. Лицо второго приобрело болезненный молочный оттенок.

— Да, сэр.

Сэр.

Так Лето называл только Старика. Он впервые задумался о том, каковы на самом деле функции местной охраны. Их можно было подкупить, сломать, даже искалечить. Если Лето убьет одного из них, каким наказанием ответит Старик? Наверняка не физической болью. Для него это наказание было бы слишком легким. Возможно, ответом будет наказание для его семьи.

Охранники — лишь дань традиции. Часть церемонии. Как цирковые пони. Настоящая тюрьма находилась гораздо глубже и была гораздо страшнее. Тревога за родных, являющихся заложниками его поражения, повергала его душу в мрачную темницу. Победа — лишь одна сторона медали. Очередной успех на ринге не давал освобождения и вынуждал воина продолжать бороться за безопасность своей семьи.

Лето пнул упавшего охранника, чтобы скрыть дрожь, и помчался по коридору мимо столовой и жилых отсеков для человеческого персонала. Внезапное и крайне несвоевременное осознание он загнал в глубины сознания.

Сейчас он рисковал, как никогда раньше. Он рисковал расположением Старика, с трудом достигнутым местом чемпиона Астеров, своей собственной семьей.

Ради новенькой.

Ради Нинн.

Кто бы мог подумать, что она способна перехитрить дьявола.

Глава 12

Лето не стал стучать. Он даже не стал прислушиваться из-за двери, чтобы подтвердить свои подозрения. Он просто вломился внутрь. Петли дверей не выдержали, когда он дал волю своей кипящей силе.

На бегу через человеческий комплекс он представлял себе, что увидит. Но он не рассчитывал обнаружить Нинн так близко к полному подчинению.

Ссадина на ее лбу кровоточила, сама Нинн была прикована к металлической раме кровати с тонким продавленным матрасом. Килгор, согнувшийся пополам, стонал, сжимая в зубах шприц для инъекций. Кровь из ссадины Нинн не шла ни в какое сравнение с ручьем, который бежал из раны на его предплечье, проткнутом ее деревянным тренировочным ножом.

Килгор повернулся. Его глаза казались круглыми желтыми дисками. Он был опасен, как удав, но знал, когда стоит бояться. Возможно, в этом был свой смысл. Чем ниже животное в пищевой цепи, тем сильнее развит инстинкт распознавания непосредственной угрозы.

Он сплюнул шприц на пол, и тот откатился к ноге Лето.

— Лето. — Килгор быстро приходил в себя. Как всегда. — Она напала на меня во время нашего разговора.

— И ты решил ее усмирить?

— Именно.

— Цепей бы хватило. — Он раздробил откатившийся шприц каблуком. — Наркотики лучше приберечь для лаборатории, из которой тебя выгнали.

— Не стоит меня обвинять. Тут целиком и полностью ее вина. Уверен, ты подберешь для нее наказание.

— Я мог бы принять твою сторону, если бы ты попросил. Но вместо этого ты решил диктовать мне, как обращаться с моей неофиткой? Это не твое дело.

Лето нависал над невысоким Килгором. Его злость на ситуацию заставляла его казаться еще больше. И хотя он должен был злиться на Нинн за невероятно глупую выходку, он готов был разорвать Килгора на куски и оставить на полу бесполезный скелет. Возможно, о нем кто-нибудь пожалеет, когда наступит время обеда.

И все же... Лето отлично помнил, насколько он ограничен в действиях. Дракон подери, только нежелательных мыслей ему не хватало. Несмотря на статус, убийство даже самого бесполезного работника, вроде повара, было запрещено, а мразь вроде Килгора не была достойна внимания Короля Дракона.

Однако Нинн была в крови. И значит, Килгор был достоин его внимания.

Он выдернул деревянный нож из раны Килгора и отшвырнул в направлении двери, повисшей на сбитых петлях. Болезненный вопль ласкал его уши.

— Снимай рубашку, — велел Лето.

Килгор шипел от боли, Лето принялся разрывать хлипкую ткань на полосы. Две минуты спустя он уже умело накладывал временную повязку на трехдюймовую рану в предплечье повара. Несмотря на взвинченность, Лето подавил довольную усмешку. Нинн резала глубоко и целилась точно. Килгор еще несколько недель не сможет пользоваться рукой. Даже в цепях она без усилий вывела из строя его правую руку.

Впрочем, хвалить ее за технику он будет позже. Когда она окажется в безопасности.

В безопасности?

Дракон подери, он терял способность рассуждать здраво.

— Теперь иди сюда, — сказал Лето охрипшим голосом.

Килгор вскинул брови. Удивление и даже страх, которые породил в нем Лето, снесший двери, исчезли. Теперь на его лице застыло наглое крысиное любопытство. Он пытался найти хоть какое-то преимущество в ситуации. Не выйдет. Несмотря на сложности сил и интриг, в которые Лето себя загонял, он был Королем Дракона. На две головы выше всех остальных.

Схватив Килгора за загривок, он заставил коротышку выпрямиться и замереть.

— Стой здесь. Не шевелись. Нинн хорошо поработала, но я уверен, что для раздачи пайков тебе хватит и одной руки. — Наклонившись к уху Килгора, он добавил: — Старик расстроится, если я тебя убью, но я не расстроюсь. Я закончу то, что она начала, и сделаю это предельно безжалостно.

Килгор сглотнул. Его лоб, сильно сплюснутый по сравнению с другими чертами лица, был мокрым от пота. Он явно не принимал угрозы Лето всерьез, но двинуться с места не рисковал.

Лето повернулся к Нинн, которая лежала на полу и наблюдала за ними с выражением крайней ярости. Отражением его собственной злости. Какого хрена теперь с ней делать?

Она должна была уже сломаться к этому времени.

А не заставлять его давиться гордостью и яростью. Лето не относился к людям, способным на смешанные чувства, а теперь был полон противоречий. Он опустился на

колени рядом с ней. Остатками рубашки Килгора вытер кровь с ее лба. Мягко. Почти ласково. Словно успокаивая ребенка. Она и вела себя как ребенок, несмотря на роскошное женское тело. Но она была воином, не соблазнительницей. Иначе Лето нашел бы ее в куда меньшем количестве одежды и в позе, которую он не хотел представлять. Но она и Килгор истекали кровью. Неплохо «поговорили», как две кошки в одном мешке.

Килгор наверняка предвидел ее реакцию. Странно, обычно он выбирал услужливых и покладистых девушек. Лето решил, что позже похвалит ее за техничный удар ножом, но после того как устроит ей выволочку за то, что позволила коротышке себя поймать.

А затем он потратит немало часов на то, чтобы подобного не случилось снова.

Однако ее наказание... Сейчас оно было важнее. Его тошнило от идеи, пришедшей на ум, но, возможно, это был единственно правильный выход. Ему нужно было вбить в ее упрямую голову суть того, что могло с ней случиться. Килгор пригодится, но только под присмотром Лето.

Она вздрогнула.

— Больно?

— Да.

— Представь, какую боль ты могла испытать, если бы он до тебя добрался.

— Сложно представить. — Ее взгляд метнулся к металлическим ящикам в углу комнаты. — Транквилизаторы или что- то вроде того. Из лаборатории Астера. Так что мои ощущения целиком бы зависели от наркотика.

Он взял ее за подбородок. Встретился с ней взглядом. Ее глаза были бледными, серебристо-голубыми и наполненными смесью эмоций, которых Лето никогда в жизни не ощущал, ни по одной, ни одновременно.

— Ты ощутила бы каждый порез, каждый синяк и ссадину. Если бы вообще очнулась.

Это заставило ее сосредоточиться. Отлично. Не сумей она представить последствий ошибки, она оказалась бы бесполезна, по крайней мере для него. И доигралась бы до смерти.

— Насколько я понимаю, ты пыталась добиться чего-то недозволенного. Килгор специалист по таким сделкам. Но за свои услуги запрашивает немало. — Лето протянул ей руку. — Письмо, Нинн.

Ее уверенный взгляд говорил о том, что она научилась лучше прятать свои эмоции, однако Лето ощутил, как вздрогнуло ее бедро в месте, где соприкасались их тела.

— Я могу найти его сам, — сказал он. — Точно так же, как отобрал контрабанду у охранников твоей камеры. Но хотел бы позволить тебе сохранить хоть немного достоинства. Пока что. — Он пошевелил пальцами. — Давай его сюда.

— Как ты узнал?

— Ты ведь умная женщина.

Кандалы зазвенели, когда она запустила руку под тунику. Он хорошо знал этот звук — звук, означавший жизнь в этом комплексе. Но тонкий шорох наручников по металлическим ножкам кровати отозвался мурашками на спине. Опоздай он хоть на пару минут...

Она достала письмо и протянула ему, сияя ненавидящим взглядом.

Письмо пахло мятой, оно было написано на обертке бумаги, которую он ей передал. Лето бесцеремонно разорвал его на клочки.

— Вот и все.

— Ублюдок.

Он сжал ее подбородок до боли. Теперь, когда она была вне опасности, он мог позволить своей ярости вернуться. В полной мере.

— До первого боя у нас осталось всего два дня. И будет еще два боя в ближайшие месяцы. Ты будешь драться со мной. Или ты готова пожертвовать жизнью своего сына? Только что ты рискнула его безопасностью, поверив лживым обещаниям этого урода. Или, возможно, собиралась сейчас сбежать. Куда бы ты пошла, идиотка? Неужели, избавившись от сына на пару недель, ты перестала о нем беспокоиться?

Нинн дернулась — и ей не хватило всего пары дюймов, чтобы захлестнуть цепь кандалов вокруг его шеи. Лето поймал ее за запястья. Еще одно доказательство того, что позже он сможет отпраздновать ее удвоившиеся навыки.

— Почти попала, неофитка. И что ты собралась делать, когда поймаешь меня?

— С удовольствием наблюдать, как вылезают из орбит твои глаза.

— И это было бы забавно?

— Очень.

— Что ж, очень жаль. — Он подцепил двумя пальцами ее ошейник, дернул ее к себе.

И поцеловал.

Как он и ожидал — Дракон свидетель, как он втайне надеялся — она начала отбиваться. Она пинала его. Извивалась. Пыталась вырваться из его рук.

Мягкая неторопливость их первого поцелуя осталась далеким сном, чем-то, что случилось с совершенно другими людьми.

Это... это было тем, кем они являлись на самом деле.

Конечно же, ему понравилось. Он уже несколько недель подпитывал в ней этот огонь, эту силу. Но целью было отнюдь не удовольствие. Лето позволил себе лишь пару секунд наслаждения. Ощущения ее тела, женственного и гибкого. Горячего. У нее был вкус крови, хоть Лето и понимал, что такого не может быть. Возможно, она сводила его с ума. Делала кровожадным. Заставляла жаждать разрядки.

Он толкнул ее вниз, на пол. Руки, ноги, торс — она была стройной женщиной, она была в цепях, а это значило, что ее легко обездвижить, несмотря на сопротивление. Лето навис над ней, прижал животом к полу, удерживая ее извивающееся тело. Он сам был напряжен и неподвижен. Тверже камня. Возбуждение, желание, звенящая сдержанность и требовательность. Он вдруг обнаружил, что, несмотря на приказы мозга, трется бедрами о ее бедра, пытаясь найти нежную плоть, способную снять напряжение, с которым он боролся уже не первую неделю.

Он проник в ее рот языком. Улыбнулся, когда она укусила его. Быстрым движением ладони поймал ее нижнюю челюсть. Горло было слишком уязвимой частью тела. Хватка и давление заставили ее ахнуть — она не могла дышать — и приоткрытый рот дразнил Лето, приглашая продолжить.

Он не стал.

Он взнуздал свое вопящее, болезненное желание. Тяжело дыша. Лето осознавал, что не был так возбужден уже многие годы. А то и никогда. И что находится на грани срыва, который он не может себе позволить.

Его смятение не шло ни в какое сравнение с яростью, полыхавшей на лице Нинн. Кровь размазалась по ее разбитому лбу, кровь Лето стекала по ее губам. Влажные волосы слиплись иголками. Туника задралась на бедре, открывая полоску золотой кожи. Она выглядела такой растрепанной и избитой, словно только что занималась сексом с группой людей.

Он сорвался бы в убийство раньше, чем подобный мерзкий сценарий мог воплотиться в жизнь.

Но в реальности ее всего лишь поцеловал Король Дракона.

Он сам.

Низкое горловое рычание зародилось в его глотке. Ему нужно было закончить урок прежде, чем в плену похоти и дав волю воображению, он позабудет о своем плане. А план у Лето был. Успешные воины Клетки брали стальные прутья и изгибали по собственному вкусу оружие для победы. Нинн была для него таким же оружием. И ее следовало согнуть, подогнать под его нужды, чтобы оба они смогли победить.

Килгор так и стоял, словно в трансе, жадно впитывая происходящее. Жадность в его глазах была так же очевидна, как и бугор на брюках.

— Снимай штаны, — велел ему Лето.

Килгор моргнул.

Нинн завопила, принялась отбиваться сильнее, ей даже удалось провести удар в висок. Лето прикусил ругательство и вздернул ее на колени. Одной рукой он завел ее запястья за спину, второй перехватил ее ошейник пониже затылка. Так она была зафиксирована не хуже, чем когда была прижата к полу. Вот только теперь ее рот оказался на одном уровне с жалкими результатами эрекции у Килгора.

Тот спустил штаны и наглаживал себя.

— Это что за херня?

— Это твое наказание, неофит, — ответил Лето ей в щеку. — Он бы овладел тобой. Ты могла быть в сознании, или одурманена, или даже спала, но ты бы не вышла из этой комнаты, пока определенная часть его не побывала в определенной части тебя.

— Ты порвал мое письмо. — Ее голос вновь зазвенел от эмоций, которые Лето не мог опознать. Страх, да. Отвращение. Мольба? Она даже подалась назад, словно ища у него защиты — хотя именно он удерживал ее в таком положении. — Чего еще ты от меня хочешь?

— Я хочу, чтобы ты продолжила «разговор» с этой человеческой мразью.

Она пискнула, когда Лето встряхнул ее за ошейник.

— Скажи мне, Нинн, — снова заговорил он. — Ты ведь планировала не просто договориться об отправке письма. Ты собиралась сбежать. И ты собиралась отплатить этому человеку за оказанные тебе услуги.

В ее ответном шипении таилась угроза газовой трубы и открытого пламени.

— Ты что, не слушал меня? Ни разу не услышал? Мне нужно спасти моего сына!

— Килгор, два шага вперед.

— Ударь ее, — проблеял тот хриплым от желания голосом. — Причини ей боль.

— Заткнись, если не хочешь, чтобы я опробовал тот же нож на остальных частях твоего тела.

Килгор только застонал, активно работая рукой.

— Да, сэр.

Глаза Нинн застилали слезы. Она вжималась затылком в нагрудную пластину Лето. И не сводила взгляда с крошечного члена, который Килгор теребил прямо перед ней. На лице коротышки застыло полное, бессмысленное блаженство.

— А ты не слушала меня, — тихо сказал Лето. Он сжимал ее самой жестокой своей хваткой, в самой унизительной для нее позе, но при этом еще никогда в его голосе не звучало такого сочувствия. — Нинн, ты сейчас здесь. Ты станешь воином Клетки, потому что у тебя есть причина им стать. Потому что они не оставили тебе выбора. Потому что они никогда не позволят тебе преуспеть любым другим способом.

Она дернула плечами, стукнулась затылком о его доспех. Звук чистой ярости и отчаянья резонировал в стенах крошечной комнаты.

Он поманил Килгора ближе.

— У тебя есть лишь одна альтернатива. Позволить мужчинам вроде этого попользоваться тобой. Стать жертвой. Ты уже была жертвой, когда они убили твоего мужа, лишили свободы тебя и твоего сына.

Она громко всхлипнула, но Лето не думал, что это касается текущей ситуации.

— Я пыталась, — почти беззвучно прошептала она. — Калеб погиб раньше, чем я поняла, что происходит. Кровь расплескалась по холодильнику. Джеку заклеили рот липкой лентой. В меня ткнули шокером, натянули мне на голову капюшон, застегнули его. Был вечер четверга. Мы заказали пиццу. А они за тридцать секунд уничтожили всю мою жизнь.

— Сегодня, здесь, ты сама снова поставила себя в позицию жертвы. — Он ткнул ее подбородком в висок. — Посмотри на него. Он отвратителен. А ты, родом из Королей Дракона, из клана Тигони, стоишь перед ним на коленях. Как это может спасти твоего сына?

— Ты мог бы меня отпустить. Мог бы помочь мне спасти его!

— И этим обречь на смерть моих сестер и мою племянницу. Я не могу пойти на это. Мы справимся вместе. Мы будем биться на арене, как единое целое. Или же ты можешь сейчас открыть рот и испытать свои шансы с этим уродом.

Килгор уже задыхался. Его глаза стекленели.

— Давай же, Нинн. Дай ему то, что ты собиралась дать. Попробуй его на вкус. Пускай проникнет в тебя.

— Ты больной.

— Ты ведь была готова на это. Забыть о боях в Клетке. Забыть о возможности показать Астерам, на что ты способна. Нет, ты предпочла дать этой жабе возможность трахнуть твое милое личико в обмен на шанс отправить письмо Гиве или открыть волшебную дверь, которая выпустит тебя и твоего сына на свободу. Ну так попробуй. Самое время.

— А что ты сделаешь, если я соглашусь?

Лето метался между возбуждением от того, что держит ее дрожащее от ярости тело, и отвращением к тому, что заставляет ее находиться в такой позиции. Он знал только, что даже сейчас, оказавшись в отчаянном положении, в тисках обстоятельств, тяжелее которых для женщины невозможно представить, она все равно боролась. Она была бойцом. Плевать на ее клан. Плевать на то, что она вышла замуж за человека. Для Нинн из Тигони что-то меньшее, чем полное уничтожение врагов, было оскорблением своей силы и своего рода.

— Я буду разочарован, — прошептал он. — А Килгор будет очень, очень счастлив. — Она подавилась, когда он сжал руку на ее челюсти. — Так что открывай рот. Покажи нам обоим, что ты за женщина на самом деле.

Она вывернула ногу и ударила. Не из самой удачной позиции, но этого хватило, чтобы зацепить Килгора за лодыжку. Один быстрый рывок, и коротышка упал на спину. Она ударила локтем, целясь Лето в ухо. И он позволил ей эту маленькую победу.

Быстрее любого человека, но медленнее, чем мог бы член клана Гарнис без своего ошейника, он вздернул ее на ноги. Она ахнула.

— А теперь, — сказал он, прерывисто дыша ей в щеку, — сделка.

Килгор извивался на полу. Она наблюдала за ним, как смотрят на ядовитое насекомое. Опасное, но уязвимое. И слабо кивнула.

— Ты выйдешь отсюда со мной. Очень спокойно. Никаких больше драк. Иначе охранникам станет интересно, какого черта произошло. Подкуп и шантаж работают только до поры, — он улыбнулся. — Взамен я позволю тебе еще один удар.

Килгор, все еще оглушенный и что-то бормочущий, издал умоляющий звук. Схватился за опавший член и удвоил усилия.

— Лето. Нет. Подумай о том, что я для тебя делаю! Твои матчи! Ты без меня не узнаешь, кого против тебя выставят!

— Что сделает бой еще интересней. — Он спрятал холодную улыбку у виска Нинн. — Так мы договорились?

— А мне слова не положено? — проблеял Килгор.

Нинн расслабилась и кивнула Лето.

— Договорились. Если ты подержишь его на кровати.

Лето медленно выдохнул. Доверился. И отпустил ее. Нинн не попыталась сбежать, не попыталась его ударить. Доверие, которое возникло между ними в этот момент, было для него бесценно.

Перебросить Килгора в указанное место было несложно. Лето с удовольствием швырнул его на кровать.

Вместо того чтобы ударить Килгора, размозжить ему голову или сделать хоть что-то из знакомых Лето проявлений жестокости, Нинн спокойно подошла к металлическому комоду. Достала оттуда другой шприц. Ее лицо выражало предельную ярость. Но серебристо-голубые глаза выдавали. Лето поразился тому, насколько четко читается в них уязвимость.

— Пора спать, Килгор, — мягко сказала она. Игла легко соскользнула в вену на тыльной стороне его ладони. — А когда проснешься, начинай гадать, как гадала я весь прошедший год. Что делали со мной, когда я была без сознания? Могу поспорить, первым делом ты схватишься за свой член.

Килгор дернулся, выругался... и соскользнул в глубокий обморок.

Лето приподнял бровь. Такого решения он не ожидал.

Она встретилась с ним глазами.

— Ты позволил мне высвободить ногу.

— Да.

— А потом ты позволил мне напасть на тебя — когда я попала тебе в висок.

— Да.

— Это не отменяет того, что ты хренов больной ублюдок.

Она стерла с губы его кровь. Несмотря ни на что, сейчас ее осанка стала прямой и горделивой. Такой Лето ее еще не видел.

Черт ее подери, она хоть что-то поняла?

Нинн была запальчивой и загадывала куда дальше, чем он. Ее воображение было развито сильнее, чем он мог позволить себе развивать свое — за исключением боя, когда он планировал действия противников на три шага вперед. Он ее не понимал. Но она, похоже, не видела разницы в задачах, которые разворачивались перед ней надежной и определенной дорожкой. Почему так? Ее широко расставленные глаза бросали ему вызов — провоцировали вновь попытаться сделать ее жертвой, заставить смириться с предписанной судьбой.

Смириться.

Это слово никак не вязалось с ней — его смертоносной неофиткой.

Так почему же оно с такой легкостью возникло в его сознании и такой тяжестью опустилось на совесть?

Глава 13

Лето должен был убраться подальше от этой женщины. Но вместо этого он потащил ее по коридорам, как непослушную собаку, которую следовало пристрелить. Ухватив за цепи кандалов, он подвел ее к охранникам на посту возле ее камеры. Оба удивленно вскинули брови. Нинн выглядела так, словно только что продержалась два раунда в Клетке. Впрочем, пережитое вполне могло зачесть как бой. Ссадина на ее лбу расцвела синяком на шишке.

Она остановилась у решетки и повернулась. Синий огонь в ее глазах был тихой имитацией дара, которым она не могла воспользоваться.

— Я ненавижу большую часть своей жизни и огромное количество людей, но здесь и сейчас тебя я ненавижу больше всего остального. Спасибо, что облегчил задачу.

— Я от тебя устал.

— Тебе стоило воспользоваться полученным шансом, — выдавила она. — А закрывать глаза на проблему очень легко. Позволь продемонстрировать.

Она повернулась к нему спиной и протянула руки охранникам. Один из них полез за нужным ключом.

Здесь, так близко к комнате, где он спал, где другие воины ужинали и, насколько позволяла обстановка, пытались жить полной жизнью, — Лето почти мог представить ее частью своего мира. Но она никогда ею не станет. Она снова будет пытаться сбежать. Продолжит оскорблять его и щетиниться. Ненависть, неважно, насколько оправданная, не позволяла ей увидеть ценность игры по правилам.

Старик хотел, чтобы они выступали партнерами, а Лето никогда не сражался в паре. Что за фарс. Победа давалась ему нелегко и без попыток удерживать Нинн на цепи и в наморднике, зная, что при первой же возможности она ударит его в спину.

— Ну-ну, — раздался голос, обладателя которого Лето не мог определить.

Поначалу.

Нинн обернулась. Ее глаза расширились от ужаса. Она попыталась сбежать. Только молниеносная реакция позволила Лето удержать ее от рывка в коридор. Ему потребовались все силы, чтобы сдержать ее, потому что Нинн внезапно приобрела силу и ярость львицы. Жестокой. Безумной. Идеально выверенный удар по задней стороне бедра дал ей мгновение, чтобы вырваться.

Вот только ее лицо исказилось не от ярости боя, от страха.

— Нет, — она задыхалась. — Нет!

Ее движения были слишком быстрыми для ее собственного тела. Она увернулась от Лето. Поскользнулась. Упала на задницу и поползла прочь, отталкиваясь ногами. Кандалы зазвенели, когда она судорожно прижала руки к своему животу.

— Рад новой встрече, миссис МакЛарен.

Доктор Хит Астер.

Взгляд Лето метался между ними. Он не мог одновременно удерживать в поле зрения Нинн и доктора, но скорость почти позволяла это. Один спокойно улыбался. На лице второй удивление и страх сменялись гримасой такой ярости, какой ему еще не доводилось видеть.

Нинн вскочила на ноги. Выдернула тренировочный нож из-за пояса Лето, развернулась, выхватила у охранника связку ключей. Он никогда еще не видел, чтобы она двигалась с такой скоростью, точностью и грацией, несмотря на ярость берсерка, исказившую ее нежные черты. Сохраняя широкую стойку, она закружила, держась как

можно дальше от стен. Все ее внимание было сосредоточено на докторе. В одном кулаке нож. В другом между костяшками пальцев зажаты ключи.

— Где мой сын, мать твою?

— Там, где мне стоило оставить тебя, дорогая, — ответил доктор. — Несмотря на настойчивость моего отца. Лето, усмири ее.

Лето мог бы промедлить. Мог бы. Подождать ровно миг между вдохом и выдохом. Однако, бросившись на доктора, Нинн заставила его двигаться.

Лето остановил ее на середине движения, ухватив за талию. Импровизированное оружие одно за другим полетело на пол. Поймав цепь ее кандалов, второй рукой Лето взял ее шею в захват. Она завопила, словно взбесившаяся Пендрей, а не женщина из элиты Тигони, выросшая среди обычных людей.

Пот выступил над бровями Лето: он второй раз за вечер удерживал Нинн. Оба раза она сопротивлялась. Но на этот раз не он владел ситуацией. Неофитка принадлежала ему только пока он сам принимал решения. Теперь же приказы отдавал другой человек.

От осознания этого у него зудела спина.

— И заткни ее.

Всего три слова, а Лето превратился из чемпиона в раба.

Он перехватил Нинн, чтобы удерживать ее без движения и не давать кричать. Острые зубы впились в его ладонь — ее губы, ее язык, ее яростный рык. Когда Нинн попыталась пинаться, он одним бедром прижал обе ее ноги. Но она не утихла. Он видел это в ней с того самого мига, когда она проткнула его щеку осколком бетона. Она не прекратит своих попыток. Но это не гарантия ее победы. Только не в случае с ним или против Астеров.

И почему от этого понимания у него так сводит живот?

Доктор подошел ближе, задрав подбородок, изучая.

Доктору Астеру было немного за пятьдесят, и выглядел он как прилизанная фотография. Безупречный костюм. Каштановые волосы, аккуратно зачесанные назад, чтобы открыть лицо, невероятно напоминавшее черты его отца. Ястребиное. Хищное. С намеком на насмешливую улыбку. Вот только доктору этот намек удавался хуже. Он был более сдержан. Ничто в нем не выдавало садиста. Ничто не говорило о безумии, о гениальности. Он позволял прочесть там лишь профессионализм и компетентность.

Однако, увидев его глаза, Лето запнулся. Тускло-серые. Очень медленные. Неторопливо оценивающие все в поле зрения, особенно лицо Нинн. Собирает детали? Согласно представлениям Лето, при анализе ситуации скорость имеет решающее значение, и он умел впитывать информацию, как пьют из стакана воду. Но подобные медленные движения противоречили всему, что он в себе тренировал. Ему было чертовски неуютно наблюдать за внимательными и неторопливыми движениями доктора.

Он лишь пару раз встречал этого человека. У них не было ничего общего, кроме связи со Стариком, поэтому они практически не разговаривали. На самом деле, за двадцать лет в качестве воина Клетки Лето не помнил ни одного разговора с доктором. И теперь его кожа зудела так, словно под нее наползли тараканы.

— Я не подумал остричь вам волосы, — сказал доктор. — Вам не хватает их, миссис МакЛарен? Ваш муж, полагаю, любил наслаждаться их красотой.

Астер испытывал судьбу, поддразнивая ее. Лето удалось сдержать ее новый рывок, но это было похоже на сдерживание молнии. Поначалу он даже не понял, что за влага течет по его руке, только потом опознав слезы. Два ручейка соленой воды текли по ее щекам и собирались в месте, где его пальцы сжимали ее щеки.

Ленивый серый взгляд продолжал изучать Нинн.

— Заметно изменилась. — Астер вытер ее слезы, слизнул их с пальца. — Но все так же сломлена. Мне приятно, что даже наш чемпион не может этого исправить. Хоть ты и пытался, не так ли, Лето?

— Да, сэр. Она хороший боец.

Доктор Астер смотрел прямо в глаза Нинн. Лето почти физически ощущал, что ее ненависть способна вызвать землетрясение под их ногами. Не будь на ней ошейника, образное выражение вполне могло воплотиться в жизнь.

— О да. Но, к сожалению, ее сын...

Она завопила. Рука Лето словно попала в огонь. От силы, с которой ему приходилось ее удерживать, у них обоих останутся синяки. И все это время его злость нарастала с каждой минутой. Нинн была его неофиткой. Эта ментальная и эмоциональная пытка отбросит ее тренировки назад на несколько недель. А то и дальше. Он только недавно определил, что на ее пути к успеху стоит только ее злость. Теперь персонификация этой злости играла в театр теней с кошмарными мыслями о ее сыне.

— Возможно, не самая лучшая тема, — сказал доктор. — Я отложу разговоры о юном Джеке до следующего раза.

И снова соленая влага на руке Лето. Это оказалось неожиданной пыткой.

Было ли это правильно? Благой Дракон, он не мог сказать.

Доктор Астер улыбался.

— Я полагаю, ты помнишь мою компаньонку.

Он повернулся и поманил к себе молодую женщину. Та подошла, с ленивой скользящей грацией крупной кошки. Но стоило ей оказаться рядом с Астером, доктор щелкнул пальцами, и женщина опустилась на колени у его ног.

Ее подчеркнутая элегантность была неестественной, возможно, потому, что даже на коленях она сохраняла то же достоинство. Незнакомка обняла доктора за бедро и застыла, словно была частью его тела, а не отдельным созданием.

Лето вздрогнул.

Пэт.

Его встречи с доктором Астером были мимолетными, но Пэт была чем-то совершенно новым. Раньше он видел ее только издали. Она постоянно сопровождала Астера. Никто не знал, кем она была и как в итоге превратилась в подобие ручного животного, а не женщины.

Прекрасной женщины.

— Пэт, встань. — Голос доктора Астера был таким же ленивым, как и взгляд.

Она поднялась. Как разворачивающаяся лоза. Лето мельком подумал о раскрывающихся лепестках цветка — мама рассказывала ему об этом. Цветок превращался из свернутого закрытого бутона в нечто прекрасное, готовое впитывать солнечный свет. Сейчас она была готова впитывать пожелания своего хозяина. Она посмотрела на Лето, затем на Нинн, однако все в ней буквально кричало о том, что все ее внимание принадлежит только доктору.

Красивая, да. Но жуткая.

Лето никогда не видел настолько бледных Королей Дракона. Даже не думал, что подобное возможно. Она была белой. Белой, как мраморная скульптура в свете прожекторов. Ее волосы поражали контрастом. Чистейшая, непроглядная тьма. Глаза сияли зеленым и золотым. На ней была одежда из чего-то, похожего на латекс, такого же черного, как ее волосы, и сияющего, как ее нереальная кожа. Эльфийские черты лица. Узкие плечи. Очень маленький рот.

Более чем странно.

О ней ходили разные слухи.

Последствия лоботомии. Неудачный эксперимент в лаборатории доктора. Никто не знал, был ли у нее клан, обладает ли она даром и является ли настоящим Королем Дракона.

Из всей мешанины слухов Лето не мог поверить только в возможность лоботомии. Ее взгляд, в отличие от взгляда ее хозяина, был мерцающим, любопытным, настороженным. И жутковатая аура расходилась от нее ледяными волнами. Она смотрела на Нинн. Буквально глазела. И даже слегка нахмурилась — намек на складку возник между ее угольно черными бровями.

— Она тебя ненавидит, — сказала Пэт своему хозяину.

Без выражения.

Лето почти что ждал, что доктор ее ударит за неуважительный и прямой комментарий. Но он лишь погладил ее по шее.

— Конечно ненавидит. А вечер еще и не начался. Лето, веди ее за нами.

Сделав глубокий вдох, он схватился за цепь между ее наручниками и потянул. Нинн завопила, как жрица из клана Пендрей. Многолетняя привычка требовала продемонстрировать свое превосходство, особенно перед доктором Астером. Лето был чемпионом их семьи. Он делал все, что приказано — но без жестокости, которую проявил бы с кем-то другим. Она спотыкалась и пыталась сопротивляться его хватке. Он притянул ее к себе, обхватил руками, прижал к себе.

Обнял.

Проклятия, порожденные болью и яростью, оказались настолько изощренными, что Лето поразился — а ведь ему доводилось на арене слышать худшее, что приберегали для него мужчины, прежде чем сделать последний вздох.

— Побереги силы, — прошептал он ей в висок. Он не мог ее спасти, но мог сделать то, с чем всегда справлялся: научить ее выживать. — Нинн, услышь меня. Силы тебе понадобятся.

Больно было осознавать, что на большее он не способен. Он мог предложить ей только слова. Дракон подери, он мог только тащить свою неофитку на тренировочную арену. Два охранника приноровились к шагам доктора. Тот, что повыше, вытащил из-за пояса электрошокер.

— Отпусти ее, — обратился он к Лето.

Лето медленно, в ярости от того, что больше ни на что не способен, бросил цепь и позволил Нинн покачнуться от внезапной свободы. Охранник тут же сбил ее с ног и ударил ногой в живот. Она согнулась пополам. Последовал удар носком сапога между лопаток, и охранник ткнул шокером под ее ребра. Клан Тигони мог управлять электрическими импульсами и даже генерировать ток, собирая энергию из воздуха и усиливая ее.

Но это не означало иммунитета к эффекту, который оно могло оказать.

Нинн завопила, конвульсивно задергалась и обмякла. Охранники потащили ее по полу, работая сообща, и в итоге на тренировочной арене их оказалось шестеро. Лето

вошел последним. Все, что он знал о жизни в комплексе — в его доме, — за последние пару часов изменилось.

Там, на дальней стороне арены, ждал столб для порки. А рядом с ним Хелликс и Фам.

— Доктор Астер, для чего это все? Она моя неофитка. Через два дня у нее дебют, ей нужно сосредоточиться.

Доктор обернулся через плечо, однако продолжил размеренно шагать к позорному столбу.

— Она ведь совершила сегодня попытку побега, не так ли?

— Да. — Лето решил быть предельно честным. Неизвестно, как доктор Астер получал информацию. Ложь могла только навредить им обоим. — Я занимаюсь ее наказаниями. Это мое право, поскольку я ее тренер.

— О, я видел твое наказание, — усмехнулся доктор. — Весьма занимательное зрелище. Ты до сих пор не успокоился. Я знаю. Ты был так близок к тому, чтобы получить желаемое. Но все же так верен и так хорош в попытках научить ее правильно поступать.

Он посмотрел на Нинн, обмякшую у ног охранников. В ее глазах не осталось ни намека на женщину, которую Лето тренировал.

— Она очень, очень упряма, когда дело касается новых уроков. Теперь моя очередь.

Доктор Астер подошел к столбу. Пэт свернулась у его ног настороженной кошкой, одной рукой обнимая его лодыжку, другой касаясь столба для порки. В отличие от доктора, она не улыбалась и не ухмылялась, лишь наблюдала за происходящим. Лето не мог уловить в ее глазах ни осуждения, ни удовольствия. Кем бы — *чем бы* — она ни была, в ней не было садизма, который излучал доктор.

Она смерила взглядом длину столба и выдохнула. Лето едва расслышал ее «Неизбежно».

Кристально ясные воспоминания хлестнули его по спине. На его коже было множество шрамов — полученных в бою, почетных. Но были и те, что говорили о позоре. Отметки хлыста. Рубцы, оставшиеся от ударов и кандалов, которые он натягивал изо всех сил. Иногда тренер Лето наказывал его за юношеское неуважение. Иногда по приказу Старика его хлестал отец. Это осталось в прошлом, в другой жизни, сейчас же он был беспомощен, как в свои пятнадцать, когда впервые понял, чего будет стоить его превращение в уважаемого и послушного воина.

Охранники потащили Нинн вперед. Хелликс потянулся вверх и надел на крюк звено кандалов. Ноги Нинн едва доставали до пола, руки были болезненно вывернуты и вздернуты. Ее ошейник врезался в горло. Со лба стекал пот. Доктор схватил ее за пряди волос на затылке. Заставил поднять голову, чтобы их глаза оказались на одном уровне. Лето привык ожидать от них огня или ярости.

Но она была пуста.

Доктор Астер оттолкнул Пэт от ноги и повернулся к наборам плетей и цепей, развешанных за столбом на стене. Возможно, именно расположение теней подсказало Старику это место для размещения столба — наполовину скрытого, но все же достаточно видимого, чтобы отзываться дрожью в спине каждого воина, однажды прикованного к этому беспощадному дереву.

Центр тренировочной арены освещали прожектора Клетки, здесь же они едва освещали мрачные полосы темного и белого в улыбке доктора, полной веселого предвкушения. Будь у Лето причины сомневаться в рассказах о лаборатории. .. сейчас бы они исчезли.

Доктор выбрал толстый кнут. Три дюйма в диаметре у основания. Четыре фута длины. От основания к кончику кнут сужался, но толщины хватало для того, чтобы не только жалить, но и бить. Астер проверил рукоять, но взглядом искал, кому приказать это сделать. Почему бы и нет? Старик никогда не наказывал лично. Ему нравилось наблюдать.

Лето промок от пота. И он не мог не сделать очередной, последней попытки.

— Сэр, я не могу ее высечь. Она будет моим партнером по бою. Это... Она никогда не простит мне настолько жестокого наказания. Биться с ней в паре будет уже невозможно.

На миг медлительные и расчетливые серые глаза доктора Астера показались почти что добрыми. Он смог почти проявить симпатию.

— Это весьма логично, Лето. И очень точно. Проводить порку этой женщины будешь не ты.

И он протянул кнут Хелликсу.

Лето прыгнул. Ничего не рассчитывая. Не думая о том, как его действия могут отразиться на будущем его семьи. Он просто не мог позволить Хелликсу избить Нинн.

Он никогда не поступал так необдуманно. И никогда его попытки не приносили такого жалкого результата. Один из охранников выхватил напалмовый пистолет. Второй вскинул перезаряженный шокер.

Чтобы справиться с Лето, им потребовалось десять минут и оба оружия.

Глава 14

Одри очнулась от собственного крика.

Она кричала уже несколько часов, даже во сне.

Булыжники боли то и дело били ее по голове. Спину, зад, бедра сжигало пламя, как будто рожденное самим Драконом. Между лопатками, чуть ниже ребер, у основания черепа, там, где, очевидно, были ожоги от электрошокера, зудело и дергалось.

Она застонала. Голова была слишком тяжелой, чтобы ее поднять. Перестав бороться с силой земного притяжения, она врезалась лбом в неровное дерево. Наверное, все еще столб — тот самый столб для порки, где болью был пронизан каждый вдох, каждый вопль выдоха. Над тренировочной ареной был потушен свет или ей отказали глаза? Одри не могла разобраться в своих изувеченных чувствах.

Пошевелиться снова, хоть когда-нибудь... казалось невозможным. Слишком сильна была боль. Которая никогда не прекратится.

Шум — шорох кожаных подошв — отдался паническим пульсом в оборванных нервах. Снова застонав, она начала бороться, бороться, чтобы начать двигаться. Запястья все еще были скованы. Цепь наверняка наброшена на крюк на верхушке столба. На остатках сил, которые неизвестно откуда брались, она уперлась коленями в столб. Напрягла вопящие мышцы пресса. Попыталась найти положение, в котором она бы не просто висела на цепи. Если ей удастся забраться повыше, возможно, получится сбросить цепь с крюка.

Ей нужно было оружие. Кандалы могли бы им стать.

Лето был прав. Выйдя тогда с Килгором и попытавшись сыграть в его игры, она сама согласилась быть использованной. Возможно, месяцы, проведенные в лаборатории, открыли для нее эту возможность. Умоляя о жизни сына, она забыла о гордости. Она готова была на немыслимые унижения ради любого мелкого выигрыша. Какая разница, поддаться ли очередному извращенному ублюдку?

Этого больше не было. Она перестала быть перепуганной Одри МакЛарен. И даже почти что пристойной неофиткой. Доктор Астер передал кнут Хелликсу, и этот садист

снова изменил ее жизнь. Недели тренировок с Лето, его странной, неоправданной веры в нее, сплелись вокруг ее ненависти и боли. Создавая новую личность.

Она стала Нинн из клана Тигони. Телом и душой. И она задушит любого ублюдка, который попытается снова к ней прикоснуться.

Надеясь различить хоть что-то, кроме неясных теней, Нинн яростно заморгала. Она не могла поверить в то, что лампы просто пригасили. Но была готова драться и наполовину ослепшей, если придется.

Вверх. Снова вверх — два рывка изо всех сил, которые в ней остались. Еще один дюйм. Дрожь. Все ее тело болело, но она старалась не думать об этом. Кожа под коленями была сорвана до крови, ноги и руки — в занозах, ладони и пальцы — изрезаны о края столба.

Она дотянулась до крюка, до шанса причинить кому-то боль. Не только себе.

Кандалы и ошейник остались, но от столба удалось освободиться. Она упала на пол. Ноги не держали, но ей удалось подняться в низкую защитную стойку. Обеими изорванными руками вцепившись в цепь.

— Нинн.

Волнение от низкого, приглушенного голоса Лето поразило ее куда меньше, чем облегчение, которое она испытала.

— Где ты? — ахнула она.

Свет замерцал в дальней стороне арены. Между ними была Клетка. Постепенно ее глаза привыкли к слабому освещению. Что ж, по крайней мере, она не ослепла, ее не изуродовали до конца. Слабое утешение, но других у нее просто не было. Остатки слабости были раздавлены в ней.

Лето неторопливо шагал к ней. С той же размеренностью и уверенностью, что кричали о его отношении к миру, непомерном эго и количестве побед. Но что-то изменилось. Она оставалась все в той же стойке и наблюдала. Он берег левую ногу — не хромал, но перемена была заметна. И в плечах тоже. Они были напряжены и приподняты к ошейнику, он слегка горбился, словно защищаясь.

Она ждала. Действительно пораженная. Она помнила...

Он прыгнул тогда на Хелликса или, возможно, целился в самого доктора. Она не знала его цели и, несмотря на всю его храбрость и стратегии битвы, сомневалась, что он сам ее осознавал. В нем кипела чистая ярость. Воспоминания о его драке возникли перед глазами во всех гротескных деталях. В Клетке он был непобедим. Эта уверенность позволяла ему напасть на любого противника, заранее зная итог.

Он действовал быстро, жестоко, чисто инстинктивно. Ради нее. И это его подвело. Ярость дала ему силы стряхнуть охранников, но он превратился в животное. Он не помнил ни о стратегии боя, ни о естественных преимуществах Короля Дракона перед людьми — вооруженными людьми.

А что было потом, когда ее сознание упорхнуло, как ворон, которого спугнули? Он продолжал драться? И этим объяснялась его походка и напряженные плечи?

Она не знала, как к этому относиться. Все было слишком ново и неожиданно.

Он унижал ее перед Килгором. Он притащил ее на арену. Он отдал ее мучителям, смотрел, как ее, упавшую, избивают. Но он же советовал ей поберечь силы, и он попытался ее освободить.

Который из этих двух разных воинов сейчас подходил к ней?

Нинн перехватила цепь. Слабины хватало.

Но очередной резкий вдох закончился головокружением и темнотой.

Она рухнула лицом на бетонный пол. Подбородок разбился в кровь. Яростный вопль рванулся из легких. Похоже, она так и останется здесь лежать. Опустошенная. Побежденная. Злая, как черт, но неспособная уже ни на что.

Вот только Лето опустился на корточки рядом с ней. Дотронулся до ее плеча. Она вздрогнула и попыталась отползти.

— Так ты ничего не добьешься, — тихо сказал он.

— Я хочу тебя ударить.

На его заострившемся лице промелькнули непонятные ей эмоции. Разочарование? Она не хотела его разочаровывать. Только не после того, что он сделал. Он пожертвовал своей репутацией, он испытал боль, он продолжил драться.

И снова два этих слова: ради нее.

— Мне знакомо это ощущение, — сказал он, мрачно прикусывая нижнюю губу. От этого его шрам стал еще отчетливее. — Но твои навыки заслуживают оружия лучшего, чем эти простые цепи.

От ее попыток пошевелиться было больше шума, чем толка. Разум. Кости. И мускулы. Все ее тело было оркестром без дирижера. Диссонанс боли взвивался в ответ на каждое усилие. Так что сесть удалось только когда он захотел ее усадить — все подчинялось его воле.

Так она оказалась прижата к его груди. Лето сидел, скрестив ноги, и прижимал ее к себе. Она вздрогнула, зашипела, но даже ей было ясно, когда прекратился ее протест: когда он поцеловал ее в макушку и спрятал ее под своим подбородком.

Сильные руки обнимали ее. Сильные ноги поддерживали ее тело. Всем ее дрожащим и дергающимся мышцам уже не нужно было бороться. Она обмякла.

И заплакала.

Она была слишком измучена, чтобы заплакать так сильно, как требовала ее боль. Однако нежность Лето... когда она уже решила, что в ней не осталось ни капли мягкости...

— Я здесь, храбрая девочка.

Она возмущенно втянула в себя воздух.

— Ты здесь? Сейчас? — Толчок. Поворот. Она пыталась сбежать от опасности, которую он представлял. Четыре слова — а ей уже захотелось растаять в его руках навсегда. — А где ты был, когда доктор Астер собирался меня избивать? Ты притащил меня сюда и отдал им. Хелликс пытался сломать мне спину и снимал по полоске плоти за удар. Ты дрался, да, но было уже слишком поздно.

Удерживать ее на месте было сейчас не труднее, чем злого котенка. Лето обнимал ее, прижимал к себе и не отпускал. Несмотря на протесты. На оскорбления. Он не собирался освобождать ее из обьятий.

Света было мало, но Нинн смогла рассмотреть его правое запястье. Идеальную золотую кожу рассекали алые рубцы — «браслеты» работы не ювелира, а садиста. Ей хватило сил нащупать его левое запястье, там, где его большая ладонь накрывала ее предплечье. Еще один жуткий рубец.

С изумлением, борясь с тошнотой, она погладила пальцами красный рубец. Каждое движение получалось спазматическим, как у наркомана на третий день ломки. Это было неважно. Чувствительная кожа на вспухших рубцах доказывала, что она не видела окончания его пыток.

Было бы безопаснее записать его в негодяи, но думать о Лето как о злодее она не могла.

— Сейчас я здесь, — низким и хриплым голосом отозвался он. — Раньше они меня не пускали.

— Что еще они с тобой сделали?

— Нинн, этого уже не изменишь.

Она закашлялась чем-то безумным и жутким — заменой смеха.

— Мы снова будем спорить? Просто скажи мне. Хотя бы на разговор я не буду тратить силы. Они нужны мне, хотя бы для того, чтобы не впасть в кому.

— Они... связали меня.

Отстранившись, чтобы рассмотреть его профиль, она ждала продолжения. Дракон подери, с тем же успехом можно было допрашивать Клетку. Но у нее не осталось сил даже злиться. Лето продолжал гладить ее волосы. Мягко, почти инстинктивно, избегая самых болезненных мест. В этом странном и жутком месте Лето из клана Гарнис становился для нее не просто союзником, кем-то большим.

И она этого хотела. Хотела быть в ком-то уверена. Хотела, чтобы он верил в нее.

Несмотря на дрожь и протесты тела, она цеплялась за Лето и подползала ближе, пока не прижалась губами к его скуле. Покалывание щетины было бледной тенью ощущения. Он всегда был тщательно выбрит во время их встреч. Сколько же времени они провели в сознании под этими пытками?

— Пожалуйста, — прошептала она ему в щеку. — Я больше не хочу быть одна.

Его тело было невероятно большим и сильным, но от ее приглушенных слов он содрогнулся. Лето опустил голову, потерся щекой о ее щеку. Она чувствовала, как пульсирует мускул под его ухом, как ходят желваки, жесткие, как зубы, как металл, как удары Хелликса по ее спине.

— Я не один, — ответил он.

Она нахмурилась, сжала пальцы на его предплечье.

— Я и не говорила, что ты один. Но это само по себе доказательство. Ты тоже это чувствуешь. Свою изоляцию здесь.

Я видела, как другие тебя избегают. Как отходят в сторону, когда ты идешь по коридору. Уважение. Но не дружба.

— Я получаю все, что хочу.

— Но тебя приковали цепями. Что ты хотел и не мог получить? — Мышцы его предплечья напряглись под ее пальцами — Лето сжимал кулак и разжимал его, словно пытаясь вернуть им чувствительность. Нинн погладила его по предплечью. На этот раз они оба вздрогнули и сцепились друг с другом, столкновение откликнулось в ее груди как низкие ноты виолончели. Страх и надежда — надежда, проклятая слабость.

— Лето, меня разорвали на куски. Мою жизнь, мои мысли, а теперь снова мое тело. Ты хотел, чтобы я стала твоей напарницей в Клетках. Это значит, что ты мне доверяешь. И мне нужно довериться тебе. Пожалуйста.

Он шумно сглотнул.

— Я не хотел, чтобы они причинили тебе боль.

Она могла бы успокоиться и на этом, вложи он в свои слова хоть немного эмоций. Но собиралась узнать правду, пусть даже придется вытаскивать из него признание в буквальном смысле руками.

— Ты сам делал мне больно. Ты меня наказывал. В чем разница?

— В том, что ты — моя.

Она отстранилась, чтобы посмотреть ему в глаза. Но он уже отвел взгляд. Вновь опустевший.

— Моя неофитка, — тихо добавил он. — И только я могу тренировать тебя, как посчитаю нужным.

— И ты решил, что порка хуже того, чем ты угрожал мне с Килгором?

— Ты сама все сказала. Я выдал тебя. Ты приняла наказание. — Он перестал гладить ее по волосам, подхватил под бедра и притянул к себе. Она не сопротивлялась. — Я стремился сделать тебя сильнее. Ты могла бы любого пришли-

лить взглядом, одной только яростью твоих глаз. Даже в те, первые дни, я ни минуты не сомневался, что у нас все получится.

Возможно, из-за боли или слабости — она сама не поняла причины, — на глаза Нинн навернулись слезы.

— А теперь?

— А теперь они все уничтожили. Вновь превратили тебя в жертву.

Ей удалось вымучить очередной смешок. Звук был безумный.

— Я взобралась по столбу, чтобы освободить руки. Появись вместо тебя кто-то другой, я бы защищалась до самой смерти. — Она села прямее, насколько позволяли дрожащие руки и ноги. Заставила Лето взглянуть ей в глаза, охватив ладонями его скулы. — Я бы не справилась без твоего обучения. Каким бы уродским оно у тебя ни было.

— Необходимым.

— Ладно. Необходимым. — Она вновь коснулась его поврежденного запястья. — Скажи, что произошло. На самом деле.

— Я не хотел, чтобы Хелликс... или доктор... причинили тебе вред. — Он обернулся, чтобы поцеловать ее в лоб. — Килгор смотрел на тебя, как мужчина. Похотливо. С жаждой тебя получить. Это было мерзко, но предсказуемо. А доктор был как всегда — спокоен и сосредоточен.

— Изучал... Сколько мы способны выдержать. Все это ради потомков.

— Именно. Да. — Еще один поцелуй. И на этот раз он не отстранился, чтобы продолжить разговор. Зашептал ей в кожу, словно проталкивая глухие слова прямо в сознание. — Я отбивался. Шокеры, пули с напалмом — полный арсенал.

— Я видела, — выдохнула она. — Пару секунд, но видела. А потом?

— Меня приковали вот там, в углу.

Нинн посмотрела туда, куда Лето указывал подбородком.

— Я никогда их не замечала. Замки на стене?

— Чтобы я был вынужден смотреть.

Она подняла его израненное запястье к губам и поцеловала изорванную кожу на внутренней стороне руки. Затем второе.

— Это моя вина. Моя ошибка в том, что я решила подыграть Килгору.

— Возможно, вначале, — ответил он, меняя их положение. — Но никто не может заранее знать, что сделает человек вроде Астера? Ни правил. Ни чести.

— Теперь ты понял, почему я так его ненавижу.

Лето кивнул и медленно, очень медленно, поднялся на ноги, помогая ей встать. Она покачнулась. Вцепилась в него. Расслабила шею, прижалась лбом к нагрудной пластине его доспеха, остужая пронизанную болью и туманом голову. Его мышцы были твердыми, как доспех, но теплыми и пульсировали жизнью. Она вздрогнула и перестала сдерживать дрожь, когда он осторожно взял ее за плечи.

— Я бы понес тебя, — сказал Лето. — Но, боюсь, это навредит тебе больше, чем если ты пойдешь своими ногами.

— Куда?

— В Клетку. Выключим на время наши ошейники. Это ускорит процессы регенерации.

Она бездумно проследовала за ним к решетке входа. Лето щелкнул переключателем на внешней панели управления. Подняться... Войти. Вдохнуть.

Она ахнула, но не от удивления или боли. От ощущения полной свободы, несмотря на замки и решетки. Она споткнулась, вцепилась пальцами в металлические ячейки сетки. Лето тоже вошел. И она отлично видела миг, когда ошейник прекратил его сдерживать. Волна удовольствия прокатилась по его лицу — слишком сильного, чтобы это скрыть. Закрыв глаза и запрокинув голову к потолку, Лето выглядел как мужчина в миг оргазма. Чистое наслаждение.

Он встал за ее спиной, накрыл ладонями руки и переплел пальцы. Поддался потоку ощущений от снова обретенной свободы.

Подумать только, она ведь верила, что никогда не обладала даром Дракона. Сейчас она ощущала силу, струящуюся сквозь тело, мощный надежный поток, такой же реальный, как бешеный стук ее сердца.

Лето был осторожен. Он не касался ее тела, только их руки сплетались на напряженном металле, который вернул им то, что делало их особенными. Но его голос и сам был силой, заклятием и прикосновением.

— Я понимаю причины твоей ненависти, — сказал он так, словно их разговор об Астере не прервался. — И осознаю, в какой опасности Джек.

Всхлип рвался из горла, из легких, которые горели так, словно она пробежала марафон по жутчайшему зимнему морозу.

— Это впервые... — Она закашлялась и, ища опоры, прижалась затылком к его груди. — Ты впервые назвал его по имени.

— Возможно, пришло время. — Он отпустил ее руки, погладил ладонями ее щеки, поднялся пальцами к волосам. Развернул ее к себе, сжал за плечи и не позволил ей отвернуться. — Пришла пора решать, Нинн. Ты готова сделать то, что должна?

— А ты тоже будешь присутствовать? Когда ведьма Индранан...

— Да. Я буду рядом.

Холод, которого она никогда не испытывала, прошелся по коже. Даже близость Лето не спасала ее. Но выбора не было. Ей нужен был контроль над собственной силой, неважно, какой ценой.

— Тогда — да. Я готова с ней встретиться.

Глава 15

Не прошло и нескольких минут, а Лето уже закрывал решетки тренировочной арены, оставив Нинн внутри. Он не мог доверять охранникам, поэтому решил вести себя, как всегда. Как чемпион Астеров. Если ему повезет, его хромоту не заметят. Большая часть напалмовых пуль ушла в никуда, но одна попала в бедро. Такие пули не проходили навылет, они оставались под кожей и горели, горели...

Даже с учетом того, что они какое-то время провели в Клетке, восстанавливаться им обоим придется долго. В таком состоянии они не смогут биться в полную силу. Ни физически. Ни ментально. Несмотря на объятия и неуклюжие поцелуи, они не были и партнерами. Лето впервые позавидовал Тишине и Харку. Они оба были из Сат. Один клан. Одна история на двоих, одинаковые способности. Когда они входили в Клетку вместе, они и двигались и дышали как одно существо. Цельное и смертоносное.

Раньше ничего такого он не испытывал, но сейчас ему захотелось ощутить это хотя бы раз.

Я больше не хочу быть один.

Выбросив эти мысли из головы, он сосредоточился на более срочном деле. Ему казалось, что всюду, куда бы он ни пошел, за ним следят. Астер видел Нинн и Килгора вместе, видел и наказание, которое Лето придумал для них обоих. Кто мог поручиться, что он один, совершенно один, на тренировочной арене?

И почему он раньше не думал об этом?

Потому что с юности не совершал ничего, отчего можно было опасаться подозрений и слежки.

Сегодня он внимательно присматривался к охранникам. После атаки со спины — и по той причине, что он искренне считал, что все человеческое отребье выглядит одинаково, — он не был полностью уверен, те ли это двое, которые напали на него. Он хотел мести. Но сжал кулаки и продолжил шагать к баракам Королей Дракона. Охранники следовали за ним. Он уже и не помнил, когда в последний раз люди осмеливались к нему приближаться.

Попытавшись спасти Нинн от неизбежного наказания, он потерял большую часть своего влияния в комплексе. Только новая победа — которая на данный момент была под сомнением, — могла помочь ему возродить репутацию и доверие.

Зато Нинн впервые приняла его сторону и решила научиться контролировать свои силы.

Он постучал в дверь барака. Ему открыла старая изможденная женщина из Индранан, по имени Улия. То, что когда-то было золотой безупречной кожей Короля Дракона, покрылось морщинами и обвисло. Это удручало. Насколько Лето знал, ей было около двух веков. Согбенная. Седая. С глазами, заплывшими пленкой до слепоты. Она не нуждалась в зрении. Дар телепатии и чужие глаза вполне заменяли ей собственные.

Одна из многих, многих причин, по которым Лето ее избегал.

Когда-то она сражалась в самых первых боях Клетки. Ее способности к телепатии стали легендой для тех, кто служил Астерам, — и наверняка для всех, кто боялся встретиться с ней на Конфликте. Старик предложил ей свободу лишь после того, как берсерк из клана Пендрей изловчился отрубить ей ногу. Она отказалась. После десятков лет под землей внешний мир потерял для нее привлекательность. Здесь, среди воинов, ее жизнь имела смысл.

Внешний мир ужасает.

Эта позорная мысль заставила его стиснуть зубы до хруста. Он ничего не боялся. Его задевали лишь мысли о возможном разочаровании Старика и риске для семьи. Доктор Астер наверняка расскажет отцу о неповиновении Лето. Придется многое сделать, чтобы наставник вновь был доволен. Вот это важно. А внешний мир ничем его не привлекал, поскольку не мог оценить умелого воина. Где еще он мог снискать славу живого бога? Нигде, только в Клетках.

— Юный Гарнис, — сказала она с усмешкой. — Никакого уважения к старшим? Никакого приветствия? Сейчас не время для разговоров.

Был девятый час вечера. Не лучшее время для бодрствования. В сутках Королей Дракона было двадцать шесть часов. Десять для сна. Шестнадцать для действий. Суточный цикл Земли не действовал в подземелье. Лето не помнил, когда он спал в последний раз, что не могло не влиять на его поведение.

Он поражался тому, как Нинн и Короли Дракона могли подстраиваться под мир людей. Возможно, они адаптировались, как Йета, научились жить с постоянной слабостью от недосыпа и отсутствия достаточного отдыха. Вполне вероятно, что это тоже влияло на способность Нинн взаимодействовать с даром. Она никогда не прислушивалась к ритмам собственного тела.

— Моя неофитка. Ты наверняка слышала разговоры о ней.

— Кузина Гивы. Кто же устоит перед искушением собрать слухи? А теперь ее прочат тебе в партнеры.

— Как прикажет Старик.

Ее улыбка стала шире. Противоестественно откровенной для Короля Дракона. Улия обладала живой мимикой, как и Харк, — но тот был просто назойливым шутом и кривлякой. Лето с трудом привык к разнообразию выражений Нинн. Возможно, другие слухи — о том, что безумие Улии не уступало ее таланту, — могли оказаться правдой. Никто вне клана не знал, как работает дар Индранан. Лето было известно лишь то, что в этой маленькой, иссушенной старостью голове Улии обитало сразу три личности, сражавшихся за контроль. Примиряясь друг с другом только когда приходило время пробраться в чужую голову.

Он выпрямил спину, чтобы скрыть дрожь. Пендреев — и тех было легче понять. Простая сила и безмозглая ярость. Сат были скрытными, но очень умелыми Ворами. Тигони — когда прекращали играть в Трикстеров и возвращались к человеческому мышлению, их способности концентрировать электричество могли и не раскрыться. Родной клан Гарнис — тут дело касалось лишь знания собственных слабостей и замены их на силу. Те немногие из клана Потерянных воины Клетки никогда не выходили на бой с Лето. По правде, он не знал, сможет ли убить кого-то из своего клана.

Но Индранан... Эти были невероятно подлыми и обладали настолько разрушительным даром, что тысячелетняя междоусобица расколола клан надвое. Северяне против Южан, и Индийский океан между ними. Представителей других кланов они убивали с той же решимостью, что и своих родных.

Отвратительный народец.

— Ее заблокировали при пробуждении дара, — сказал он. — Сейчас она хочет его вернуть.

— Как прикажет Старик.

— Что ты имеешь в виду?

— Он велел мне оказать любые услуги, которые ты попросишь для своей неофитки. Как ее там зовут?

Первой реакцией на слова Улии было удивление. Неужели Старик делал столь высокую ставку на Нинн и был заранее уверен, что в одиночку Лето не справится с тренировками неофитки? Истина — то, что Лето не мог представить ее тщательно подготовленной, — отозвалась стыдом, как копье, пробившее ребра.

И тут же Лето обратил внимание на некоторую странность — ведьма Индранан не знала имени Нинн. Возможно, она с ним играла. Испытывала его терпение. Или притворялась старой забывчивой каргой. Впрочем, она могла и не знать имени Нинн. Могла не поинтересоваться или даже забыть.

А ведь ей предстояло работать с сознанием Нинн без барьеров.

Лето еще в юности узнал, что мало кто говорит о блокировании дара тех, кто им дорог. Еще меньше было тех, кто вдавался в подробности. Он мог судить лишь по двум случаям: его собственном и Пэлл. С ним все прошло хорошо, взбесившийся дар удалось обуздать. Вторая попытка провалилась, оставив после себя бездушную оболочку молодой женщины.

Церемонии были закрытыми не без причины — процесс заключался в соприкосновении двух разумов. И можно было воспользоваться уязвимостью тех, кто соскальзывал в тонкий мир из физического. И Лето тоже прошел через это. Что лишь добавило боли. Его телепат воспользовался шансом проявить не только ментальное, но и физическое превосходство. Тройные параллельные шрамы на лодыжках сохранились до сих пор. Не только шрамы — ему осталось кристально четкое, не меркнущее воспоминание о том, как он их получил.

Охранники сопроводили Лето с ведьмой обратно к арене, но бдительность их притупилась. Они, как и все люди, подчинялись другим циклам сна. После двенадцати часов дневная охрана сменялась ночной сменой. Разные виды шагали не в ногу.

После того как замки снова щелкнули, Лето и Улия вошли в Клетку. Он представил сгорбленную старуху Нинн, которая все еще выглядела изорванной тряпкой. Кровь запеклась в рубцах на ее спине. Светлые волосы на затылке превратились в розовые иголки. Каждое движение причиняло ей заметную боль, это стало ясно, как только она оттолкнулась от проволоки ограды. Ледяные глаза сразу уставились на протез Улии.

— Гляди, молодежь, не стесняйся, — сказала старуха. — Я потеряла ногу в бою. Это не стыдно. Я все равно победила.

— Это... хорошо.

Осанка Нинн изменилась. Она стала скованной. Настороженной. Но расправила свои грациозные плечи, прикусив от боли пухлую нижнюю губу. Он помнил вкус ее рта и знал эту позу. Она решила упрямиться. По крайней мере, на этот раз упрямство было нацелено не на него. Он привык полагаться на ее выносливость. В отличие от доктора Астера, его цель была не в том, чтобы заставить ее сломаться. Он лишь хотел, чтобы она стала полезной, сильной и работала с ним бок о бок.

Партнерство. Только так она будет принадлежать ему.

Лето мыслил пока исключительно с точки зрения практичности: она нужна ему на арене. Другим эмоциям — темным, жадным, лживым — было не место в сознании воина.

— Наш чемпион говорит, что тебя заблокировали, — Улия поцокала языком. — Это неправильно. Короли Дракона заслуживают полной силы своего дара.

Нинн оставалась настороженной.

— Но разве не Индранан изначально меня блокировал?

Улия поморщилась. Лето до сих пор поражался тому, как легко даются ей выражения эмоций. Старуха была слишком оживленной, чтобы ей можно было доверять.

— Наверное, работал Северянин. Кто знает, во что там верят эти маньяки? Наверное, считают, что мы, Короли Дракона, недостойны своего высокого положения. Но мы в это верим. Без наших сил мы ничем не лучше людей.

Сжатые челюсти Нинн говорили сами за себя. Ее оскорбили слова старухи.

Улия взобралась по лестнице и неуклюже зашагала по вымощенному матами полу тренировочной Клетки. Она натянула на плечи шаль, закутавшись поплотнее и расправив бахрому на своих тощих жилистых бедрах.

— Мы найдем способ возместить причиненный ущерб. Иди ко мне.

Лето поразился тому, как быстро повиновалась Нинн, несмотря на сильную хромоту. Она сжала губы. Стиснутые у бедер кулаки дрожали от напряжения. Глубокая складка рассекла кожу между ее бледных угловатых бровей. Казалось, она вернула чувство собственного предназначения.

Ему не хотелось приписывать это благотворному влиянию порки, которую она пережила. Думать о том, что ему не стоило протестовать, драться. Возможно, доктор был прав, прибегая к таким экстремальным мерам. Астер подтолкнул ее на грань отчаянья. После которой она стала совершенно другой женщиной.

Лето удивился внезапной дрожи. Если ему не стоило протестовать и драться за нее, то почему же вид ее страданий жег его хуже металла кандалов на запястьях и напалма, пылающего под кожей?

Это не имело значения.

Имело значение только то, что Нинн сидела сейчас, скрестив ноги, перед старухой Улией. Его неофитка вела себя разумнее, чем он сам. Пришло время исправить это.

Он вошел в Клетку и прислонился к страховочной сетке. Что ж, по крайней мере, Улия будет исполнять свою задачу осторожнее, чем тот, кто в свое время помогал Лето. Он сказал себе, что волноваться не о чем, главное, чтобы Нинн прошла этот процесс, сохранив как можно больше внутренних ресурсов.

Но затем он встретился с Нинн взглядом.

Она храбрилась изо всех сил, он и не подозревал в ней такого мужества. Между ними пульсировал свет, но Лето видел ее, несмотря на тени. Видел ее. Невозможное становилось возможным. В тот миг для него стерлась разница между двумя понятиями.

Улия тихо захихикала.

— Так далеко сбежал, чемпион. Свет между вами — свидетельство, что ты должен быть с этой женщиной.

Общий свет? О нем ходили лишь слухи. Это была лишь старая, очень старая сказка. Что некоторые Короли Дракона обладали возможностью создавать общие силы — отдельно от личных даров. Миф относился к неизвестной ему жизни вне комплекса. Лето мог либо верить в судьбу, либо доверять собственным чувствам. Сейчас требовалось то и другое. Не лучший его навык.

Он очень медленно втянул в себя воздух и отвернулся. Золотое сияние померкло. Тренировочная арена без этого света вдруг показалась темной.

Старуха жестом велела ему подойти и сесть рядом с ними на пол.

— Давай. Ты тоже часть всего этого.

— Но церемония приватна.

— Она будет твоим партнером, в смысле большем, чем ты способен представить. Доверие зарождается сейчас.

И вновь слово партнер откликнулось в паху сильней дозволенного. Да, Нинн станет его партнером в Клетках. Ему приказали. Но Улия имела в виду куда более глубокое значение. Ее глаза, затянутые пленкой цвета тусклой меди, не выражали злобы. Побочный продукт ее слепоты? Или истинная правда?

Он заставил себя прекратить догадки.

Нинн оставалась неподвижной, сосредоточенной, но явно была неспокойна. На ее шее четко выделялись жилы. Его взгляд приковывал сияющий шелк волос, их мягкость. То, как они обрамляли ее золотые черты. Вернулось воспоминание об их роскошной длине — им же и уничтоженной. Ее волосы были тем единственным, что не обладало практической ценностью и при этом вызывало его восхищение.

Их больше не было.

Он выпрямился. Подошел. Посмотрел на них сверху вниз.

— Что мне делать?

— Садись с ней.

Он редко позволял Королям Дракона диктовать ему условия, но в этот раз быстрота была предельно важна. Над их головами зависла тяжесть предназначения, даже судьбы. И этот груз опускался с каждой секундой все ниже и ниже. Скоро эта ноша коснется его плеч и прогрызет себе путь до самого сердца, став неизбежной реальностью. Лето сам обрек себя на такие перемены. Поддаваться им было проще, чем думать о них. Проще, чем сопротивляться.

— Нет, нет, — Улия замахала руками, нечаянно сбросив шаль. — Вместе. За ней. Держи ее.

Нинн вздрогнула.

— Подождите, что?

— Поверь мне, дитя. Тебе понадобится связь. Он ведь твоя связь с этим миром, не так ли?

Нинн целую секунду смотрела куда-то в пол Клетки. Мышцы над лопатками напряглись. Она кивнула, но голос ее шуршал, как бумага, когда ей дались слова:

— Мы можем уже начать, чтоб скорее закончить?

Лето опустился на колени за ее спиной, раздвинул ноги, обхватывая ее бедра — почти повторил ту позу, в которой держал ее после того, как она сумела слезть со столба для порки. Ее кожа пахла потом и кровью. Здесь, в Клетке, его восприятие было свободно, обоняние различало больше оттенков ее запаха. Первобытная горечь страха. Соль ее слез. Влажная плесень с древнего пыточного столба. И даже он сам — Лето чувствовал свой собственный запах, оставшийся на ее коже.

А затем все больше и больше. Детали наслаивались на детали. Он мог слышать, как замедляется и ускоряется ее сердце. Видеть, как тонкие волоски поднимаются иглами на ее обнаженном плече. Ощущать тепло ее тела каждой клеточкой своего. Его чувства тонули в ней.

Осторожно прикрывая грудью ее израненную спину, Лето соединил руки на животе Нинн. Она напряглась, вымучила выдох. Их пальцы переплелись. Он прижался лбом к ее шее, под едва заметным потеком запекшейся крови.

— Отлично, — сказала Улия. — Теперь начнем. Лето, береги ее.

Он не смотрел на каргу. Он был слишком занят частотой дыхания Нинн. Пока ритмы их дыхания не слились. Он никогда раньше не ощущал подобного, а последние услышанные слова бесконечным эхом повторялись внутри.

Береги ее.

Глава 16

Нинн не могла сохранять неподвижность. Голос той женщины, Улии, вдруг обрел силу и глубину звуков большого колокола, заставив Нинн погрузиться в глубины сознания. Последняя связная мысль позволила ей вцепиться в ладони Лето. Чтобы вновь ощутить

близость. Единение. Его руки на ее руках. Бедра, обхватывающие ее ноги. Они сидели в позе любовников, отдыхающих после тяжелой задачи — в их случае, после попытки пережить доктора Астера.

Они не были любовниками, но уютная поза была как нельзя к месту.

Часть ее сознания все еще противилась идее подключить Лето к церемонии. Что, если какая-то часть ее личности выскользнет на свободу? Что, если Улия откроет и его разум и позволит ему увидеть все ее тайны? И он увидит, насколько она привыкла рассчитывать на него, даже хотеть его. Она вздрогнула. Он сильнее сжал ее пальцы.

Присутствие Лето было неизбежно. Предстояла опасная операция. Улия могла потерять связь с сознанием Нинн и оставить ее навсегда блуждать в темноте подсознания. Возможно, физический якорь — сила Лето, контакт тела с телом — могли помочь ей вернуться назад.

Они оба смотрели на Улию. Их кожа соприкасалась. Он горел, и она горела. Сильные руки Лето удерживали ее на месте. Сковывали, но придавали уверенности. Большие сильные руки, казалось, касаются всего ее тела. Или это просто фокус сознания. Она только вздохнула, когда он нашел способ прижаться ближе. Кончики пальцев, шея, щека.

В комнате было темно. Улия превратилась в бронзовый свет между висков Нинн. Ее морщинистое лицо, согбенная спина и протез ноги так и не проявились. Один только цвет, похожий на блеклую медь ее глаз. Нинн моргнула, внезапно потеряв ориентацию в пространстве.

И Лето тоже был там. Она не могла его видеть. Не могла никак ощутить — почувствовать запах, прикосновение, звук. Даже вкус. Ей хотелось вновь ощутить его вкус.

Шок заставил сопротивляться хватке Улии, оглушившей ее сознание. Но Лето держал ее крепче. Какой-то его элемент, неподвластный органам чувств. Где-то вне темноты он сжимал ее тело на полу тренировочной Клетки. Держал ее. Держал...

Что за печаль тебя мучит?

Нинн вздрогнула. Бронзовый свет стал ярче. Живая суть Улии обретала ее очертания и форму.

— Моего мужа убили. Король Дракона стоял и смотрел, как Астеры вырвали нас из нашего дома. Калеб был уже мертв, он остался на кухне. Моего сына пытали. Я здесь одна. *Моей семьи больше нет.*

Она заплакала даже внутри сознания. Горе здесь стало глубже. Беспредельным. Не было физических ограничений того, как громко она способна кричать, как сильно содрогаться от плача. Никто не мог увидеть ее, услышать, наказать за то, что она не сумела сдержаться. Доктор Астер использовал скальпель. Он же подал Хелликсу кнут.

Чего ты боишься?

Нинн швырнула ужасными картинами в свет, застывший по эту сторону ее лба. Худшими вариантами развития событий. Всеми кошмарами, которые снились ей больше года. Джек... о, благой Дракон. *Джек по частям.* И как он зовет ее.

Как плачет, как думает, что она его бросила. Как он умирает один, и как умирает она.

Чего еще ты боишься? Есть что-то еще. Глубже.

На поверхность всплыло старое воспоминание. Нинн задохнулась. Задергалась. Не будь она внутри собственного сознания, ее бы стошнило. Но здесь она могла лишь молча кричать, глядя на старое, очень старое преступление. Которое совершила сама.

Она воспользовалась своей силой. Когда ей было всего тринадцать. И дом был разрушен. А женщина мертва.

Некоторые вещи слишком опасно выпускать на поверхность.

Среди Тигони ее всегда подозревали в самом худшем, поскольку мама зачала ее с кем-то из клана Пендрей. Ей не доверяли. Если даже и возникли намеки на слабое доверие, то они были уничтожены тем взрывом. Куда потом пропала ее мать? Пропала... Пропала...

Нет... Погибла.

Нинн забилась от боли, пронзившей ее сознание, хлестнувшей, как кнут по ее спине. Они отняли у нее дар и заставили бояться его. Заставили думать, что ее способности не существовало. Большинство хотело изгнать ее, едва ли не физически уничтожить.

Так отпусти.

— Отпустить? У меня ничего не осталось! Зачем я здесь, если не ради сына?

Ты здесь, потому что у тебя нет выбора.

Уверенность проникала в нее все глубже и глубже. Струилась расплавленной лавой по ее венам, артериям, жгла капилляры.

— Нет выбора?

Нет выбора. Отпускай.

— Мой сын!

Вернется к тебе через год. Помнишь?

— Один год. — Сознание угасало. Даже эфемерное присутствие Лето поблекло и казалось далеким, словно взмах рукой с другой стороны бездны. — Я должна драться.

Своими силами, Король Дракона. Овладей ими. Не отвлекайся. Вместе с Лето добудь победу. Ты Нинн из клана Астеров.

Имя звучало неправильно. Но она кружила и падала, оставаясь на месте. И лишь самая главная мысль отказывалась подчиняться.

— Я верну себе моего сына.

Обещание будет сдержано.

— И сожгу дотла эту адову дыру.

Конечно же нет. Теперь твой дом здесь.

Неужели? Нинн была уверена, что ненавидит это место. Но мягкий голос убаюкивал ее мысли, убирал разрушительные образы.

Тусклый бронзовый свет рассеялся. На его месте возник поток жалящей энергии. Она закричала. Энергия мчалась по ее телу, выстреливала из пальцев на руках и ногах. Даже кончики волос приподнялись и засветились. Она мчалась в потоке силы сквозь горькую сладость воспоминаний, которые рвали ей сердце в кровавые клочья.

Воспоминания. Глубокие воспоминания.

В тот, первый раз... она взорвалась. И это стоило жизни ее матери.

Принадлежавший ей дар Дракона оказался проклятием. Мерзостью.

Она ухватилась за вспышки света, которые вспомнила. Поймала их все до единой. Превратила электрический пульс в мощные послушные лучи. Из глаз и ладоней. И она ими командовала. Ощущение невероятной силы наполнило ее изнутри, и она рассмеялась. Когда в последний раз она контролировала ситуацию? Теперь она осознавала лишь то, что ей хорошо. Что ощущения правильные.

Это было потрясающе.

Она закрыла глаза, сжала ладони и выдохнула. Ее дикий дар подчинился. Нинн уложила его дремать в своей груди. Даже в бесформенной пустоте этого места она помнила о змеиной татуировке Лето. Теперь и у нее появилась змея. Ждущая своего часа.

Но взамен, Нинн. Убери их прочь.

Голос Улии теперь свистел, как хлыст. Звенел неоспоримым приказом.

Поначалу единственным звуком в бесконечной пустоте было сердцебиение Нинн. Затем появились другие. Наслаиваясь друг на друга. Они раскололи ей сердце, и... Она услышала смех своего клана, когда пара акробатов давала представление на пиру Тигони в честь избрания Мэла Благородным Гивой. А затем огонь. Треск дерева. Вопли ужаса.

Она почувствовала прикосновение маминой руки к ее щеке. «Ты такая красивая, девочка моя. Тебя нельзя не заметить». А потом... Потом это прикосновение исчезло навсегда.

Затем Калеб. Ох, Калеб. Его тихий голос никогда не покидал ее мыслей.

Книжный магазин, в котором они познакомились. «Не желаете ли чашечку кофе?»

Вершина колеса обозрения, Лондонского Глаза, их первый общий отпуск. «Ты выйдешь за меня?»

У алтаря в Централ Парке, солнечным весенним днем. «Согласен».

Их первый поцелуй после венчания. Вздохи страсти. Стоны. Восхищенный шепот в ночи. Столько планов.

И самое лучшее. Самое дорогое. Самое болезненное воспоминание: «Это мальчик, Одри. Наш сын».

А когда Джек сделал свой первый вздох и недовольно заплакал, их ночные шепотки были лишь для него, о нем, о том, как их маленькая семья будет счастливой и цельной.

Ее сознание снова заплакало.

— Тише, тише, — шептала она ему в лаборатории Астеров. Тонкие детские волосы Джека пахли антибиотиками и йодом. — Все будет хорошо.

Она лгала своему мальчику. Ничего хорошего не произошло.

Все будет хорошо. Голоса... Эта боль уже ушла.

Да. Уже ушла. К счастью, ушла. Мучительная тяжесть, которую Нинн несла на себе уже больше года, становилась все легче и легче. Агония вырвалась на свободу, как птичка, и улетела, исчезла в синеве, слишком яркой для глаз. И унесла с собой острые шипы воспоминаний.

Теперь в сознании стало пусто и тихо. Что там было? Она что-то потеряла.

Только боль, дитя мое. Ты потеряла только боль.

— Что мне делать? — закричала она в темноту. — Улия, помоги мне!

Ты будешь биться во славу Астеров. Сдержишь свое обещание.

Облегчение омыло ее теплым дождем. Очистило. Нарастило новую кожу. Ее разум был чист. Ее дар был готов ей служить. Она могла управлять им с той же легкостью, с какой Лето орудовал булавой и кружил по Клетке с невероятной скоростью.

Лето. Обнимающий ее.

— Да, — прошептала она. — Да, обещаю.

Вот только она больше не помнила, что обещала.

Лето вытирал пот с бровей и виска Нинн. Ее тело металось в странной жестокой лихорадке. Неестественной. Поразительной. Неконтролируемой. Ее трясло, насколько бы сильно он ни сжимал объятия. Тонкие, женственные руки и ноги хаотически дергались. С силой. Пинали и били воздух. Несколько ударов попали в него.

Самый странный бой в Клетке за всю его жизнь.

И последствия его означали не просто победу или поражение. Он не привык к таким продолжительным играм.

Все, что он мог сделать, это беречь женщину в своих объятиях. Он сосредоточился на Нинн. На коротко остриженных волосах, которые были не полностью пшеничными, как ему раньше казалось. Они были пронизаны прядями медного цвета. Тут и там, по десятку волосков. Тонких, как нити лампы. Эфемерных, как призраки. Веснушки у нее были не только на щеках. На шее, на ключицах, на предплечьях — везде были россыпи нежно-бежевого цвета. Он провел пальцем по шее Нинн, отслеживая рисунок. И, не зная, что заставило ее задрожать в тот же миг, сжал объятия поплотнее.

Ему хотелось считать это реакцией на прикосновение.

— Обещаю, обещаю, обещаю...

Ее голос становился тверже по мере того, как успокаивалось тело. Больше слов. Меньше судорожных метаний. Лето выдохнул, прижимаясь лицом к ее влажной коже. И заставил себя расслабить мышцы. Медленно. Всплеск адреналина в бою, неважно, насколько странном, уже угасал. Вначале он разжал ноги, потому что Нинн больше не пиналась. Их бедра и икры стали липкими от пота. Склеились. Затем руки — гораздо мягче, когда она подалась назад.

Нинн оперлась на его грудь, а Лето кожей почувствовал, насколько сильно ей повредили спину.

Мысль о том, что с ней сделали, сменилась мгновенной яростью. Хелликс. И толстый тяжелый кнут. Мерзкие ухмылки и пошлые угрозы.

Дыхание Нинн вибрировало с каждым яростным вдохом и слабым медленным выдохом. Даже ритм его был неестественным. Воины после тяжелого боя дышали тяжело и быстро, но при этом ритм сердца и легких всегда был единым. Ее тело растеряло грацию. И баланс.

Он припал губами к ее влажному соленому виску.

— Что ты пообещала?

— Спасти моего сына.

— Один год, Нинн. Ты сможешь.

— Сжечь это все...

Лето нахмурился от резкого порыва пропитанного электричеством воздуха. И скрыл свое удивление, когда Улия первой вышла из транса. Старуха уставилась на него своими странными глазами цвета поблекшей бронзы.

— Успешно?

Его голос не выдавал волнения. Лишь интерес к тому, будет ли готов его инструмент ко времени боя в Клетке.

Улия улыбнулась, и Лето стало не по себе.

— Конечно же. Теперь твоя Нинн полностью овладела своим даром. Она может даже затмить тебя, чемпион. — Она тихо захихикала, словно каламбур о силе Нинн был намеренным.

Стряхнув раздражение, он вытянул болящие ноги.

— Что там произошло?

— Мы освободили то, что следовало освободить, и заперли то, что следовало убрать.

Снова игра слов. Лето ненавидел такие игры. Он давно позабыл то время, когда его навыков и репутации не хватало для решения любой возникшей проблемы. Вся эта ночь была для него испытанием именно этого. Раздражение нарастало. В Клетке ошейники были дезактивированы, и его дар превратился в поток воды, готовой прорвать все дамбы. Он мог разрушать бетон, гнуть сталь.

Нинн закашлялась. Ахнула. Дернулась, едва не встав на колени. Только объятия Лето удержали ее от падения. Наблюдать за дрожанием ее мышц после долгого дня тренировки

было приятно. Эта дрожь служила своей цели. А вот видеть ее измученной и дезориентированной на протяжении стольких часов было странно. Это создание еще не вернулось из личного ада. Пока еще нет. И то, что обитало в ее сознании, нельзя было просто отбросить прочь. Лето чувствовал то же, что и она. Стоило копнуть, и он бы вынужден был признать, что и в его сознании есть темные места, гораздо хуже, чем те, которые он соглашался увидеть.

— Нинн, — сказал он. — Сядь смирно. Дыши со мной.

Медленно, с отчаянной осторожностью, он показал ей ритм дыхания, в который нужно было войти. И в том же ритме гладил ее свободную руку. Она кивнула. Так, как они были настроены друг на друга сейчас, Лето ни с кем никогда не достигал подобного единения. Он не стал отмахиваться от осознания, припрятал мысль. Отложил ее на потом. Воин Клетки не мог позволить себе мягкости.

Но он был чемпионом. И наверняка имел право на маленькую поблажку.

— Лето, — прошептала Нинн. Развернулась в его руках. Коснулась головы и хвоста его татуировки. Мягкие кончики пальцев дрожали, отслеживая чернила поверх пульсирующих вен. Она склоняла голову, пока не коснулась губами его кожи под ухом.

— У меня тоже есть змея.

— И где твоя?

Прикосновение ее горячего влажного языка к коже было совершенно неожиданной провокацией.

— В груди. Ждет, когда сможет ужалить наших противников.

— Хорошо. — Не просто хорошо, отлично. Он улыбнулся в ее неровно остриженные волосы. — Будет приятно разделить победу с кем-то. Новое ощущение.

Он сглотнул. Выдохнул. Она едва очнулась от долгого физического транса. Захлестнувшее его желание было неуместно, но отказывалось уходить. Она изменилась. Стала сильнее. Опаснее.

Он был честен. Перспектива стоять рядом с этой потрясающей женщиной под вопли толпы, приветствующей их общий триумф, поражала воображение. Он будет не один. Пульс Лето ускорился, тело мгновенно ответило. Но на смену примитивной потребности пришло беспокойство. Он никогда не бился в паре. У них была общая цель: победа. И снова победа, и снова.

Они могут разделить свой триумф как любовники. Так же яростно. Вместе.

Но слова, произнесенные ею в бреду, никак не шли у него из головы.

Сжечь это все...

Он хотел спросить Улию об этих словах. Но что-то сковало его язык. До сих пор ритуал был успешен. У него появился партнер, который может перестать быть обузой и стать чем-то большим, чем инструмент. Этого знания было пока достаточно.

Улия с трудом поднялась на ноги. Лето помог бы старухе, но Нинн поднималась с не меньшим трудом.

Она хитро улыбнулась.

— Можешь уже отпускать.

У Лето вышла гримаса почти похожая на улыбку. Нинн казалась более воздушной. Более расслабленной. Но определить перемену было непросто. Легкое нахальство в движении ее плеч? Брови, между которыми больше не было грустных складок? Даже его способности читать собратьев-Королей не хватало.

Заставив себя разжать руки, он отошел на шаг. Нинн глубоко вздохнула, словно подводя итог. Выдохнула. Вскинула голову привычным движением, словно отбрасывая гриву волос за плечо.

— Лето, сегодня я буду есть. И спать. И ни минуты не буду тренироваться.

Он рассмеялся. Просто не мог удержаться. Нинн больше не была новичком, несмотря на отсутствие опыта настоящих боев в Клетках. Она излучала уверенность в себе. Она определенно стала крепче. Осознала свою силу. Что перешло почти в дикость.

Благой Дракон, как он ее хотел!

— Да, сегодня ты будешь есть. А завтра мы будем учиться координировать наши силы и слабости.

Она склонила голову и снова лукаво ему улыбнулась.

— У тебя есть слабости?

— Мало. Очень мало.

— Тогда это будет интересно.

Его тянуло к совершенно новому, непривычному чувству локтя, Лето шагнул вперед и коснулся ее подбородка. Возможно, это новое чувство его смягчило. Она хотела вернуть часть своей прошлой жизни. Так кто он такой, чтобы отказывать ей в силе, способной вести ее к цели сквозь все предстоящие месяцы?

— Одри, ты вернешь себе сына.

Она вздрогнула. Отстранилась. Нахмурилась — а ведь он уже начал привыкать к ее гладкому лбу без морщин и другому рисунку веснушек.

— Меня зовут Нинн.

Он пожал плечами.

— Как пожелаешь.

— И ты, наверное, перепутал меня с кем-то из неофитов. Я и не знала, что у тебя их так много.

— О чем ты?

— Лето, у меня нет сына.

Он замер. Он даже забыл, как дышать. Быстро оглянулся на Улию.

Она стояла уже вне Клетки. И загадочно улыбалась, отчего ее лицо превратилось в сетку морщин.

— Старик будет доволен, тебе не кажется?

Лето схватил Нинн за руки. Встряхнул. Сильнее. Ее раны затянутся, а ему сейчас требовалось достучаться до нее — до ее сознания — словно его желание могло отменить последнюю пару часов. Словно он мог избавиться от внезапного камня в желудке.

— Если не ради сына, тогда почему ты сражаешься? Отвечай.

— По той же причине, что и ты, — спокойно сказала она. — Во имя семьи Астеров.

Глава 17

Нинн проснулась с ужасной головной болью и почти без воспоминаний о прошлой ночи.

Ночи. Словно в этом подземелье кто-то мог отличить день от ночи. Лампочки выключались, это и означало ночь. Следить за временем можно было лишь по расписанию тренировок, которое для нее составил Лето. Она была благодарна чемпиону Астеров за внимание. Попади она на обучение к воину рангом пониже, ей было бы обеспечено поражение.

А мысль о поражении была равносильна мысли о смерти.

Лето очень быстро стал для нее не просто наставником. Воспоминания об их прошлых ссорах казались ей далекими, как просмотренный фильм о другой женщине. Почему она так задиралась? Ведь нужно было с первого дня уделять ему все возможное внимание. И почему она так долго сопротивлялась своему влечению? Он был божественным экземпляром мужчины, живым примером того, почему все должны поклоняться Королям Дракона. От него исходила невероятная мощь. Его способности впечатляли, его тренировки делали ее сильнее, но главным был магнетизм, которому она больше не собиралась сопротивляться.

Несмотря на головную боль и пульсирующую от рубцов спину, она лежала в темноте и вспоминала во всех подробностях, как он ее обнимал. Как дышал. Как гладил. Как они целовались.

Она не видела его настоящего. Ее ослепляла гордость, она же была из Тигони. Из дома Гивы, ни больше, ни меньше. Ее самоуверенность и несколько лет обучения боевым искусствам в юности сделали ее упрямой — но с полученными знаниями она представляла опасность лишь для себя самой. Слишком много времени было потрачено впустую.

Она никак не могла понять, почему поставила устаревшие традиции Тигони выше собственного выживания. Все, кроме Мэла, обращались с ней в клане как с грязью. Хуже, чем с грязью. В грязи можно вырастить урожай. Она же была похожа на бесплодные скалистые островки в Эгейском море. Красивые. Бесполезные.

Больше такого не будет. Тот мир не принадлежит ей, и она не станет даже пытаться найти признание там, где она никому не нужна. Настал первый день новой жизни.

Точнее, скоро настанет.

Не считая гудящей головы, чувствовала она себя хорошо. Даже посвежела. Она села и провела ладонью по всем зудящим местам. Кожа под пальцами была целой.

Воспоминания о последней тренировке были размыты. Ее сила была настолько могучей и странной, что, выпуская свой дар на волю, она закрывала глаза. Чем и объяснялись провалы в памяти. Они, наверное, прогнали раундов двадцать, судя по тому, как болели ее спина и бедра.

Дар Короля Дракона был таинственной и мощной силой.

Нинн из клана Тигони могла поймать молнию. Превратить ее в сферу такой красоты, что ее не хотелось отпускать. Заставить ее гореть, высвобождая силу. Нинн была готова. Лето станет ее партнером в первом бою в Клетке. Он в ней нуждался. Он полагался на нее. И у них обоих были причины драться.

Он хотел обеспечить комфортную жизнь для сестры.

Она...

Лежа во тьме своей камеры, где единственным звуком был шелест воды по каверне в углу, Нинн снова нахмурилась.

Лампочки над головой замигали. Она моргнула, прогоняя странные сомнения, и поднялась. Потянулась. Стряхнула остатки сонного оцепенения. Все эти странности наверняка были просто остатками неприятного сна. Она знала, кто она, и знала, где ее место — в Клетке.

Восхищение смешивалось с волнением. Она пока только практиковалась. Ей сложно было даже представить, каково это — войти в настоящую Клетку, с глиной под ногами и одобрительно ревущей толпой на трибунах. Что ж, первый бой дорисует недостающее к образу, который она пыталась придумать.

— Надевай доспех, — сказал Лето, шагая по коридору. — Сегодня твой день.

— Сегодня..? — Она все еще пыталась разобраться с воспоминаниями, но сразу же подчинилась приказу и начала собирать вещи. — Я думала, у нас еще есть время на подготовку.

— Ты могла потерять чувство времени. Ты слишком усердно трудилась последние несколько дней.

Он скрестил руки на груди и по привычке прислонился к ближайшей стене. Он выглядел... потрясающе. Доспехи, которые она видела на нем раньше, явно предназначались только для тренировок. Сегодняшний был идеален. Отполированная бронза подчеркивала основной металл, черный и сияющий, как оникс. Защитные слои на правом плече подчеркивали ширину его торса, а голое левое плечо бугрилось четко очерченными мускулами. Кожа наручей казалась вросшей в его тело. Доспех был прочнее старого. Не сам по себе, а из-за тренированной плоти, которую защищал. Кожаные полосы спускались от пояса до середины бедер, подчеркивая его силу.

Он был чисто выбрит. Дерзкие скулы. Худые щеки. Вскинутый подбородок. Даже его волосы стали короче. Темные. Такие темные. Она взъерошила пальцами свои остриженные волосы и ощутила теплый прилив их схожести.

— Тебе нужно одеваться быстрее, — сказал он, — если хочешь встретиться со Стариком до начала матча.

— Конечно.

Его бровь изогнулась, едва заметно. Гораздо больше о его нахальном и веселом настроении можно было прочитать по его широкой стойке. Лето прижимался лопатками к стене. Расправив грудь. Так он казался выше. И страшнее. Вот только она больше его не боялась. И не могла вспомнить, почему он пугал ее раньше.

Скорее всего, потому, что она считала себя выше его. Клан Гарнис. Потерянные. Что они могли знать о традициях, о тысячелетнем контроле над человеческими подданными? Мысль о том, что придется учиться у представителя бродячего клана, была тогда просто смешной.

Сейчас она не смеялась; она глазела.

И вместо того чтобы поспешить со сборами, Нинн пересекла тренировочную камеру — направляясь не к кучке деталей доспеха, а к Лето. Одетая только в кожаные брюки и топ, в котором она спала, Нинн отлично, предельно ясно осознавала, почему его темные глаза прикипели к ней. Не животное. Не зверь. Перед ней был мужчина, отлично знающий свое место в этом мире. Довольный своим местом. А она превращалась в женщину, которую он хотел в ней видеть, но сам оставался все тем же Лето. Ее наставником. Она хотела прикоснуться к нему, зарядиться от него мужеством.

— Ты правда веришь, что я достойна стоять рядом с тобой в Клетке?

— Да. — Он произнес это с такой уверенностью.

Ей пришлось зажмуриться. Его одобрение. Оно значило больше, чем Нинн могла объяснить. Она лишь знала, что поток ощущений от одного его слова был текучим и согревающим.

— Можно? — Она подняла взгляд на голову вытатуированной змеи. Обновленная стрижка Лето выставила ее во всей красе. — Я хочу увидеть ее. Всю.

— Для этого мне придется повернуться к тебе спиной.

— Я тебе не враг, помнишь? — Она улыбнулась. — К тому же, ты пока меня не вооружил. Ошейник включен. Ножа в руке не держу. Что же во мне способно тебя напугать?

— Ничего. — Но он тут же сглотнул.

Нинн скрыла удивление и любопытство и подняла руку, чтобы коснуться змеиного языка. Вначале лишь кожа под ее пальцами, там, где язык змеи ощупывал его гладкий висок. Нинн двинулась дальше. Волосы под ее пальцами были колючими, но не жесткими. Она прослеживала тело змеи, пока Лето не оказался перед выбором: положить конец этому исследованию или повернуться.

Он наблюдал за ней с явным любопытством. Заметным даже для нее. Обычно прочитать выражение его лица было не проще, чем древние руны: этот фокус удавался дикарям Пен- дрей и их горцам. Но в этот раз Лето приподнял свои угольно-черные брови еще выше. Рядом со шрамом на губе чуть дергался мускул. Почти улыбка? Вызов?

Нет, принятый вызов.

Он стал медленно поворачиваться. Нинн получила свободу действий и продолжила изучать черную змею. Бархат черных волос закрывал ее лишь частично. Слишком черными были чернила татуировки. Она прижала пальцем хвост змеи. Самым кончиком ногтя. Даже мечам и боевым серпам не удавалось вызвать дрожь у этого невероятного мужчины — прикосновение ее ногтя заставило его вздрогнуть. Нинн задрожала в ответ.

Он все еще поворачивался. Так медленно. Взгляд Нинн метался между татуировкой и открытой частью его спины под скрещенными ремнями доспеха. Мышцы напрягались и расслаблялись, следуя его невероятно замедленному ходу. Лампы над головой отбрасывали густые тени. Подчеркивая каждый бугор его мышц. Грацию каждого изгиба. Изменения рисунка света и тени на его плоти показывали, насколько легко дается ему движение.

Звучало чересчур поэтично даже для Нинн. Все дело в том, что она смотрела на мир с точки зрения художника? Или просто Лето был насколько хорош? В конце концов, этот мужчина мог вызвать поэтические сравнения у любого разумного существа. На протяжении всей истории человечества в честь Королей Дракона слагались оды и создавались шедевры искусства.

Олимп. Фивы. Бенарес. Кахокия. Скара-Брей.

Вне зависимости от города, эпохи и расы, мужчины вроде Лето ходили с людьми по одной земле и почитались богами. Восторженные ценители идеальных тел находили в них вдохновение. А она сейчас к нему прикасалась. Царапала кожу обломанным кончиком ногтя.

Он развернулся лицом к ней, так, чтобы она закончила рассматривать хвост змеи — истончающийся на конце, исчезающий над его виском.

Их взгляды встретились. Пространство засияло золотом. Оба моргнули, и Нинн отдернула руку.

— Откуда татуировка?

— Церемония посвящения. Если ты хорошо себя проявишь сегодня, и тебя удостоят подобной чести.

Она ответила улыбкой, а улыбки, казалось, всегда заставали его врасплох.

— Я не собираюсь хорошо себя проявлять.

— Это не подход...

— Чемпиона? — Ее улыбка стала шире. — Я знаю, что нет. А ты собираешься дослушать своего неофита, Лето из клана Гарнис?

Его брови сошлись над переносицей. Растерянность ему не шла, но Нинн нравилось его удивлять.

— Да, я слушаю.

— Я собираюсь проявить себя превосходно. Так что готовься не отставать.

Лето не нужно было смотреть, как она одевается для боя в Клетке. Он достаточно видел ее подготовку. И детали остались в памяти, хотел он того или нет. Их общие три недели были выжжены на его чувствах.

Кроме прикосновений. Их всегда было недостаточно.

Поэтому он дал себе поблажку. Это ведь ее первый бой в Клетке. Он хотел, чтобы Нинн помогла ему произвести впечатление на Старика. Лето ни за что не признался бы в этом вслух. Слишком мелочно. Просто по-детски. Он знал лишь одно: глава картеля Астеров сомневается в успехе Лето. И собирался вместе с Нинн доказать, что сомнения были беспочвенны.

Лето поправил ее доспех, подтянул ремешки, пересекавшие спину. Он медлил. Ему хотелось продлить прикосновения, совсем как ей, когда она касалась его татуировки. Ее спина покрылась месивом порезов и рубцов от кнута. Большая часть уже затянулась, но остались припухлость и краснота. Он прижал пальцы к началу самого длинного рубца и провел по нему вниз — от плеча до того места, где ее кожа скрывалась под многослойным доспехом.

Хелликс. Ублюдок. И доктор Астер, его кукловод.

Лето нужна была цель. И он увидел подтверждение своей цели в глазах обернувшейся Нинн. Непроверенный воин. Стойкая женщина. Подавленные потребности тела воскресли при виде ее выдающейся женственности. Они были тренером и неофитом, но огонь ее ледяных глаз говорил, что она хочет большего. И в этом своем стремлении она тверда, ничуть не мягче пластин доспеха.

Прикосновениям более мягким не место между ними.

И все же он обнимал ее, когда Улия занималась сознанием Нинн. И чувствовал каждую дрожь, каждое бессознательное движение вцепившихся в него пальцев. Он вдыхал запах ее волос с острыми нотками запекшейся крови. Он просто держал ее, словно пытаясь защитить от боли, от которой не сумел избавить ее раньше, у позорного столба.

Или в лабораториях.

Или когда убивали ее семью.

После процедуры она стала совсем другой женщиной — и оказалось, что эта другая могла смутить его взглядом. Могла прикасаться к нему. Изучать его. Могла заставить его испытать совершенно новые гаммы эмоций. Для воина, который двадцать лет оттачивал свои чувства, новизна оказалась одновременно непривычной и неуютной.

Он прекрасно помнил долгую жалящую боль от иглы, наносящей ему татуировку после первой победы в Конфликте. Ему было всего шестнадцать — слишком рано для официальной инициации. Но Старик сделал для него исключение, потому что никогда еще шестнадцатилетний не был приглашен на бои Конфликта. Никто не ожидал, что он выживет. Даже его отец.

Лето торжествовал.

Когда он склонил голову, чтобы принять тату, в его венах пульсировал адреналин. Праздничные кубки с голишем расслабили его сознание. С этим ему повезло, потому что притупились и чувства. Тогда он не настолько владел своим даром при отключении ошейника. Иначе он мог бы не пережить такого количества уколов.

После целой вечности практики он научился контролировать все. Когда включать чувства. Когда отсекать. И все же он до сих пор ощущал прикосновение ее ногтя к волнообразному телу змеи. Снова и снова. Щекоткой по затылку. И он до сих пор чувствовал кожу ее спины под своими пальцами.

Все, что он мог сейчас сделать, это сберечь ее на арене. Вместе они победят всех противников.

— Я подожду тебя за решеткой, — хрипло сказал он.

И вышел из ее комнаты — которая больше не будет служить ей камерой. Победа в сегодняшнем матче добудет ей место в бараке воинов. Она получит уединение и маленькие удобства. Другими словами, Лето лишится полного контроля над ней.

Раздраженный и взвинченный, он ждал у решетки выхода Нинн.

Дрожь паучьими лапками трогала спину. Его неофитка то настаивала на имени Одри, то сопротивлялась ему на каждом шагу. Только цель — спасение сына — придавала ей сил и решимости. Эта цель помогала ему оправдать жестокость тренировок. Лишь совпадение целей слегка облегчало процесс.

Но эта женщина... Она была Нинн из клана Тигони.

Она с уверенностью носила свой идеально подогнанный доспех. Светлые волосы сияли и отбрасывали острые иглы теней на ее лоб и щеки. Веснушки придавали ее чертам особую глубину. Даже текстуру. Нечто совершенно непрактичное, уникальное, принадлежащее только ей.

Любая женщина могла двигаться с гордой осанкой, когда на ней был текучий шелк. Но чтобы двигаться с той же грацией в полном доспехе, нужно быть истинным воином.

А на ее коже под шелком подкладки остались красные рубцы от наказания за попытку бегства. Которой она, похоже, совсем не помнила.

Лето отбросил сомнения прочь. При должном усилии он мог позабыть о сомнениях уже к моменту выхода к Клетке. Работа ее сознания была не его заботой. Он не мог позволить себе заботы, поставив все на будущее Пэл.

Охранники выпустили ее из камеры и заковали в кандалы. Лето тоже вытянул руки. Она смерила его лукавым взглядом.

— Тебя тоже? Почему?

— Потому что мы покидаем комплекс. Старик никогда не пускает сюда посетителей. Нас проводят туда, где все гости собираются вокруг полноценной Клетки.

— А, так ты уже бывал снаружи. Ты видел солнце.

Он едва сдержался, чтобы не сжать кулаки. Никаких проявлений своей ограниченности. Лишь констатация факта.

— Нет.

— Что значит «нет»?

— Представь, что ты впервые видишь солнце, когда вся твоя жизнь проходит в подземелье?

Она потерла нижней губой о верхнюю, и на эти секунды обе губы стали соблазнительно пухлыми. Лето ненавидел свой дар за то, что тот заставляет цепляться мыслями за отвлекающие детали.

— Я бы увидела в нем врага, — сказала она. — Неудобство.

— И Старик это знает. Мы отправимся на автобусах, на время выхода наденем повязки на глаза.

— Безопасность.

— Необходимость. Любой приезжий воин оказывается в невыгодном положении.

— Но если бы мы посмотрели? — Она покачала головой.

— Что?

— Если бы не было повязок, мы бы увидели, где мы? Увидели города. Горы. Богом забытые деревеньки. Это могло бы быть важно.

Она говорила словно с другой стороны длинного стеклянного тоннеля. И сама, похоже, слышала свой голос словно со стороны. После вмешательства Улии Нинн обрела свои силы — и потеряла все воспоминания о том, что бьется за освобождение сына. Лето опасался снова говорить о мальчике, чтобы не разрушить освоенный ею потенциал. И не расколоть ее сознание надвое.

Поэтому он решил лавировать. И ему не понравилось. Слишком уж это было похоже на игры Тигони. Трикстеров.

— Славу можно найти лишь в Клетках. И совершенно неважно, где расположены Клетки.

Она уверенно кивнула. Тень замешательства исчезла из ее глаз.

— Тогда за дело.

Глава 18

Лето доказал свою честность во всем, что имело отношение к бою и выживанию Нинн в этом мире. С чего бы ему лгать? Он нагружал ее информацией, вооружал навыками и оружием, давал ей все возможные преимущества.

Так что когда охранники завязали ей глаза, Нинн не сопротивлялась. Любое преимущество ей на руку. Ей предстоит биться на чужом поле. Ни один из сегодняшних матчей не будет идти до смерти. Однако на кону ее гордость. И она хотела показать себя тем, кому служила, и показать себя Лето.

Ее вывели наружу. Два охранника держали ее за локти. Направляли. Сдерживали. Но им не стоило волноваться. Она была готова работать, как никогда. Вот только когда ее лица коснулся порыв холодного ветра, она вздрогнула. И замедлила шаг настолько, что охранникам пришлось дернуть ее вперед.

Запах снега.

А ведь прошло уже больше года. Свежий воздух...

Холод защекотал ноздри и отозвался мурашками на голом левом плече. Шею покалывало. В последний раз она гуляла по холоду, когда у нее были длинные волосы. Теплым покрывалом спадавшие ей на спину.

Когда это было? Где я была?

Между бровей собиралась колючая боль. Охранники толкнули ее под зад. Сильнее. Они не собирались терпеливо ждать, когда она разберется со странностями своей памяти. Вскоре она взобралась по трем ступенькам в гудящий автобус, невыносимо воняющий бензином. Один из автобусов, о которых говорил Лето. Старые и новые ощущения метались в ее мозгу, как бы она ни старалась сосредоточиться на предстоящих часах боя. Сердце заколотилось от приступа паники.

Темнота под повязкой. Давление рук охранников. Жесткие кандалы. Сердце ускорилось, усилилась головная боль. Паника. Она не могла дышать. Холодный снег. Бензин. Длинные волосы. Она споткнулась, упала, сгруппировалась...

Сильные руки подняли ее и усадили на сидение.

— Стоило включить в программу и уроки ходьбы? Я не подумал.

Голос Лето низким мурлыканьем у ее шеи. Темнота. Рядом с ним. Возбуждение совершенно иного рода вытеснило мысли о Клетке и дезориентацию. Оказаться в темноте, наедине с ним. Но без преграды доспехов. Кожа к коже.

Дышать и так было тяжело, слишком путались странные мысли. Теперь же дышать стало невозможно. Он видел ее обнаженной. Она его не видела. И воображение работало на полную, дорисовывая все пробелы. Ее личная тьма под повязкой сменилась видением

смуглой кожи. Движением мускулов. Пота. Толчков. Силы и сосредоточенности. Темных глаз, которые смотрели на нее и оценивали. Губ, которые хотелось целовать до крови. Тела, созданного для битвы и секса.

— Ты тоже ничего не видишь?

Он утвердительно хмыкнул.

— Я же тебе говорил.

— Ты говоришь так спокойно, — сказала она. — Ты расслаблен.

— Мы на пути к победе. Конечно я расслаблен.

А как же дезориентация? Или ужас, который Нинн не могла выразить словами? И беспокойство, от которого ослепшие глаза жгло подступившими слезами? Она не могла расслабиться. Не так. Не так, как он. Видимо, в тренировках был пробел. Ей так не хватало чего-то.

— Ты готова к этому, Нинн. У тебя нет причин так пугаться.

Взревел мотор, и автобус пришел в движение. Звук был знакомый, но непривычный. Она отчаянно цеплялась за то, что было знакомо. Голос Лето — завораживающий, притягательный, низкий. Его слова одобрения. Тепло его тела, создающее вокруг них защитный экран общей близости. Она нащупала его руку.

Он снова вздрогнул, как в тот раз, когда она коснулась его виска. Но ответил без промедления. Коснулся ее в ответ. Ей нравилось такое внимание, но она помнила его поцелуи. Жесткие поцелуи. И его тело, прижимавшее ее к полу, сильное и решительное. Неважно, когда и почему это было, неважно, почему осталось лишь призрачное ощущение того, что она целиком зависела от его воли.

Теперь он стал ее компасом.

Нинн сжала пальцы. Простой жест. Прикосновение рук. Ей нужна была эта поддержка. Контакт, похоже, заставлял его раскрыться сильнее, чем могла бы любая атака. Видения обнаженной влажной плоти сменились комфортом, возможностью держаться во тьме за теплое и живое.

Ей так не хватало этого раньше. Обнять... в жуткой темноте...

— Дыши.

Низкий голос приказа обволакивал ее как горячий мед. Сладкий и вкусный. Нинн выдохнула. Вдохнула. Он продолжал держать ее за руку, и она смогла отмахнуться от непонятного и неизвестного. Слишком многое ждало ее в Клетке. По крайней мере, там она обладала и навыками, и уверенностью в том, что справится со всем, что встанет у нее на пути.

— Я дышу, — сказала она. И повторила, уже уверенней: — Дышу.

Поездка была короткой. Не дольше десяти минут. Нинн провела это время, мысленно повторяя комбинации ударов и сжимая ладонь Лето. Он не пытался ее подбодрить. Но и не стряхнул ее руку.

Когда автобус остановился, он позволил ей выйти самой. Как это было на него похоже. Короткий миг молчаливого единения — закончен. Ладно. Ей нужно было сосредоточиться на чем-то, кроме его успокаивающего прикосновения. Кроме грубости его кожи. Кроме тяжести его рук. И вновь она ощутила прилив удивления и восхищения от мысли о том, что она будет драться в паре с таким потрясающим воином.

И вновь изумленно задумалась, почему так долго сопротивлялась ему. Тратила время.

Она вышла. Ощутила запах снега. Он ей не нравился. Слишком сильно бередил душу.

А затем наконец тепло нового здания. Оно окутало ее и заблокировало странности открытого пространства. Нет, она принадлежала комплексу.

Запах снега.

Охранник снял с нее повязку. Она, Лето и еще десяток воинов семьи Астеров стояли в коридоре, который наверняка был больше, чем казался, вот только количество высоких, широкоплечих, взбудораженных мужчин уничтожило все понятия о перспективе. С тем же успехом они могли бы набиться в кукольный домик.

Рядом с Нинн стояла Тишина, за ней тенью следовал Харк, — странная и смертоносная пара. Они смотрели на мир так, словно он был полон сюрпризов и тайн не меньше, чем их загадочный клан. Нинн не могла представить их возможными союзниками, но не могла и включить в число своих врагов.

А вот Хелликс, казалось, родился лишь для того, чтобы сделать своим врагом каждого встречного. Он смотрел так, словно проиграл больше поединков, чем кто-то когда-либо сможет.

— Потеря девственности на арене. — В тусклом свете его клеймо казалось еще отвратительнее. Рубцовая ткань сливалась с тенями. — Разделишь со мной славу.

Он ей не нравился. Что было вполне понятно. Но желание бежать, просто бежать, почти затмило все разумные мысли. Боль копьем вонзилась в голову. Проникая все глубже. Все ниже. Она почти ощутила спиной удары хлыста, услышала умоляющие крики сорванным голосом.

Это просто нервы. Напряжение. Она сглотнула странную желчь на корне языка. Но Хелликс не сможет ее запугать.

— Как пожелаешь, — сказала она, пожимая плечами. — Будет забавно прибить сначала тебя.

Его доспех был отлично отполирован, но прост. Возможно, как напоминание о том, что лучшего статуса ему не достичь. Почтение, которое вызывал Лето, для Хелликса было за гранью возможного.

— Готов поспорить, тебя уже давненько не трахали.

Ответ мгновенно возник в ее голове.

Да Лето убьет тебя раньше.

Это было смешно. Лето был нацелен лишь на то, чтобы оправдать ожидания Старика. Его неприязнь к Хелликсу не имела к ней ни малейшего отношения. И все же ей понравилась сама мысль. Она согревала, примерно так же, как прикосновение его руки в автобусе. Как что-то, за что можно держаться во тьме, пусть даже принимая желаемое за действительное.

— Попробуй, и мы посмотрим, кто доживет до рассвета, — тихо сказала она. — Возможно, это буду не я, но ты потеряешь пару конечностей. А то и свой жалкий хвостик. И что тогда тебе останется, кроме дурацких угроз?

— Я принесу кнут. В прошлый раз он так нам понравился.

Нинн нахмурилась, сбитая с толку, но ответ уже вертелся на кончике языка.

— Прибереги его для ринга, дерьмо клейменное.

Он подошел почти вплотную и наклонился к ее уху.

— Я сломаю одну кость. Ты завопишь. И раньше, чем ты Замолкнешь, я поломаю их все.

— Из какого ты клана, Хелликс? Не помню, чей главный дар — несбыточные мечты.

Хелликс рассмеялся.

— Лето, так вот на что ты потратил время? Научил девчонку ругаться? Интересный подход. Надо будет взять у тебя пару уроков.

— Обойдешься, клоун придурочный, — прорычал Лето.

Лето раздвинул плечом остальных бойцов и ровно на дюйм опустил взгляд. На точную разницу в росте между ним и Хелликсом.

— Заткнись.

Тишина не сказала ни слова, но уголки ее губ плавно приподнялись в улыбке. Харк ухмыльнулся и положил подбородок ей на плечо, словно готовясь к шоу. Прошептал что-то на ухо своей напарнице. Ее слабая улыбка стала заметней. Эта пара была загадочней Сфинкса в долине Нила, которую Сат давно объявили своей территорией.

Еще одна женщина, по имени Вэйл из клана Пендрей, совершенно равнодушно следила за происходящим — от этого равнодушия не оставалось и следа при пробуждении ее безумной боевой ярости. Фам прислонился к стене и открыто смеялся. После стольких недель расшифровки тщательно сдерживаемых выражений Лето, этот смех казался оглушительным, как вопль на свадебной церемонии.

Чем быстрее она выйдет на бой, тем лучше.

Когда дверь за их спиной щелкнула, открылась та, что находилась впереди. Длинный шлюз. Лето без спешки отвернулся от Хелликса. И зашагал, указывая путь остальным. Вспышка первобытного удовольствия прошила тело Нинн. Пустота в груди зазвенела. Ее пальцы все еще щекотало воспоминание о прикосновении к его коротким волосам и мягкой теплой коже висков. Губы покалывало от желания вновь ощутить его вкус.

Игнорируя всех, кроме своего наставника, — Тишину, Хар- ка, Хелликса, — она проследовала за Лето ко второй двери. Там охранники сняли с нее кандалы. Она покрутила запястьями по часовой стрелке. Против. Хрустнула пальцами, размяла шею. Адреналин смешивался с запахом кожи Лето и разогретой кожи его доспеха. Они стояли почти вплотную.

— Сюда, — сказал он. — Старик хочет встретиться с тобой до начала матчей.

Охранники практически окружали их, но Лето шагал по лабиринту наклонных коридоров, залов и лестниц так уверенно, как будто родился здесь. Каждый ее взгляд на его профиль открывал ту же картину, полную замкнутость. Сдержанный, спокойный, и скрытая сила бурлит под поверхностью. Возможно, дело было в быстрых движениях его глаз или в том, как время от времени сжимались его челюсти, но сейчас Лето казался почти обеспокоенным.

Она предвкушала тот миг, когда они окажутся в Клетке плечом к плечу и она увидит, как дезактивируется ошейник. Как вернутся к нему его силы. Сексуальная разрядка, и та не казалась столь соблазнительной. Она хотела смотреть на это снова и снова — неожиданная награда за очередной пережитый матч.

— Лето, — раздался голос.

Обернутые полосами ткани предплечья Нинн отозвались мурашками. Волоски на шее стали дыбом. Перед их толпой крупных мужчин и смертельно опасных женщин, опытных воинов, возникла согбенная фигура старика Астера, закутанная в плащ. Всем своим весом он налегал на трость, хотя веса в нем было не много. Скелеты и те казались более пухлыми и здоровыми. Его улыбка казалась трупным оскалом.

— И Нинн, — продолжил он. — Добро пожаловать. Я предвкушаю ваше сегодняшнее выступление.

— Надеюсь заслужить вашу милость, сэр.

Он окинул Лето странным взглядом.

— Интересно.

Он казался... разочарованным. И подчеркнул странность Момента, немедленно развернувшись, чтобы поприветствовать других бойцов. Неужели ему настолько все равно?

Она приноровилась к широкому шагу Лето.

— Сколько раз, ты говорил, Старик выбирал меня? Говорил, что у него на меня большие планы.

Их провели в оружейную, полную всех возможных сочетаний металла, стали и дерева.

— Достаточно, чтобы ты в это поверила, — сказал он, выбирая любимое оружие. Булаву.

— И это все, чем он нас встретил? Хмыкнул и отвесил ничего не значащий комментарий? Мог бы хотя бы поздравить.

— Он не хмыкал. — Со стены, где висели мечи и кинжалы, он снял выбранные три и развернулся к ней лицом. — Да и с чем поздравлять воина, который еще не победил? Незаслуженная награда ничего не стоит.

— Ты поэтому никогда меня не хвалишь?

Глаза Лето мерцали, темные и сияющие, как отделка его доспеха. Затем сузились. Темные брови сдвинулись. Лишь тот, кто внимательно искал эти признаки, мог бы заметить их.

— Если мы победим, мы будем поздравлять друг друга. Ты помнишь, что я говорил о том, как награждают воинов Клетки, — сказал он. — Не так ли?

— Секс.

— Да.

— Выбор победителя.

— Да, — снова сказал он, и сила его ощущалась почти что прикосновением.

Нинн шагнула почти вплотную к его мужественной красоте, закованной в доспехи. Обняла ладонями его голову, погладила пальцами виски, где его экзотическая татуировка в виде змеи горела под ее кожей.

— А что случится, если победим мы оба? Ты выберешь меня, Лето?

— Нет. Ты выберешь меня. — Он отстранился от ее рук и повернулся к стене с оружием. — А теперь мы выберем тебе кинжал.

Он не стал гадать. Не пододвинул к ней ни один из кинжалов, а просто предложил их все, как равные. Другие воины семьи Астеров приходили и уходили, забрав необходимое. Их издевки и хвастливые замечания казались жужжанием назойливых насекомых. Лето спокойно игнорировал их существование до тех пор, пока не требовалось вновь с ними встретиться — в качестве противников или как с товарищами по победе.

Он ждал только Нинн.

— Выбирай.

— Ты сказал «мы выберем». Это предполагает, что ты дашь мне подсказку.

— Каждый из этих трех идеально подходит для твоего телосложения и размера ладони. Они легкие, прочные, ты можешь полагаться на них даже при использовании своего дара.

Три кинжала блестели в рассеянном свете оружейной. Один был украшен золотым листом. Второй медный, с легкой зеленой патиной по краям. Третий из простой стали.

— Значит, это какой-то тест? Выбери обычный. Или выбери мерзкий. Дракон меня подери, если я, как девчонка, решу выбрать красивенький.

— Это тест, но не такой. Насколько хорошо ты знаешь свои способности?

Легким становилось все труднее дышать, напряжение нарастало с того самого момента, как они обсудили перспективы своей победы. Но вначале им нужно победить. Несмотря на его очевидную уверенность — веру в себя, на самом деле, — он не мог отрицать, что Нинн остается диким зверем.

Когда дело касалось длинных кинжалов, он знал, какой принесет ей победу. Он хотел, чтобы и она это поняла. Доказала, что он справился с задачей. Доказала, что у них больше одного шанса на победу.

Я собираюсь быть потрясающей.

Он хотел этого не меньше, чем хотел победить сам. Чтобы потом, после аплодисментов... они смогли насладиться силами друг друга. Дракон побери, как он хотел эту женщину.

— Дай мне их подержать, — сказала она.

Лето кивнул. Да, это был первый шаг к верному выбору.

Она пробовала в руке один кинжал за другим. В оружейную вошли Харк и Тишина. По привычке выбрали — он серебряный нигнор, а она узкий щит с острыми как бритва краями. Оба остановились, понаблюдали немного за Нинн и вышли. Харк был заметно тише обычного. Перед боем даже их признанному болтуну хватало ума заткнуться.

— Этот, — сказала Нинн.

Что-то похожее на разочарование осело в легких, словно воздух в последнем выдохе отяжелел. Она выбрала простое стальное лезвие. Неплохо. Хорошее оружие. Но не настолько элегантное, как ее движения. Клинок был слишком жестким, слишком простым.

— Неплохо, — вымученно ответил он.

Что случилось с той легкой уверенностью, которая не покидала его по пути сюда? Чем ближе они были к началу боя, тем крепче становились сомнения.

— Считаешь, что я сделала неправильный выбор?

— Ты сделала выбор. Кто знает, как он отразится на нашем матче. — Он протянул ей выбранный им щит, на этот раз не оставляя места для ошибки. — У нас мало времени.

Нинн прикусила нижнюю губу. Помотала головой.

— Ты невозможен. Я пытаюсь учиться, а ты играешь со мной в таинственного мастера загадок.

— Что там с твоим желанием стать потрясающей?

— Я бы не отказалась от твоей помощи!

— Заткнись, неофит.

— Приберегите этот тон для Хелликса, сэр. — Она закрепила ножны на талии. — Ну, кого нашинкуем первым?

— Для тебя это до сих пор шутка? До сих пор? Дракон подери, женщина. Я не сделаю в Клетку и шага с подобным твоим отношением.

— Иди обсуди это со Стариком.

Она подогнала щит по руке. И развернулась на пятке, описывая идеальный полукруг.

Застыла, вскрикнула и выхватила клинок. Потому что в дверном проеме стоял доктор Астер, у ног которого присела Пэт.

Лето прыгнул вперед и оттащил ее прочь.

— Убери оружие, маньячка, — зарычал он.

Нинн моргнула... и сделала, как было велено.

Сердце Лето забилось бешеным зверем, когтя его изнутри, когда она вернула оружие в ножны. Если ему были нужны доказательства того, что Улия изменила Нинн, возможно безвозвратно, он только что их получил.

Глава 19

Доктор Астер улыбался, но улыбка не была отталкивающей.

— Мой отец рассказал мне, что сегодня особое представление. Наш новый чемпион?

Лето кивнул, чувствуя, как сжимается что-то в желудке.

— Она еще не испытана, но я считаю ее готовой постоять за честь Астеров.

— Хорошо. Значит, той ночью был усвоен далеко не один урок. — Он посмотрел на Нинн, которая казалась сбитой с толку. Или злой. Или сонной. Лето не мог определить ее состояние, но доктору Астеру оно явно понравилось. — А что скажет наша новенькая? Как тебя зовут?

— Нинн из клана Тигони.

— Хмм. Мне казалось, что тебя называли иначе. Ты уверена?

— Да, сэр.

Лето медленно отпустил ее. Часть его считала эту реакцию осознанной игрой с ее стороны. Он думал, что Нинн тут же бросится в атаку и убьет похожего на рептилию доктора. Дракон благой, часть его хотела, чтобы это оказалось правдой. Он балансировал на грани слишком сильной привязанности. Боль Нинн была очевидна — почти так же очевидна, как шрамы, искалечившие ее прекрасное тело.

Тот крик. Мгновенное узнавание. Которое тут же исчезло.

— А я доктор Астер. Рад познакомиться, Нинн.

Ее пальцы сжимали рукоять кинжала. Так сильно, что кровь отлила от костяшек. До мертвенной белизны.

— Благодарю, сэр.

— Лето, я впечатлен. Мало кто верил, что подобную в принципе можно приручить.

— Я ее не приручил, сэр. Я ее обучил. — Если Нинн удалось изобразить спокойствие, ему не следовало отставать.

— Именно. Что ж, я рад, что ты не принял это близко к сердцу. Ты знаешь, что нужно делать.

— Я лишь знаю, что вы увидите в Клетке.

— Уже предвкушаю. Пошли, — сказал он женщине, сидящей у его ног.

Пэт ушла не сразу. Она скользнула в их сторону, словно парила, а не шагала по полу. Сегодня на ней вновь был предельно облегающий комбинезон из черной кожи. Шею охватывал шипастый ошейник, но Лето не мог определить, глушит ли он ее способности или просто надет в качестве безделушки, как часть декора этого странного и прекрасного создания.

Она остановилась в паре дюймов от Нинн, которая замерла на своем месте. Движения Пэт обладали потрясающей грацией, но голос ее был грубым и зажатым.

— Чазм не исправлен.

Лето нахмурился и с облегчением заметил, что Нинн хмурится тоже.

— Я не знаю, что это означает.

— Хорошего боя, Нинн из клана Тигони.

Только когда женщина вышла, Нинн сжала голову руками. Зажмурилась. Тяжело опустилась на пол.

— Сейчас не время, — грубо оборвал ее Лето. Действительно сейчас нельзя тратить силы на сердечные муки. — Нас ждет бой. Сейчас.

Она открыла глаза и заморгала, словно пытаясь прогнать слезы. Однако ее взгляд был чистым, сильным, полным энергии.

— Отлично.

Он провел Нинн — слегка заторможенную, но удивительно твердо держащуюся на ногах, — к залу предварительного сбора, где бойцам давали последние указания.

Нинн стояла у его плеча и пыталась прочитать выданную ему бумагу. Ее улыбка была прелестной, нежные губы, приоткрывшие ряд белоснежных мелких зубов, так и манили к себе. Потрясение и возможные воспоминания от столкновения с доктором мгновенно испарились.

— Ну, так кого мы будем унижать первым?

— Мне нравится твой подход к делу.

— Осторожней, Лето. Это прозвучало почти как шутка.

Он замер. Под доспех словно пробрался холодный ветер.

Короткие волосы на затылке покалывало от неожиданного чувства. Она и раньше называла его по имени, но теперь они обещали друг другу победу. И все, что за ней. Он еще услышит, как она захлебнется его именем, когда он войдет в нее.

Еще одна слабость. Еще одна причина победить.

— Женщина из Пендреев, Вэйл, — сказал он. — И Урман, этот от Таунсендов.

— Из какого клана? Не помню такого.

— Тигони.

— Тем хуже для него. Один трикстер не перехитрит другого. — Она огладила его тело предвкушающим взглядом и вновь взглянула ему в лицо. Взаимопонимание засветилось между ними в одновременной улыбке. — За дело.

Нинн следовала за Лето. Она никогда еще не была так ошарашена.

Настоящую боевую Клетку окружала плотная толпа. Громкая. Нетерпеливая. Мужчины в костюмах и женщины в вечерних платьях. Телохранители и странные темные фигуры. Возможно, даже другие Короли Дракона, если судить по приметной бронзовой коже и невероятной ауре, которую ни с чем не спутаешь. Но то, Что они так запросто смешивались с людьми, казалось ей совершенно обычным. А собственная реакция совершенно непонятной.

Впрочем, в последнее время она мало что понимала.

К примеру, почему при виде доктора ее рука сама метнулась к оружию. Она была готова отрубить ему голову. Буквально видела это. Блеск металла, рассекающего плоть и лежащую под ней кость. Проходящего насквозь. Море крови. Это вызывало странное удовольствие. И ощущение справедливости.

Эти видения были остатками какого-то странного сна. Лето оказал ей услугу, вмешавшись. Ее противники были в Клетках, а не в рядах Астеров.

Место, где ее ждала битва, было воистину великолепно. Лето не преувеличивал, описывая его. Клетка была больше. Ярче. Зловещая аура значимости делала Клетку не просто местом спаррингов и учебы. В ней вершились судьбы и зарождалось будущее.

Клетку окружало около тысячи людей — почти идеальный круг зрителей вокруг знакомой восьмиугольной арены. Прожектора заливали ее ярким светом. Только теперь она поняла, что все коридоры здания, в которое их привезли, были чуть светлее

привычных ей коридоров. Мягкая попытка приучить их глаза к освещению, которое воспринималось как враг.

Она старалась смотреть только на сапоги Лето. Лучше игнорировать толпу. Лучше сосредоточиться. В боевом доспехе, с клинком и щитом, она поднялась по восьми сетчатым ступеням из кованого железа, шагая след в след за одним из величайших воинов среди Королей Дракона. Кто-то объявил их имена.

Воин Клетки. Персонаж легенд и страшных историй. Нинн не чувствовала себя жертвой кошмара. Она чувствовала себя клинком. Острым и готовым к бою.

Стараясь игнорировать все отвлекающие факторы, она ждала момента, которым привыкла наслаждаться: момента, когда Лето войдет в Клетку. Он запрокинул голову. Его лицо стало живее, чем она когда-либо видела. Он погрузился в свою стихию и раскрылся в ней. Сжав булаву и щит, он поднял руки, словно охватывая арену, а затем еще выше, поднимая ставки, присваивая себе все здание. И заревел в ответ на ор толпы.

Наполовину мужчина. Наполовину зверь.

Нинн вошла вслед за ним в клетку. И тот же невероятный поток свободы заставил ее на миг задохнуться. Сила. Чистая мощь. Вот что значило получить полный доступ к своим способностям, подаренным самим Драконом. Каждая клеточка ее тела дрожала под кожей, которая внезапно показалась меньше на два размера. Глиняный пол под подошвами раскрошился в пыль. Прожекторы на восьми столбах Клетки заливали их невероятным сиянием. В память о Драконе, который нырнул в глубину Чазма и породил их расу.

В Клетку вошли их противники. Вэйл оказалась невысокой, как большинство Пендреев. Короткие рыжие волосы были растрепаны и торчали во все стороны, словно под напряжением. Но кто действительно повелевал электричеством, так это воин Таунсендов, Урман. Однако подданство Нинн клану Тигони не имело ни малейшего значения. Вся ее верность отныне принадлежала только Лето.

Только когда в Клетку вошел один из судей, Нинн заметила, как Лето сменил позу. Он выпрямил спину, выпятил грудь. Явно рисуясь. Но от нее не укрылось нечто похожее на растерянность.

Судья держал в руках пару кандалов, скрепленных между собой десятифутовой цепью.

— Лето. Нинн. Ваши лодыжки.

— Это еще зачем, Дракон подери? — спросил он.

Судья — человек — с чем-то вроде торжествующей улыбки кивнул туда, где сидели Старик, доктор и странная девушка в черном.

— Ты же знаешь, Астеры хотели сделать эти бои интересными.

— А бой в паре сам по себе недостаточно интересен?

— Когда Старик говорил «партнеры», он не шутил. Вы будете скованы вместе.

— На хрен. Мы будем биться, как воины, а не цепные собаки.

Маленький человек — он действительно казался мелким по сравнению с Лето и большинством присутствующих — схватил Нинн за лодыжку. И щелкнул замком прежде, чем она успела возразить. Нинн никогда еще не видела такой ярости на лице Лето — жилы на его мускулистой шее вздулись от напряжения. Но было уже поздно. Они оказались скованы.

— А наши противники? — спросила Нинн. — Как насчет них?

Судья ухмыльнулся.

— Ты видишь тут еще одну цепь, неофит?

Нинн вытащила меч из ножен и крутанула в воздухе. Она буквально звенела от потенциала. И уже чувствовала, как бурлит электричество — весь спектр прекрасных цветов — накапливаясь в ее теле.

— Никто не смеет называть меня неофитом, кроме того, кто меня обучал, а он не станет этого делать после сегодняшней битвы. Так что заткнись.

Она вскинула подбородок и встретилась глазами с Лето. Их взгляды сцепились. Без заглушающих силу ошейников эти взгляды вспыхнули золотом и даже сине-зеленым в пяти футах разделявшего их пространства. Толпа ахнула. Этот свет Нинн почти ощущала кожей. Она словно смотрела в калейдоскоп. Цветных вспышек не будет, когда это кончится.

Будут лишь темные глаза Лето. Ее внимание сузилось. Сосредоточилось. Сфокусировалось.

Только он.

Как заклятие.

— Что это? — ошеломленно прошептала она.

— Я не знаю.

Ей хотелось узнать, как Старик Астер среагировал на их маленький фейерверк, но не хотелось отводить взгляд от партнера.

— Сделаем это, — очень тихо сказала она. Зная, что его обостренные чувства позволят ему услышать. — Лучшее гре- баное шоу из всех, что они видели за эти годы.

Цепь зазвенела между ними, опасная, как змеиное шипение. Лето сжал челюсти, и на его виске запульсировала, оживая, другая змея.

Ревущий зверь пропал, остался кипящий злобой мужчина. Он тяжело воспринял это унижение. И Нинн с нетерпением ожидала того, как это отразится в бою. Она лишь надеялась, что сможет за ним угнаться. Потому что неважно, насколько она зависела от него и хотела добиться победы, его единственной задачей было сохранить ее жизнь.

Он собирался выполнить эту задачу любой ценой.

Лето проглотил свою злость. Вновь оказаться в цепях... он скован во второй раз за несколько дней. С ним, лучшим из воинов, обращались как с диким зверем. Каждая жилка в его теле протестовала. Чего стоил Гарнис, прикованный цепью к Тигони? Его рефлексы и скорость будут бесполезны при якоре в виде Нинн.

Он схватил ее за руку со щитом и подтянул к себе.

— Теперь кто должен не отставать?

— Неидеальная ситуация, да? Придумай что-то. Быстро. — Она была предельно серьезна.

Да. Дракон подери, да.

Вопли толпы стали оглушительными. У противоположной стены Клетки Вэйл и Урман шагали, обходя друг друга по кругу, словно специально дразня Лето своими свободными ногами. Вэйл вертела свое длинное копье, превращая его в смазанный диск — готовилась к ударам, которые пару секунд спустя могли стать для них смертельными. Урман был вооружен двумя серпами, без щита. Подгадав нужное время, трикстер из клана Тигони мог превратить свои серпы в электрические проводники.

— Я выйду вперед, — сказал Лето. — Оставим максимум слабины, чтобы я мог двигаться. Вэйл становится непредсказуемой в своей ярости, но мы с ней тренировались. Урман, скорей всего, постарается поджарить нам мозги. Прикрывай мне спину и сделай все, чтобы поджарить их первой.

— И как мне это сделать, не зацепив и тебя заодно?

Звон колокола объявил о начале боя.

— Выяснить это — твоя задача.

Вэйл обрушилась на них сразу же. Воины Пендреев были наделены даром ярости настолько сильной, что она в свое время обрела свое собственное определение: берсерк. Северяне и Кельты поклонялись этой силе. Лето считал ее самым вульгарным методом атаковать своего противника. Что, впрочем, не имело значения, когда дело касалось Вэйл. Она вертелась вокруг них по совершенно непредсказуемым траекториям. Которые на самом деле были прекрасно просчитанными и идеально выверенными линиями атаки. Она ни разу не сбилась с шага, не покачнулась, не отвела копья, превращаясь в ожившую мясорубку.

Лето парировал булавой и щитом. Выбросил руку вперед. Схватил наконечник ее копья. Боль прошила руку от запястья к плечу. Вэйл потеряла скорость. Лето поймал ее за шею и швырнул спиной на сетку ограды.

Восхищенные вопли толпы добавили адреналина в кровь, и без того кипевшую от боя.

Ошейники активировались снова, заставляя их пойти врукопашную. Вэйл пришла в себя, но ее копье было сломано. Она импровизировала с артистизмом опытного воина.

Урман вертел своими серпами, стараясь достать Нинн сбоку. Она парировала, насколько позволяла ей цепь, вскинув щит под острым углом. Агрессивность ее защиты компенсировала все недочеты техники. Даже Урман вынужден был отступить. Ровно на шаг, чтобы вновь набрать скорость и возобновить режущие атаки. Короткие волосы Нинн слиплись от пота в подобие игл, щеки блестели в свете прожекторов. Лето никогда не видел таких светлых глаз, как у нее, — сияющих диким азартом, словно подсвеченных изнутри новым оттенком пламени.

Ошейники включались и выключались, снова и снова. Цепь, соединившая его с Нинн, не позволяла Лето войти в привычный ему ритм боя. Но были моменты, потрясающие моменты, когда он знал, что победа у них в руках.

— За спину! — крикнул он Нинн.

Она подчинилась. Сразу же. Лето коротко улыбнулся.

— Хватит с тебя рукопашной. Старайся не попасть под булаву. Не опускай щит. И выдай уже свои Драконом драные фейерверки.

Как только дар вернулся вновь, Лето сосредоточился на сдерживании обоих противников. Не стараясь их поразить. Просто удерживая подальше от Нинн. Цепь на ноге казалась ему продолжением тела. Вначале он думал, что Нинн станет всего лишь помехой. Теперь полагался на нее и ждал от нее силы, которой еще не знала эта арена.

Разряд молнии сорвался с серпов Урмана. Лето принял удар на щит. Электричество прошило его левую руку.

— Лето?

— Онемела. Не слушается.

Урман атаковал снова, но Лето сумел уклониться. Он был рожден в клане Гарнис. Он был достаточно быстр, чтобы обогнать молнию.

Вэйл закричала — атаковала их звуковой волной. Даже без дара, одного только голоса было достаточно, чтобы оглушить Лето с его обостренным слухом. Она разорвет его барабанные перепонки до конца этого боя. Он собрался парировать удар копья, но глина под ногами поддалась. Ноги заскользили. Лето принимал удар за ударом, ловя их на щит онемевшей, почти парализованной руки. Движениями щита управлял только плечевой сустав. Ни грации. Ни точности. Но он удерживал позицию и готов был остаться на ней до утра, парируя копье Вэйл.

Потому что спину его обжигал жар. Вначале Лето принял его за очередную вспышку молнии Урмана, готовую отделить еще часть его нервов от мозга. Но Урман упал на глиняный пол. С мечом Нинн, насквозь прошившим бедро. Дракон подери, когда она только успела?

Жар нарастал. Маленькие фейерверки искр взрывались то тут, то там. Водопад света.

Нинн.

— Ложись! — закричала она.

Лето ударился коленом о пол Клетки. Вскинул щит, прикрывая голову и шею. Чистый инстинкт. Взрывная волна впечатала его лицом в глину. Резкий крик прорвался даже сквозь шум толпы. Он застонал от боли и этого невозможного звука — звука, с которым Нинн снесла крышу Клетки. Толпа вопила от восхищения и паники. Даже в эпицентре хаоса Лето не мог не испытывать отвращения к этим лицемерным людям.

Вы же хотели увидеть наш бой. Вот как мы бьемся.

Прожектора на восьми опорах Клетки взорвались. Арену теперь освещал лишь шипящий и искрящийся дар Нинн.

Лето рискнул приподнять голову и улыбнулся. Широко, не сдерживаясь. Урман все еще лежал на спине. От его бедра поднимался дым, там, где огненный шторм коснулся меча в ране. *Побеждает сильнейший Тигони.* У Урмана не было ни шанса. Вэйл дрожала, прислонившись к столбу опоры. Сжимая в руках два огарка, которые раньше были ее копьем. Ее глаза превратились в два круглых диска. Если бы ее грудная клетка не содрогалась от яростных попыток вдохнуть, Лето принял бы ее за труп.

Он обернулся, чтобы поздравить свою напарницу, но обнаружил, что та тоже не удержалась на ногах. Нинн рухнула навзничь на глиняный пол. В центре ее щита зияла огромная дыра с обуглившимися краями.

Цепь все так же соединяла их лодыжки.

Он бросил оружие, поднялся на колени и намотал слабину цепи на предплечье, к которому понемногу возвращалась чувствительность. Подхватил Нинн под мышки. Приподнял ее. И тряс, пока Нинн не ахнула. Ее глаза уже не сияли чистым серебром, но странное разноцветное свечение осталось в них. Поблекло. Возможно, было потрачено на удар. Но от него все так же перехватывало дыхание.

— Не могу, — она закашлялась и чуть не упала. — Не смогу идти.

— Еще как сможешь, — сказал он низким и страстным голосом. — Я не стану нести тебя, неофит. Ты должна подняться сама. Чтобы принять их аплодисменты.

Это была самая громкая овация, которую Лето когда-либо слышал.

Глава 20

Нинн могла лишь цепляться.

Лето практически удерживал ее на весу. Толпа что-то одобрительно вопила, Нинн не могла разобрать все оттенки и волны шума.

Она держалась за его потные напряженные плечи, пока судья снимал кандалы с их лодыжек.

И с трудом, с огромным трудом, удерживалась на грани безумия.

Она могла сосредоточиться только на том, что выжила. Более того, победила обоих противников. Пендрей по имени Вэйл хромала прочь из клетки, а ее напарник — какой-то Тигони, чье имя вылетело у нее из головы, — покидал Клетку на каталке, которую увозили люди, похожие на медиков. Меч Нинн остался на полу рядом с местом, где лежало его тело.

— Оставайся со мной, — прорычал Лето. — Выключишься, и я найду, какие еще куски души можно из тебя вытащить. Стой на ногах и веди себя как чемпион, Дракон тебя подери.

Он выбрал тот самый тембр, который Нинн различала даже в хаосе обезумевшей толпы — тон, который казался ей гипнотическим и которому она была не в силах сопротивляться. Она кивнула. Его рука поддерживала ее за спину, и Нинн смогла заставить онемевшие комки ваты на конце своих ног вновь стать ступнями. Ступнями в сапогах. Сапогах на разбитом полу. Лето все еще хмуро смотрел на нее. Как победитель может казаться настолько недовольным и злым? Впрочем, в ее случае победитель был готов сблевать и рухнуть на глиняный пол.

Это был не Лето. Это была не она.

Она схватила его за руку и вскинула подбородок.

— Я же говорила тебе. Потрясающе.

Его губы дернулись.

— Значит, теперь я могу доверять твоим словам, неофит?

Она не хотела отпускать его голое плечо и не разжала пальцев. Жест не был вынужденным, она удерживала его из чистой жадности. Ей хотелось чувствовать его гладкие мышцы и пульс крови под пальцами. Его глаза на миг закрылись. Нинн поднялась на цыпочки, и ее голос заглушил эхо толпы, метавшееся по залу Клетки.

— Я больше не твой неофит.

Лето внезапно отпустил ее и закружил по Клетке с победным воплем, еще более мощным, чем тот потрясающий рык, с которым он предстал перед толпой в начале матча. Каждый его шаг был наполнен силой, мышцы на бедрах напряглись. Его спина была высокомерно прямой. Расправленная грудь казалась еще шире благодаря подогнанному доспеху. Булава очерчивала стремительные арки.

Показуха. Однако Нинн наслаждалась каждым ее мгновением не меньше аудитории Лето.

И только когда он повернулся, встретил взгляд Нинн и отшвырнул булаву, она смогла ощутить дрожь того, что можно было назвать предвкушением. Он зашагал к ней и остановился в нескольких дюймах от ее тела.

— Ты не ошиблась. Ты больше не мой неофит. Но ты будешь моей. Сегодня.

— А как же все то надменное дерьмо насчет «ты сама придешь ко мне»?

Они смотрели друг на друга. Трепет чего-то иномирного, невероятно сильного, вновь замерцал от контакта их взглядов. Нинн хотелось моргнуть, чтобы избавиться от странной помехи, но ощущение было слишком приятным.

— Так ли уж важно, кто кого выбирает? — Низкий голос Лето буквально гудел силой под стихающим шквалом аплодисментов, как землетрясение, готовое вот-вот разорвать землю. — Мы победили вдвоем.

— А если я выберу кого-то другого?

Вместо того чтобы продолжить свои показательные угрозы — способные еще больше впечатлить всех, кто ставил на его победу и обожал его открытую силу, — он облизал нижнюю губу.

— Тогда мне придется тебя переубедить. Или же ты убедишь меня своим выбором, что за тебя не стоит драться.

— Но я того стою. Я стою победы и боя.

Она сказала это с уверенностью, которой никогда не выказывала раньше.

Ноздри Лето раздулись от долгого глубокого вдоха. Мускулы нижней челюсти напряглись, приводя в движение и татуировку змеи на висках.

— Да.

Этот момент показался ей прыжком веры в чистый дым, в надежде, что дым ее удержит. Нинн последовала за Лето к выходу из Клетки. Ее тело и разум болели почти одинаково. В ней до сих пор звенела неописуемая жажда насилия. Но если она чего и хотела от Лето из клана Гарнис, так это стащить с него доспех и сцепиться в схватке совсем другого рода. Она хотела избавиться от странной нервозности, от чего-то не поддающегося определению, что мешало ей связно мыслить.

Она вышла из Клетки как раз вовремя, чтобы увидеть, как Лето стоит лицом к лицу со Стариком. До сих пор Лето, говоря с главой клана Астеров, демонстрировал лишь уважение. Но сейчас...

— Не подпускай его к ней, — сказал Лето с уверенностью и силой. — И не постесняйся спросить у него о причинах.

Улыбка похожего на скелет Старика не угасла. Даже не дрогнула.

— Ты забываешься.

— Ты сам нас в это втянул.

Лето даже не стал ждать возражений от Старика, он просто повернулся и зашагал прочь от арены. Нинн теперь не только чувствовала себя запутавшейся, она начала подозревать, что ее партнер сошел с ума. Шагая за ним следом, она не удержалась и обернулась на патриарха Астеров. Тот продолжал улыбаться. Мурашки поползли по ее рукам, холод огладил спину.

Не подпускай его к ней.

Пережитое в бою не шло ни в какое сравнение с тем, как ее мозг сбивался на самых простых мыслях.

— Непорядочки в раю, — раздался голос из-за ее плеча.

Нинн обернулась на почти неразлучную пару, Харка и Тишину, которые готовились к своему бою. Ей самой только раз довелось драться с Харком. Он, как всегда, откровенно плевал на окружающих, подкрепляя свое отношение довольно едкими и наглыми шутками. Нинн встретилась с Харком в тренировочной Клетке на свой третий или четвертый день в комплексе. И ему даже не пришлось копировать ее дар, чтобы оставить ее униженной и избитой. Его каштановые волосы были прошиты светлыми прядями, которые неуместно смотрелись в подземном мире. Словно их место было... на пляже. На пляже. Слово казалось незнакомым, но она знала, что оно подходит.

Тишина что-то шепнула ему на ухо, и он рассмеялся. У него был громкий смех, широкая улыбка и очень большой ниг- нор в правой руке. Левой рукой он обнимал Тишину за тонкую талию, так, словно этой женщине действительно могла понадобиться защита. Любая. Хоть когда-нибудь.

— Поведай мне, — сказал Харк. — Раз уж ты у нас обладаешь уникальным знанием.

— Уникальным?

Улыбка Харка была заразна. Не будь Нинн в таком отвратительном настроении, она бы уже поддалась его обаянию.

— Ты провела с великим Лето из клана Гарнис больше времени, чем мы, вместе взятые. И никто не может припомнить, чтобы под его присмотром неофит добился таких успехов.

Осознание его слов проникало в нее медленно, как вода в камень, капля за каплей.

Лето. Неофит. Добился. Успехов.

— В основном, — продолжал он, — он готовился биться, рассчитывая только на себя. Ты, похоже, стала для него особым проектом. Это значит, что ты уникальна. И, как его самый глупый ученик, я не могу не поинтересоваться... Ты хоть раз видела его настолько дерзким по отношению к Старику?

Нинн сглотнула готовый ответ. Она сама отметила эту странность. На каком-то глубинном уровне она понимала, что это как-то связано с ней. Эти два воина, с их странными шепотками — при обезоруживающей улыбке Харка, которая сама по себе была оружием, и спокойной, оценивающей неподвижности Тишины — явно знали что-то, чего не знала она. И она ненавидела их за эту насмешку.

— Доброй охоты, — выдавила она из себя в ответ.

Снова шепоток между ними. Снова взаимная улыбка. Объявили их имена, и оба они развернулись к Клетке. Харк вскинул два пальца к брови, салютуя. Нинн страстно желала, чтобы ее ошейник выключился и она смогла их обоих поджарить.

Несмотря на дезориентацию в лабиринте незнакомых коридоров, ей удалось найти оружейную. Лето стоял спиной к двери, что обеспокоило ее еще больше. Он был не из тех, кто поворачивается спиной к потенциальной угрозе. Бойцы вроде Хелликса и

представители чужих картелей все еще были в комплексе, этого было достаточно, чтобы он оставался начеку. Вместо этого он опирался ладонями на стену, словно пытаясь ее оттолкнуть. И опустил голову. Если бы Нинн не опознала его доспех и приметную татуировку, она бы могла подумать, что ошиблась и это не он.

Но... Это был Лето.

— Какой клинок мне стоило выбрать? — тихо спросила она. После шума арены все казалось странно приглушенным.

— С позолотой.

— Почему?

Он оттолкнулся от стены и взял в руки упомянутый кинжал.

— Он достаточно тонок, чтобы гнуться наподобие хлыста — полосовать, а не рубить.

— И какой урок я должны была усвоить, выбрав не тот кинжал? Что, шансы без этого были недостаточно плохими?

Лето взмахнул клинком. Воздух разошелся со свистом, словно молекулы рассеклись под ним, как чужая кожа.

— Теперь ты знаешь, что способна победить, даже когда условия неидеальны.

— О, можно подумать, ты был просто счастлив оказаться со мной на одной цепи. Я же видела, как ты злишься.

— Это была не злость. — Он отшвырнул оружие, и кинжал со звоном полетел под металлическую скамью. — Это было унижение.

— Мы победили.

— Да.

Она сглотнула. Вздохнула. И приготовилась задать следующий вопрос, как готовятся к полноценной схватке со щитом и мечом.

— Что ты сказал Старику? Ты выглядел... наглым.

— Я больше не буду скован. Никогда.

Это не было ответом на ее вопрос. Это было утверждением, словно он принял какое-то решение.

Не подпускай его к ней.

Что он имел в виду?

Она осмелилась прикоснуться к его ошейнику, зная, что рискует потерять руку. Опасность расходилась от него волнами, как от готового взорваться баллона с бензином. Взрыв мог случиться в любой момент, и Нинн совершенно не представляла, что может его спровоцировать. Были ли правдой его сексуальные обещания в Клетке? В текущий момент оставалось надеяться только на них.

Отчего ее положение казалось совершенно пассивным. Она хотела, чтобы он сдержал свои открытые, резкие обещания. Ее тело было на взводе, на грани отчаянья, на грани голодного желания, которого она никогда не испытывала.

Но пока она смогла лишь коснуться его ошейника.

— Ты давно привык к цепям. Я думала, что твои чувства достаточно остры, чтобы это понять. Как ощущается этот вес на шее. Как вспыхивает удовольствие, когда ты входишь в Клетку, и это жуткое приспособление выпускает тебя на свободу. — Металл ошейника был теплым от жара, которым пульсировало его невероятное тело. Подушечки ее пальцев покалывало от удовольствия. Она не касалась его кожи, но прикасалась к тому, что стало почти что частью его тела. — Лето из клана Гарнис, кем бы ты был без этого?

Его глаза оставались пустыми. Без эмоций. Без отклика.

— Я был бы лучшим воином Клетки.

* * *

Лето надеялся, что возвращение домой сотрет беспокойство минувшего матча — не оставлявшее его ни до боя, ни во время, ни после. Возвращение должно было стать простым. Выпить гопиша. Выбрать женщину из тех, кого Астеры держали специально для таких случаев. Высвободить накопившееся напряжение.

Но рассчитывать на привычную рутину не приходилось. Вначале его ждала церемония инициации Нинн. Затем... сама Нинн. Да, он хвалился тем, что она сама придет к нему, но относительно этой женщины он не был уверен ни в чем. В конце концов, он никогда не думал, что обратится к Старику так, как сделал это после боя. Впрочем, важности слов это не умаляло. Что бы ни сделала Улия с разумом Нинн, эффект не удержится, если доктор Астер продолжит давить на телепатический блок. При встрече с ним Нинн инстинктивно схватилась за меч. Еще пара контактов, и ее психика может просто не выдержать.

И подобная перспектива не должна была бы беспокоить Лето на таком личном уровне. Ему приказали всего лишь помочь Нинн пережить три первых боя. С одним она справилась. Осталось еще два. Мысль о том, что Нинн может сойти с ума в процессе, лишь добавляла ему беспокойства.

Их возвращение в барак было встречено громкими криками и поздравлениями. Лето принимал пожелания удачи от знакомых воинов и даже от тех, кто не был выбран для сегодняшнего соревнования. Тишина и Харк победили в своем матче, Хелликс и Фам тоже. От их злорадства Лето только сжимал зубы.

По узкому коридору, ведущему к бараку, они прошли в общий зал, где уже рекой тек голиш. Лето не снял доспеха. И не собирался до самого душа в своей квартире, которым закончится этот вечер. Некоторые воины уже помогли друг другу отмыться в общей бане, но Лето терпеть не мог эту практику.

Впрочем, доспех он оставил сознательно, не по привычке. Слишком много неудобств доставляла реакция его тела на Нинн, особенно в этой общей зале, где освещение было мягче, почти приглашающим — в отличие от промышленных ламп в человеческом крыле. Зал был местом привычного отдыха, в те редкие часы, когда воины позволяли себе расслабиться.

Она вымылась и переоделась в чистый тренировочный костюм с шелковой подкладкой под кожаными пластинами. Короткие светлые волосы блестели при свете ламп, крошечные капельки воды срывались с кончиков слипшихся прядей. Он попытался вспомнить ощущение длинных прядей, скользящих между его пальцев — ее прекрасных длинных волос, которые пришлось состричь по необходимости — и проклятые чувства его подвели.

То, что она помылась и смогла переодеться в чистое, означало, что ей уже показали новую комнату в бараке. Он все еще нес за нее ответственность, но степень его доступа изменилась. Нинн стала воином Клетки и сама могла определять распорядок дня, сама могла выбирать, с кем ей тренироваться. Он больше не распоряжался ее временем.

Лето выпрямился на скамье и провел пальцами по недавно остриженным волосам. Он не должен был беспокоиться, не должен был ее хотеть, не должен, Дракон подери, рваться сейчас на части.

Это следовало прекратить.

— Поздравляю, Нинн из клана Тигони, — сказал он.

Комната стихла при первых же звуках его голоса. Он наслаждался своим влиянием уже почти двадцать лет. И лишь сейчас, встретившись взглядом с той, чей статус был самым низким в их группе, он ощутил, что его сила дала осечку. Нинн смотрела на него бледными, настолько бледными глазами, что их голубые радужки казались скорее светом,

чем цветом. Веснушки придавали глубину и подчеркивали красоту ее золотой кожи, а уверенность расправленных плеч и прямой спины говорила сама за себя.

Она победила.

— Кажется, мы все предвкушаем твою инициацию. Со времен Харка еще никого не признали здесь равным.

Лицо Нинн было совершенно спокойным, противореча яростному свечению глаз. Она буквально смеялась над ним. Он это видел. Влияние, сила, которую он привык принимать как данность, с каждой минутой терялась в ней, в этой яркой женщине, которая заставила его чувствовать. Он слишком долго ничего не чувствовал.

— Осторожнее со своими желаниями. — Харк сидел бедро к бедру с Тишиной. На нем была футболка с короткими рукавами, остаток гардероба, который он привез с собой, когда вызвался участвовать в боях. Тишина отрешенно поглаживала шрам в виде полумесяца на внутренней стороне его руки. Лето никогда особо не задумывался о том, почему Харк служил Астерам, но теперь заметил. Полумесяц был свидетельством свадебной традиции Сат, известной как Ритуал Шипов. Он спустился под землю не для того, чтобы платить долги или выслуживать себе услуги. Он спустился, чтобы жить вместе со своей женой.

— Почему это? — спросила Нинн, выдергивая Лето из задумчивости.

— Инициация — не самый приятный процесс, — ответил Харк. — Я вопил, как мальчишка, а не как мужчина. Хоть и пытался вопить, как мужик. Пытался потягаться с местными бычками, но мне не сравниться с их уровнем тестостерона. Приходится дразнить их тем, что секс у меня чаще, чем раз в месяц.

Тишина едва слышно вздохнула, словно ее раздражала его болтовня.

— Я ничего подобного не хочу, — Нинн вздернула подбородок и смерила шутника холодным взглядом. — Но сейчас это моя привилегия. Мое право.

— Да просто не получится, — прошептал Харк Тишине. Он вертел в руках два осколка черного камня, пытаясь соединить их вместе, как части трехмерной головоломки. — Ты же понимаешь, да? Физически невозможно.

И только когда Тишина закатила глаза и отобрала у него камни, он развернулся к Нинн.

— Ладно, хочешь ты того или нет, больно все равно будет. Потому что эта штука охренитепьно болит.

Ламот, еще один старик, давно ушедший на пенсию из Клеток после многих лет работы на Астеров, принес свое оборудование. Уверенность Нинн снова дала слабину, и она взглянула на Лето. Он встретил ее у кресла, где Ламот готовил иглу и чернила.

— У меня есть татуировка, — Лето не мог вспомнить ощущение ее шелковистых волос и не мог позабыть, как ее пальцы скользили по коже его головы. — Теперь она будет и у тебя. Эмблема Астеров.

— Где?

— По твоему выбору.

Она приподняла брови, глядя на его короткую стрижку.

— Разве не было больно?

Ее глаза завершили несказанное вслух. *Разве не было больно... учитывая твой дар?*

— Харк тебе не соврал. Наша физиология означает, что метод татуировки должен быть агрессивнее, чем у людей. Больше похожим на шрамирование при участии чернил.

— И это в награду за то, что я раскатала Вэйл?

— Новичкам везет, — отозвалась Вэйл из угла.

Нинн смерила ее ледяным взглядом.

— Победа — это победа.

Женщина прочистила горло и вернулась к своему разговору с Фамом.

— Выбирай. — Ламот указал на свое специальное кресло, оборудованное разнообразными зажимами и ремнями. — И садись.

Она взглянула на кресло с заметным беспокойством, но с ответом не медлила ни секунды.

— На лопатке. Левой. Чтобы доспех не скрывал ее.

Ламот кивнул. Как только Нинн села, он закрепил ее ремнями в нужном положении, полностью обездвижив верхнюю часть тела. Лето опустился рядом на корточки. Взял ее за руку.

— Ты это заслужила. Дыши, так ты справишься с болью. Втяни ее в себя. Ты уже сделала и пережила куда худшее.

Береги ее.

Улия, дважды-злобная ведьма из Индранан, сказала ему эти слова. Он хотел бы списать это на странное бормотание сумасшедшей старухи, но не мог. Часть его, становящаяся все сильнее, не хотела отбрасывать этих слов.

Однажды она будет выпущена из плена. Он перестал сомневаться в том, что Нинн сможет пережить одиннадцать месяцев и вернуть себе сына. В тот день ее освободят от ментального блока, который хранит ее разум, оставив при ней дар Дракона. И когда она очнется, она обнаружит, что золото ее кожи испорчено новым шрамом от Астеров — их змеей на плече.

Он начал подниматься.

Нинн вцепилась в его запястье.

— Не надо. Останься.

— Останусь. Буду дышать с тобой, помнишь?

Лето больше не беспокоило, кто что услышит и какие сделает выводы о его отношениях с неофиткой. Она больше не неофит. Она теперь его протеже. Его партнер. Его задача — ее защищать. Защищать и от будущего, в котором знак Астеров запятнает ее навсегда. Он с гордостью носил символ их дома, но Нинн скорее срежет себе всю кожу, чем сможет смириться с позорным клеймом.

Он снова сжал ее пальцы и высвободил свою руку. Ламот уже приготовил паяльный пистолет и ампулу чернил. Лето шепнул ему на ухо:

— Не змею. Сделай ей метку Дракона.

Глава 21

Лето держал бутылку голыша у ее губ, но Нинн отказывалась пить. Переносить боль ей удавалось куда лучше, чем пережить унижение от того, что ее стошнило перед ее новыми товарищами. Крепкий напиток лишил бы человека сознания после первой пары унций, но Нинн и другим Королям Дракона — им нужно было пить его, как воду, чтобы ощутить хоть какой-то эффект алкоголя. Теплая отрешенность от собственного тела начала подниматься от пальцев ног все выше и выше. Плечо оказалось одной из последних частей тела, поддавшихся этой анестезии.

— Я хочу быть в сознании, — сказала она Лето, который сидел рядом с ней на коленях. Резкие черты его лица не расслаблялись с момента выхода из Клетки. В глубине его глаз Нинн рассмотрела что-то вроде заботы. Он смотрел на нее так, словно ничто не

имело значения, кроме возможности убедиться, что она не просто выживет, а станет сильнее.

Снова.

Она лежала грудью на широкой плоской детали кресла, похожей на закругленную столешницу студенческой парты или... «Джек?..» — пробормотала Нинн.

Первый ожог раскаленной игры болью прошил мысли. Она прикусила нижнюю губу, ощутила вкус крови, втянула воздух через нос. Она не будет кричать. Всего несколько часов назад она была скована с Лето, и они оба смогли победить. В их мире не было места слабости.

Но это не означало, что боль будет проще терпеть. Она пыталась отдернуться. Ее тело хотело решать само за себя. Неудивительно, что Ламот привязал ее к этому странному креслу. Те, у кого были хоть какие-то сомнения в получении знака товарищества воинов, сбежали бы от первого прикосновения жалящей иглы.

Ремни удерживали ее торс, но оставляли свободными руки. Маленькое утешение. Она не хотела отпускать руки Лето. Он был потрясающим мужчиной. Его впечатляющий, идеально подогнанный доспех больше не блестел, но потеки глины и крови лишь добавляли жизненности. Этот доспех был не только для видимости, он отражал природу надевшего его бойца. И шрам на верхней губе служил еще одним доказательством. Нинн вспомнила шрамы на спине Лето, тянувшиеся вниз под перекрещенными ремнями доспеха. Чтобы оставить шрам Королю Дракона, требовалось немало усилий.

У нее были шрамы.

— Откуда у меня шрамы?

Глаза Лето слегка расширились, но он тут же вернул себе бесстрастность. Сжал ее руки, слегка встряхнул их, словно пытаясь восстановить чувствительность, а не помочь ей отвлечься от боли.

— Сосредоточься. Дальше будет только хуже.

— Я не хочу терять сознание.

— Именно этого ты захочешь. Очень скоро.

Ремни впивались ей в поясницу и плечо. Второе плечо, после первоначального шока, постепенно превращалось в очаг агонии. Запах горящей плоти заставил ее поморщиться, словно это был не ее собственный запах.

— Нет. Я не хочу отключаться. — Она зашипела и содрогнулась. — Я уже отключалась, когда... Лето, откуда у меня шрамы?

— У всех воинов есть шрамы.

Она застонала, проглатывая крик.

— Как ты получил этот? С твоими-то реакциями.

— Голиш. Пей.

— Нет.

Она пыталась найти другие зацепки, чтобы отвлечься. Остальные воины возобновили расслабленное празднование, но некоторые то и дело поглядывали на нее. Проблески интереса. Любопытство, которое невозможно было скрыть разговорами. Что же это за инициация, если те, к кому она присоединялась, воспринимали ее шрамирование как привычное развлечение? Только Тишина не пыталась скрыть интереса. Она склонила голову набок и не сводила своих странных черных глаз с иглы, которая пронзала плечо Нинн бесконечными ожогами. Что не так с этой женщиной? Сосредоточенный взгляд и ничего не выражающее лицо — ее спокойствие делало Тишину похожей на ожившего манекена.

И все же у нее был партнер. Харк принадлежал ей, а она принадлежала Харку.

Нинн зажмурилась от резкого укола зависти, по силе не уступавшего ярости татуировочной иглы.

— Ты хочешь, чтобы я хорошо справилась, — шепнула она. Ему. Только ему одному. — Со всем.

— Конечно. Твой успех...

— Не надо. Даже отбросив логичные причины, ты все равно хочешь, чтобы я справилась. Почему?

Он покачал головой.

— Не знаю.

— Тебе и не нужно.

Голиш пробирался по ее спине. И вместо приятного онемения, которому она бы обрадовалась, заставлял ее сердце биться быстрее. Она словно покидала свое тело на волне паники, и паника казалась знакомой, почти ощутимой — какой-то старый страх, с привкусом железа и лайма на языке поверх крови из прокушенной губы.

— Мне не нужно, — тихо ответил Лето, хотя ей вполне могло и послышаться. Все казалось приглушенным, темным и словно размытым. Перед глазами плыли оттенки угля и глины. — Но я за тебя в ответе.

— Не хочу уходить. — Пытаясь рассмотреть что-то сквозь мешанину темных цветов, так непохожих на ее чудный дар, она заметила, как лихорадочно цепляется за руки Лето. Костяшки ее пальцев побелели. Они ведь не могли замерзнуть, касаясь его теплой кожи? — Они его заберут. Если я уйду, они его...

Она содрогнулась и икнула от неожиданной вспышки боли, которая никак не была связана с ожогами и раскаленной иглой.

Лето освободился от ее хвата и взял ее лицо в ладони.

— Ты меня видишь? Нинн, посмотри на меня.

Она была так далеко, что гипнотическая сила его голоса не достигала ее. Однако властность осталась. Он ее обучал. Он доверял ей настолько, что бился с ней бок о бок. Она не понимала, что происходит — здесь, в комплексе, и в ее сознании, — но понимала, что он говорит. И, что важнее, она отвечала на его голос.

— Ты хотела этого, — сказал он. — Ты хотела знака, который покажет, кто ты и чего ты добилась. Никто, никогда не отнимет его у тебя.

Она улыбнулась, чувствуя, что губы ее не слушаются.

— Ты бы попробовал, если бы думал, что это заставит меня слушаться.

Лето не улыбнулся в ответ. И не расслабил удерживающих ее рук — большие пальцы на ее висках, остальные зарылись ей в волосы и поддерживают подбородок.

— Нинн, ты слушаешь?

— Да, сэр.

Он кивнул. Едва заметно. Но прямой взгляд не отпускал ее глаз. Он удерживал ее даже взглядом.

— Засыпай и помни, что это последний раз, когда ты теряешь чувствительность. Я не допущу подобного впредь. Вся боль будет только твоей. И удовольствие тоже. Я обещаю.

Она снова улыбнулась, чувствуя себя пьяной, обмякшей, ускользающей.

— Ты обещаешь мне удовольствие? — Слова путались и звучали не так, как она хотела. Совсем не так. Текучими, слабыми, приглашающими.

Он приблизил губы к ее уху. *Никто больше нас не услышит,* подумала она. И, несмотря на их совместные усилия, она теряла его в подступающей темноте. Лишь несколько слов прорвались к ней сквозь туман.

— Да, Нинн. Я обещаю тебе удовольствие.

Лето едва не ссутулился от облегчения, когда Нинн отключилась.

— Никогда раньше такого не видел, — между делом отметил Фам. Он развалился на скамье с бутылкой голиша в руке. Три пустых бутылки стояли у его ног. — Ты уверен, что она одна из нас? Вот при этом?

Лето поднялся, чувствуя, как ноют мышцы ног от незнакомого перенапряжения, и уставился на Фама сверху вниз.

— Уверен.

Ответная реакция его не интересовала, и Лето развернулся посмотреть, как продвигается дело у Ламота.

— Почти закончил, — сказал старик. — Но... — Он кивнул в сторону Фама. — Парень прав. Я никогда не видел такого сопротивления. Большинство начинает хихикать от выпивки до первого укола иглы. Я даже слышал, как говорит Тишина.

Женщина заметно вздрогнула, и это была самая сильная ее реакция из всех, что Лето видел вне боя. Харк приподнял брови. Он по-прежнему широко улыбался. Язык тела напряженной Тишины явно давал понять, что так или иначе, а кто- то за это поплатится.

— Да ну? — Вэйл подалась вперед, упираясь в колени. — И что она сказала?

Улыбка Харка не изменилась ни на миг.

— Она сказала: «Заткнись на хрен, Жнецово убоище». А, нет, это я сказал. Сейчас. Тебе.

— Вон! — Рык Лето эхом отразился от стен. — Все вон. Немедленно.

— Кому-то нужно больше личного времени с нашим новым чемпионом? — Лето, которому и без того хватало причин для бешенства, развернулся и увидел Хелликса, прислонившегося к дверному проему. — Мне кажется, что твоя комната подойдет немного лучше. Или ее. Я слыхал, что без нее ты бы сегодня не справился.

Харк собрал свои вещи, прихватил последнюю бутылку и зашагал прочь, Тишина последовала за ним. Даже Вэйл, все еще раскрасневшейся от наглости Харка, хватило здравого смысла последовать за ними.

— Воин, который бьется в паре, побеждает и терпит поражение вместе с партнером, — ответил Лето. — Я хочу, чтобы ты ушел.

— Значит, ты не хочешь, чтобы тебе напоминали об очевидном. Шрамы от моего кнута отметят ее не хуже любой татуировки.

Лето чувствовал себя бесстрастным, как камень, и неподвижным, как ледяные реки. Хорошо. Любая другая реакция стоила бы Хелликсу головы. Пришлось представить, как он хватает нигнор Харка, дробит череп Хелликса и молит Дракона о том, чтобы этот ублюдок очнулся и можно было повторить удар.

— Не тебе поднимать тему шрамов. Сколько им пришлось прижимать тот нож к твоей коже? Надеюсь, тебе было больнее, чем Нинн.

— Не надейся. Твоя девчонка вопила так, что у всех в этом комплексе встал.

Да, Лето определенно собирался оставить Хелликсу пару постоянных отметин. Когда-нибудь. Но только когда Нинн сможет стать свидетельницей происходящего и получить заслуженное удовольствие.

— У тебя не все в порядке с головой.

— Подождите. Что это? — Фам пробрался к Ламоту и хлопнул того по спине, согнувшейся над плечом Нинн. — Дракон? Это не делает ее Астером.

Другие воины вернулись. Даже Тишина нахмурилась. Перевела взгляд с татуировки Нинн на лицо Лето. Вэйл тихо выругалась на выдохе и привычным жестом пригладила свои встрепанные волосы. Харк откровенно зевнул, но даже это не помогло ему скрыть вспышки откровенного удивления.

Фам занял свое обычное место рядом с Хелликсом, отчего сразу же показался еще слабее. Пародией на воина.

— Тебе отвечать за это перед Стариком. Он велит Хелликсу содрать эту штуку с ее плеча все тем же кнутом. И не могу сказать, что мне не нравится перспектива.

— Старик — не твоя забота, — ледяная река все еще удерживала Лето, и к лучшему. — Ты закончил, Ламот?

Старый Король Дракона выключил свой паяльный пистолет и вытер с него потеки чернил и крови. Несколько секунд все смотрели на татуировку, не двигаясь и не произнося ни слова. Идеальное изображение Дракона. Не огнедышащего монстра из мифов клана Пендрей, и не змееподобное создание с огромной головой и длинным языком, как представляли его в клане Гарнис. Тигони, с их склонностью заигрывать с людьми, видя в тех источник своей долговременной силы, дошли до того, что изображали Дракона в виде женщины по имени Медуза.

У каждого клана была своя интерпретация.

Однако это... татуировка на плече Нинн была истинным Драконом. Рисунок сочетал в себе элементы мифологий всех Пяти кланов, смешанные в единое идеальное существо.

— Черт, у меня от него волосы дыбом, — Харк покачал головой. — Откуда он знает?

— Заткнись, Вор, — ответила Вэйл. — Или мы спросим, откуда ты знаешь. У твоего рода слишком уж много секретов.

— Я не старейшина Сат, хотя не отказался бы пару дней им побыть. Только представь, сколько тайн нашего рода я мог бы узнать. — Он наклонился к Вэйл, которая была значительно ниже. — А какие секреты хранят Пендрей?

Она вызывающе вскинула рыжие брови.

— Как избавляться от тел Королей Дракона, и в этом нам нет равных.

— Уходите, — сказал Лето. На этот раз не повысив голос. — Ламот, ты тоже. Благодарю за работу.

Вздорная и раздражающая толпа потянулась к выходу. Некоторые не без фанфар. Лето решил не думать о последнем услышанном вопросе Фама, обратившегося к Хелликсу: «Как думаешь, он трахнет ее до или после того, как она проснется?»

Сжав кулаки и стиснув зубы, Лето остался один. Только звуки его дыхания и очень-очень тихих вдохов и выдохов Нинн разбивали тяжелую тишину. Он не хотел больше ее пугать. Голиш, по словам Ламота, был неплохим. Лето и сам не раз пользовался его эффектами. Однако в случае с Нинн онемение от алкоголя сыграло плохую шутку с барьерами, которые Улия возвела в ее мозгу. Напомнило о наркозе? Ужасы лаборатории возвращались к ней, осколки воспоминаний заставляли перепуганно сглатывать.

Откуда у меня шрамы?

Джек...

Он надеялся, что выпивка притупит боль и не даст воспоминаниям вернуться. Предположение оказалось неверным настолько, что теперь он не знал, какая из версий Нинн очнется в этом кресле. И не сотворит ли ее расколотое сознание совершенно новую личность.

Он встряхивал руки, пока все кости, сухожилия и ткани не начали работать, как должно. Нужно было надежно закрыть в подсознании все инстинкты, чтобы не изувечить

Хелликса прямо сейчас. Лето осторожно расстегнул ремни, которые удерживали Нинн на кресле. Она мягко ткнулась ему в грудь.

И в этот момент он впервые пожалел, что в свое время не снял доспех и не принял душ. Ему бы понравилось ощущение ее тела, мягко прижавшегося к его груди. Между ними было слишком мало нежности. Неважно, насколько сильно он хотел ее саму, больше всего он жаждал нежности, на которую Нинн, он знал это, была способна.

Лето погладил ее по виску, стирая пот. Ее глаза были закрыты, лоб и брови расслаблены. Прокусы на нижней губе уже начали заживать. Этот признак ее страданий и боли лишь подчеркивал невозможную красоту Нинн и ее поразительных губ. Она была слишком бледной, неестественно бледной, и веснушки на ее носу складывались в созвездия.

Он никогда не видел созвездий, только слышал сказки о них от матери.

Лето из клана Гарнис. Полный смешных и странных идей. Его мозгу не было места в теле, если это тело хотело выжить. Пэлл не окажется в безопасности. И ему не придется биться в Конфликте, чтобы помочь ей продолжить их род.

У него никогда не будет собственных детей.

Почему мои сестры, но не я?

Движения, которыми он поднимал Нинн с кресла, вышли грубее, чем он задумывал. Она все так же прислонялась к нему, и в таком положении он ясно видел ее татуировку. Лето чертовски хотелось, как Харку, спросить у Ламота, откуда тот мог так подробно узнать об идее Дракона. Она принадлежала всем кланам, и в то же время по сравнению с ней другие представления казались намеренно искаженными.

Но при всей своей странности этот вопрос должен был подождать. Сейчас его беспокоила только Нинн. Он начинал беспокоиться о ней. Настолько, что не хотел, чтобы ее навсегда пометили знаком людей, которых она презирала — и которых однажды вспомнит.

Более эгоистичный мотив заключался в том, что она бы не простила его, допусти он подобное.

Его оскорбляли и раньше. Воздух вокруг был пропитан вонью нереализованной злобы, зависти, ярости, большая часть которых была направлена на него. Быть чемпионом означало вызывать уважение и страх, однако последний при первой возможности обращался против него же.

Но беспокоило его не это, а возможная ненависть Нинн.

Он покачал головой, поднимая ее с кресла. Все казалось бессмысленным. Она ненавидела его все минувшие недели тренировок. Она ненавидела его, когда он обращался с ней как с лабораторной грязью, смотрел, как она одевается, срезал ее волосы. Она ненавидела его, когда он использовал Килгора в качестве наказания. Почему теперь все было иначе?

Потому что он стал уязвим.

Ему нравилась компания Нинн, когда она была неофитом. Он видел в ней вызов. Еще больше ему понравилось стоять рядом с ней, как партнеру. Никто другой никогда не держал его в темноте за руку, никто другой не нуждался в его поддержке.

Она не торопилась убраться с его дороги, прекратить разговор, отказаться от прикосновений к нему. Прикосновений к нему. Как он мог не открыться этой женщине? Сейчас он размышлял о возможных способах этого не делать. Потому что однажды, когда она будет свободна от ментальных блоков и воссоединится со своим сыном, она будет ненавидеть его так же сильно, как Астеров.

Ему нравилось, что она здесь. Забрасывая ее на плечо и шагая в направлении своей комнаты, он наслаждался знанием того, что они разделят постель — тихо поначалу, ей ведь нужно исцелиться и выйти из ступора после голыша. И страстно — после.

Он обещал ей удовольствие. И он обещал ее беречь.

Что касалось ее тела, оба обещания было легко сдержать. Но как насчет разума? Не сойдет ли она с ума, когда вновь станет прежней? Его Нинн исчезнет. А Одри МакЛарен никогда его не простит.

Глава 22

Нинн просыпалась медленно, невероятно медленно. Поначалу работал только ее мозг, и была лишь темнота под закрытыми веками. Она и не подозревала, что у нее настолько тонкое обоняние. Там, где она оказалась, ее окутывали запахи мужественности — кожа, металл, мускус. Не просто мужские запахи. Запахи Лето. Она чуяла его с такой невероятной ясностью, словно все клетки ее тела были созданы для того, чтобы втягивать его аромат, смаковать все нотки, наслаждаться ими, как ароматом крови воина, которого вскоре победит.

Теперь, осознав, что он рядом, она отчаянно хотела, чтобы ее оставшиеся чувства вернулись. Как можно скорее. Что же вернется первым? Первым вернулся вкус, о чем она почти сразу же пожалела. Кровь жгла язык листовой жестью. А поверх нее ощущались сладкие остатки голиша, который отправил ее в этот кошмарный тоннель, где тело и мозг разлетелись в разных направлениях.

Прекрати это. Хватит.

Она хотела услышать его, увидеть его, почувствовать.

— Нинн.

Она едва не замурлыкала, услышав звуки своего имени. Вернулось еще одно чувство. Она могла его слышать. Более того, теперь она знала, что он рядом. В его голосе звучал тихий гром и отдаленные ветра. Стихии. Он был сильнее, чем человек, сильнее даже, чем просто Король Дракона. Она хотела снова услышать, как он произносит ее имя, и представлять движения его губ, выговаривающих каждую букву.

Ее окутало теплое чувство. Защищенность. Она была в безопасности, которой не чувствовала уже... память не хотела поддаваться. Или не могла. Какая-то темная сила не позволяла заглядывать далеко в прошлое. Нинн предпочла раствориться в комфорте момента и не думать о том, каким странным вышло ее пробуждение.

Теплота сместилась. Его руки. Он касался ее, кожей к коже, возможно даже телом к телу. Чудесное тепло окутывало ее от щеки до пальцев ног. Она лежит рядом с ним? В его комнате? Она вздрогнула, и он привлек ее ближе.

— Нинн, возвращайся.

С первой попытки ее голос прозвучал только хрипом. Она сглотнула, ощутила резкую боль — и почти мгновенно вслед за горлом отозвалось болью почти все тело — и попыталась снова.

— К тебе?

— Да. — Он погладил ее по лбу. — Возвращайся ко мне.

Большие, уверенные ладони гладили ее руку. Она растаяла от ритма прикосновений. Она, похоже, лежала рядом с ним, а то и на нем, потому что по мере возвращения чувствительности к ее телу она все больше ощущала его тепло. Она прижалась поближе, и он ответил. Уверенные поглаживания его пальцев расслабили ее напряженные мышцы. Широкие ладони двигались по ее телу к бедрам.

— Дай мне причину вернуться, — выдохнула она. — В темноте безопаснее.

Он поцеловал ее в висок. От того, что этот яростный несдержанный мужчина оказался способен на такой мягкий поцелуй, она зажмурилась, ощутив на ресницах слезы. Она не помнила, когда в последний раз ощущала такой уют, и не помнила, когда в последний раз плакала. Ненормально, вопил тонкий голос в дальнем углу сознания. Невозможно.

Вспомни.

— В темноте безопаснее, — она повторяла это, пока сама не поверила своим словам и не решила спрятаться во тьме навсегда.

Еще один поцелуй.

— Но я не могу увидеть твои глаза.

Нинн застонала. Нечестно. Так чудесно и так нечестно.

— Открой для меня глаза. — Его дыхание гладило ей висок. Словно новая форма прикосновения. Еще один способ ее приласкать. — Я хочу увидеть твои глаза и понять, что ты хочешь быть здесь.

— Где?

— В моей постели. В моих руках. — Эти самые руки слегка прижали ее к себе, словно напоминая ей о его силе. Стук его сердца все ускорялся по мере того, как лились слова. — Я хочу прикасаться к тебе снова и снова. И не ограничиваться прикосновениями. Но я не собираюсь этого делать, если голиш все еще отравляет твои мысли и не позволяет сказать «нет».

— Я не скажу «нет».

— Тебе нужно смотреть мне в глаза, когда говоришь это.

Она осознавала все больше подробностей. Что у него обнажена грудь. Что он лежит на спине. Что она лежит на боку. Осталась ли на нем одежда? А на ней? Трепет от того, что она может оказаться обнаженной в его постели, послал щекотные ручейки электричества в остаток ее онемевших мест. Она была Тигони. И обладала даром собирать электричество. Она представила себе, как этот дар способен возродить ее тело.

И медленно открыла глаза, готовясь к рези под веками от яркого света. Но в комнате было почти темно. Никаких ламп дневного света. Никаких голых ламп накаливания. Детали проступали с той же неторопливостью. Мягкий блеск привлек ее внимание. Ночник в дальнем углу мягко подсвечивал висящий на стене доспех. И три других доспеха рядом с первым, все разных очертаний.

Они висели... На краю узкой кровати.

Помимо раковины, сундука и пары флаконов с гигиеническими средствами в комнате не было ничего. Пустота. Недостаток декораций лишь подчеркивал, что было главным для Лето из клана Гарнис. Его доспех. И работа всей его жизни.

Так почему же она в его постели? Ничто другое не имело для него значения. В этом жестоком месте не было места для отвлекающих факторов.

Возможно, именно поэтому они и лежали рядом в этой темноте. Это действительно было жестокое место. И если двое смогли выкроить в нем пару часов отдыха, к чему отказывать себе? Она хотела его. Ее тело — избитое, полное боли — жаждало его. И пока она обречена на выживание, вынуждена жить в подземной тьме, она вполне может позволить себе наслаждение, которые они способны друг другу подарить.

Обречена?

Вынуждена?

Дрожь страха зародилась в ногах и врезалась ей в основание черепа. Головная боль взорвалась не хуже ее разрушительного дара. Она застонала и прижалась лбом к груди Лето.

— Что случилось?

— Голова, — задохнулась она. — Черт.

Он сел, помогая и ей приподняться. Тьма была чернее черного под веками, которые она закрыла под наплывом боли.

— Опусти голову между колен. Наклоняйся.

Его смертоносные руки принялись нежно массировать тыльную сторону ее шеи. Нинн застонала снова, на этот раз от облегчения, которое он ей подарил. Боль полыхала пожаром в центре ее головы, но Лето заставлял ее отступить, забиться обратно в дальний угол. Вскоре он сместил свое внимание на зажатые мышцы ее шеи и плеч. И лишь когда он коснулся губами ее спины, тело Нинн очнулось и среагировало желанием, а не благодарностью.

Она поняла, что Лето оставил ей нижнее белье — обрезанный топ и простые хлопковые шорты. В тот миг она была благодарна за эту частичку личного пространства, пусть даже ноги Лето и обнимали ее. Он сохранял дистанцию и не прижимался пахом к ее заду. Она не знала, что это: проявление нежности или очередная попытка обращаться с ней, как со своей призовой зверушкой.

— Вставай, — хрипло сказал он. — Я отведу тебя в твою комнату. Тебе нужно поспать. Последние несколько дней были сложными для нас обоих.

В первый раз после того, как сознание к ней вернулось, она повернулась к нему лицом. Лето уже очень давно поддерживал ее. Присматривал за ней. Защищал ее от мира, который вгрызался ей в лодыжки и собирался пробраться выше, чтобы проглотить целиком.

Выражение его лица оказалось открытым, как никогда раньше. Напряжение мышц у рта исчезло, словно он только что выдохнул. Шрам на верхней губе уже не придавал ей высокомерного вида, лишь делал ее мягче и уязвимее. Нинн почти что видела момент нанесения раны — и свое желание оградить его от боли — вместо жуткого шрама, оставленного ему ударом. Морщинки у постоянно напряженного рта разгладились. Он выглядел моложе. Сильным, да, но без ощущения давящей ноши.

На нем были почти такие же шорты, сшитые из той же хлопковой ткани, похожей на грубое домотканое полотно. Грудь, которая обычно была скрыта доспехом, теперь была обнажена. Она всегда знала, что у него потрясающее тело, но увидеть его своими глазами было невероятно. Она не знала, на что смотреть в первую очередь? Сильные грудные мышцы под медной кожей, припорошенной темным волосом. Широкие плечи, оплетенные мышцами, толстые бицепсы и мощные шнуры сухожилий его запястий... Он сидел, слегка согнувшись, и в этой позе мышцы его пресса казались оригами, свернутым из плоти. Бугры и связки четко отслеживались на его ребрах.

Ей хотелось пройти зубами по каждому выступу и впадинке его тела. Она хотела попробовать его силу на вкус. Пусть между ними осталось так много несказанного, но она не могла подсознательно не касаться его. Кончиками пальцев в колыбели его мозолистых ладоней.

Его глаза казались темными и отрешенными, он вновь поднимал щиты, которые она так отчаянно хотела разрушить. Почему ей так важно выяснить его личность?

Он мне небезразличен. И я хочу знать, что представляет собой мужчина, который мне небезразличен.

Обеими руками обхватив его подбородок, она заставила Лето поднять взгляд и встретиться с ней глазами.

— Я заходила к себе только чтобы сменить одежду и вымыться. С чего бы мне засыпать там, если ты здесь? И почему мне вдруг понадобился сон?

— А твоя головная боль?

— Ты ее прогнал, — Она пожала плечами. — Эти приступы, они... Не знаю. Приходят и уходят. Вспышка, и все проходит через пару секунд.

Он медлил. Его губы сжались от странной эмоции, которую она не смогла опознать.

— Это многое изменит.

— А ты не любишь перемен?

В ответ он лишь хмыкнул.

— Лето?

Снова неопределенный горловой звук. Сейчас выражение его лица читалось проще, но она бы не отказалась от нескольких подтверждений.

— Ты чемпион, и сегодня у тебя есть право выбора, — сказала она, запуская пальцы в его мягкие коротко остриженные волосы. — Кого бы ты выбрал, не будь меня? Только не лги. Ты уже должен был понять, что я сумею распознать ложь.

— Никого.

Его голос был хриплым, как во время спарринга, но теперь его пронизывали совсем другие эмоции. Глаза, которые он наконец поднял на нее, были темными и пронзительными. Ее руки покрылись мурашками от желания, которое он больше не мог — или больше не хотел — прятать. Откровенное, чувственное предвкушение собиралось в ее животе и пульсировало — вверх, вниз, наружу, пока все ее тело не начало молить о поцелуях. Везде. Она хотела его грубый рот всеми возможными способами, какими только мужчина может удовлетворить женщину, и хотела ответить ему тем же.

— А я? Ты бы хотел, чтобы я выбрала кого-то другого?

— Нет.

От его первобытного рычания ее желание лишь усилилось. Она слишком долго боролась с ним. Она сражалась с ним рядом. Сейчас, будь это бой, они оба хотели добиться взаимной победы.

— И вот она я, смотрю на тебя. И делаю выбор, который никак не связан с голишеМу Дракон бы его побрал, и отголосками битвы. — Она подалась вперед и коснулась его губ своими. Нетерпеливые, жадные руки помогли ей сохранить равновесие, и она схватилась за его напряженные плечи. — И я говорю тебе, что не собираюсь сегодня спать, и ты не проведешь сегодняшнюю ночь ни с кем, кроме меня.

Улыбка чуть оживила мрачное выражение его лица.

— Я же говорил, что ты придешь ко мне.

Лето редко, почти никогда не пытался шутить, чтобы скрыть свои настоящие эмоции. Что, если выбранный ими путь разрушит ментальную защиту Нинн, и ее разум не выдержит?

И будет ли его волновать этот вопрос через пару секунд, если она не прекратит к нему прикасаться?

Она поднялась на колени и устроилась между его бедер. Кровать была узкой. И он всегда считал ее неудобной. Но теперь недостаток пространства обернулся неожиданным преимуществом. Он хотел, чтобы она оказалась еще ближе.

— Да, Лето. Я пришла к тебе. Ты победил. И поскольку я тоже чемпион, — сказала она ему в щеку, — мне нелегко признавать это вслух.

— Единственная победа, и уже подобное эго.

— Тебе же это нравится. Я такая, какой ты меня сделал.

И вновь он ощутил укол чего-то, похожего на вину. Он всего лишь пытался тренировать ее наилучшим образом, но в итоге ее успех зависел вовсе не от него. Ведь не он был ведьмой Индранан, способной перемешать ее мысли и сделать ее совершенно другой женщиной.

Но разве это снимало с него ответственность? Вина Улии была лишь частичной. Он мог бы оберегать ее жизнь так долго, как это потребовалось бы им обоим. Но вместо этого он пожелал создать идеальное отражение своего мастерства. Аплодисменты, которые она сорвала, затмили все его предыдущие победы, однако насладиться славой он смог лишь потому, что она была его творением.

Он пытался изменить ее и мало чем отличался в этом от доктора Астера.

Нинн из клана Тигони стала сильнее, стала уверенней, но она потеряла свободу.

И он не мог понять, почему это настолько его беспокоит. Он сам не был свободен, и это никогда его не волновало.

У нее есть сын. Ее мужа убили.

Если бы она об этом помнила, она не стояла сейчас на коленях между его бедер. И он бы не превращался в самого жадного ублюдка Драконьего рода, хватая ее за бедра.

— Вот так уже гораздо лучше, — сказала она ему в висок. — Покажи, что ты умеешь, Лето из Гарнис. Покажи мне.

Ее поза открывала ему великолепный вид на ее торс. Топ скрывал ее груди, но при этом поддерживал их, идеально подчеркивая. Ее соски напряглись. Они натянули ткань, с каждым вдохом и выдохом то поднимая, то опуская тонкий хлопок. Она вцепилась ногтями в его плечи. Ее мягкие пухлые губы приоткрылись. Она облизала нижнюю губу. И это полное чувственности приглашение послало поток крови к паху Лето. Он и раньше возбуждался рядом с Нинн — у него стоял, когда он накрыл ее своим телом в комнате Килгора. Но сейчас все было иначе, и совершенно не похоже ни на один призовой секс после боя.

Это было... близостью.

— Ты была права, — прохрипел он. — Я не люблю перемен.

Она подалась вперед, изменяя положение их ног, чтобы оседлать его бедра. Поднялась, опустилась и прижалась мягким изгибом бедер к доказательству того, насколько он ее хотел. Это доказательство вынудило его застонать, когда Нинн закрыла глаза.

— Мне нравится эта перемена. Всегда такой воин. Всегда такой твердый. — Она прижалась к нему бедрами. — Но это именно та твердость, которая нам сегодня понадобится.

Самоконтроль Лето сорвался. Он не мог сдерживаться за них обоих. Она хотела, чтобы он овладел ею. И он это сделает.

То, что было медленным пробуждением соблазна, стало грубее, быстрее. Он сорвал с нее топ так резко, что она ахнула. Возможно, рефлекс заставил ее скрестить руки, закрывая прекрасную обнаженную грудь. Он поймал ее за запястья и завел их ей за спину. Любая другая женщина — Дракон подери, любая другая женщина — сдалась бы от такой демонстрации его силы. Нинн не могла вырваться из его хватки, но у нее было другое оружие. Она оскалила зубы и выгнула грудь вперед.

— Тебе, — сказала она.

Какой вызов.

Лето потянул ее запястья вниз и назад, заставляя ее выгнуть спину. Поймал губами ее левую грудь и засосал. Без предупреждения. Без мягких поцелуев. Ее вздох потоком лавы обдал его тело. Она поводила плечами из стороны в сторону — в слабых попытках вырваться из оков его рук. Движения лишь подхлестнули его желание. Она никуда не могла деться, более того, она не хотела этого.

Ее плоть под его губами и языком была одновременно мягкой и упругой. Он играл языком с бусиной ее напряженного соска. Мягко поглаживал. Втягивал и лизал, догоняя темпом ее пульс. Каждая ласка вызывала разные звуки из ее горла. Он хотел выучить их и заставить ее повторять их снова. Он проложил языком теплую влажную дорожку к второй груди. Она застонала, когда он потерся грубой щекой по затвердевшему соску.

И снова попыталась вывернуться из его рук, вращая запястьями.

— Я хочу прикасаться к тебе.

Лето поднялся горячими поцелуями к ее шее, скуле, за ухо.

— И к чему ты прикоснешься сначала?

— К твоим бокам. Я хочу царапать тебя, пока ты не вздрогнешь.

— А когда вздрогну?

— Ты трахнешь меня. — Она нырнула вперед, чтобы поймать его губы в яростный поцелуй. Их страсть родила грозу между ними, с потрескиванием ее электричества и остротой его чувств. Столкновение. — Потому что я не хочу больше мягкости. Мягкость мы оставим на потом.

Он застонал ей в рот. Потом. Это обещание. Что будет еще время. И не одно подобное столкновение. Она выучит его стоны, его дрожь, так же верно, как обучалась движениям для боя.

Еще раз скользнув языком между ее губ, он отпустил ее руки.

Она не стала играть с ним. Нинн рванула ногтями по его бокам и бедрам. Он зашипел. Вскинул бедра. И ее ответный стон был именно тем, что он хотел услышать. Она была сильной, дикой — он никогда не думал, что у него будет напарница, которую он настолько захочет.

В которой будет нуждаться.

— Чувствуешь? — зарычал он ей в губы, хватая ее за ягодицы и заставляя опустить бедра. Прижался к ней. Ближе, начиная двигаться в ритме, который захватывал их тела. — Чувствуешь, насколько я тебя хочу?

Она запустила между ними руки. Горячие тонкие пальцы скользнули под резинку его трусов.

— Настолько? — Она обхватила пальцами его эрекцию. — Это все мне?

— Дразнишься, мерзавка, — сказал он с улыбкой, в которой боль смешивалась с подступающим экстазом. — Тебе показать, что я могу?

— Да.

Даже в дымке возбуждения Лето знал, что не сможет опрокинуть Нинн и войти в нее так, как он хочет. Ее поврежденная спина была еще слишком чувствительна. Она, похоже, забыла о том, что произошло в последние несколько часов, последние несколько дней, но он не мог забыть ее боль, как ни старался.

Вместо этого он использовал свою силу — он любил демонстрировать силу, когда дело касалось доминирования над этой женщиной — чтобы развернуть ее и поставить на колени. Стянул с нее шортики. И уверенно, властно запустил ладонь между ее ног. Она была

влажной. Влажной для него. Каждый раз, стоило ему подумать, что возбуждение достигло своего пика, находилась новая причина забыть о прошлых границах.

Нинн выгнула спину, как кошка, прижимаясь к его ладони. Они оба приглушенно застонали.

Лето стянул свои трусы и прижался к ее влажному входу. Она застыла. Он не дышал, склоняясь над ее телом. Свободной рукой он обнял ее за бедра. Она могла двигаться и вырываться от талии и выше, но бедра и то, что между ними, сейчас контролировал он.

Глядя на ее свежую татуировку, он боролся со своими опасениями. Он заставил их исчезнуть, отрешился, как умел на арене, отметая самые громкие вопли толпы во время боя. Сосредоточился на одной задаче.

— Ты хотела, чтобы я показал тебе, — нетерпеливо прорычал он в ямку за ее ухом. — Вот что мое. И это наша награда.

Глава 23

Одним мощным толчком бедер Лето заполнил ее. Нинн закричала, выгнулась, подалась навстречу, чтобы принять больше. Она не помнила мужчин, которые были до него, — то, как глубоко он проникал, пульс его сильных движений заполнили все ее мысли. Ее хватило лишь на то, чтобы прижать ладони к стене над изголовьем постели. Он не сдерживался. Она видела, как он дерется, видела, как он раньше сдерживал свой характер. И то, и другое требовало силы. Разных видов силы.

Теперь вся эта сила была направлена в нее. Когда он подавался назад, ей хотелось заплакать. Потеря его твердой длины словно отнимала у нее кислород. Но он выходил не надолго. Удар сердца, и он уже возвращался туда, куда она хотела, где жаждала его, — рывок, бедра к бедрам, внутрь до упора. Она горела. Она скользила. Она жаждала. Каждый толчок отправлял ее все выше, все ближе к чистому животному наслаждению. Ей хотелось потерять остатки рассудка. Ей хотелось, чтобы Лето заставил ее кричать.

Склонившись над ней, он посылал жаркие вспышки удовольствия по ее спине. Волосы на его груди щекотали ей кожу. Он дышал хрипло, быстро, часто, в ритме своих движений.

Он прижался губами к ее виску.

— Скажи мое имя.

— Лето.

— Скажи, что тебе это нравится.

— Дракон подери, Лето. Мне это нравится.

— Скажи, что хочешь еще.

— Еще, — задохнулась она.

— Однажды я сломал тебя. — Его темп ускорился, бедра напряглись. — И я сломаю тебя снова.

— Неправда, неправда, неправда. — Слово показалось правильным. Подходящим их страсти. — Моя очередь. Я сломаю вас, сэр.

Он сместился, чтобы выпрямить спину. Сильная рука схватила ее за глушащий ошейник и потянула. Она не могла не прогнуться в ответ. В таком положении она была уязвимее. Остаток самоконтроля, позволявшего ей ответить, испарился. С Лето, для Лето, она сама желала избавиться от контроля.

Но и этого было ему недостаточно. Он хрипло выругался, отпуская ее ошейник, и обеими руками вцепился ей в бедра.

Она обернулась через плечо и увидела, как его лицо превращается в хищную маску. Он смотрел вниз, туда, где их тела соприкасались. От напряжения, с которым он

удерживал ее бедра неподвижно, его грудные мышцы казались еще рельефней. Его грудь блестела он пота. Рот был открыт. С каждым движением внутрь из его широкой груди на выдохе вырывался стон.

— Смотри на меня, — сказала она между двумя вспышками наслаждения, которое все нарастало внутри. Она была живой оболочкой своего дара — светящейся, готовой взорваться. — Лето.

Возможно, она выучила пару его приемов, потому что этот резкий приказ заставил его мгновенно встретиться с ней глазами. Его зрачки были расширены. Он выглядел как бог, помешанный на разрушении городов. Их раса вполне подходила под описание. Но то, что они могли настолько яростно заниматься сексом, стало для Нинн откровением, сводящим сума.

Он уже не мог говорить. И она почти догнала его в этом. Но не собиралась уступать ему и потакать его хвастовству.

— Сломай меня. Попробуй. У тебя не получится. Тебя хватит только на то, чтобы кончить первым, прежде чем я получу удовольствие. — Она резко застонала, когда он двумя пальцами закружил вокруг ее клитора. — Ты слишком горд для этого. Ты сам себе не позволишь.

— Могу.

— Тогда кончи первым. Ты можешь... — Она снова ахнула, когда его пальцы скользнули к цели. — Можешь подумать об этом позже. О стыде, о поражении. Или можешь заставить меня просить тебя. Я хочу этого.

— Проси. Меня.

Она встряхнула головой и ткнулась лицом в его подушку. Вдохнула его запах. Вся комната пропиталась запахом Лето и запахом секса.

— Давай же, — прохрипел он.

Черт, так ей долго не продержаться. Его пальцы были умными, сильными, настойчивыми, его член двигался в ней, не оставляя ничего, кроме желания. Но ей тоже нужно было это. Нужно было овладеть им.

— Услышать мои мольбы. Этого ты хочешь сильнее, чем просто кончить.

Его раздражение добавило сил его телу.

— Да. Да. Давай же, Нинн.

Это была уже не игра. И это было несложно. Она потерялась в наплыве ощущений. Цвет смешивался со звуком и знанием того, что Лето ее поймал. Теперь они не могли прерваться, даже если бы захотели.

— Пожалуйста... A, bathatei. Лето, прошу. Заставь меня... я хочу...

Ее голос сорвался на вскрик. И этот крик превратил оргазм в низкий, протяжный стон удовольствия, которое расплавило ее нервные окончания и растворило все мысли.

Остались лишь чувства.

Толчки Лето стали рваными, короткими, он потерял контроль. Его руки тисками сжимали плоть ее бедер. Она обернулась за миг до того, как он запрокинул голову. Потрясающая красотой гора мышц напряглась. Он кончил со стоном и длинно выругался на выдохе. В последний раз толкнул бедрами, вызвав остаток искр ощущений у них обоих.

Все еще пытаясь отдышаться, он отстранился и тяжело опустился на матрас. А затем одним быстрым движением — как он еще мог двигаться? — подтянул ее к себе и обнял. Они оба сияли остаточным удовольствием, от которого, казалось, загустел даже воздух.

Нинн улыбнулась, уткнувшись в его грудь, и лизнула соленую кожу.

— Видишь? Теперь я сломала тебя.

Он пробормотал что-то неразборчивое и подтянул ее выше, чтобы взглянуть в лицо.

— Мы оба знали, что так и будет.

— Правда? Сомневаюсь. Ты слишком упрям.

— В таком случае, — сказал он, целуя ее в макушку, — я встретил равную.

Лето проснулся от дрожи. Какой-то сон. Остатки сна опутали разум, как липкая паутина. Двое детей. Один старше, и ему больно. Второй едва родился. Крошечный, с красным личиком, вопящий на этот мир.

Его кожа была холодной. Нинн так и спала у него на груди, но его ступни, ноги и рука слишком замерзли. Тепла ее тела едва хватало, чтобы не заледенеть.

Он хотел обнять ее крепче, хотел поднять с пола скомканное покрывало и укутать им их обоих так же надежно, как они прижимались друг к другу. Но он не сделал ни первого, ни второго, чтобы не разбудить ее.

Ее дар, яркий и невероятно красивый, был самым потрясающим опытом в его жизни. Но с каждым днем она отдавала ему все больше себя.

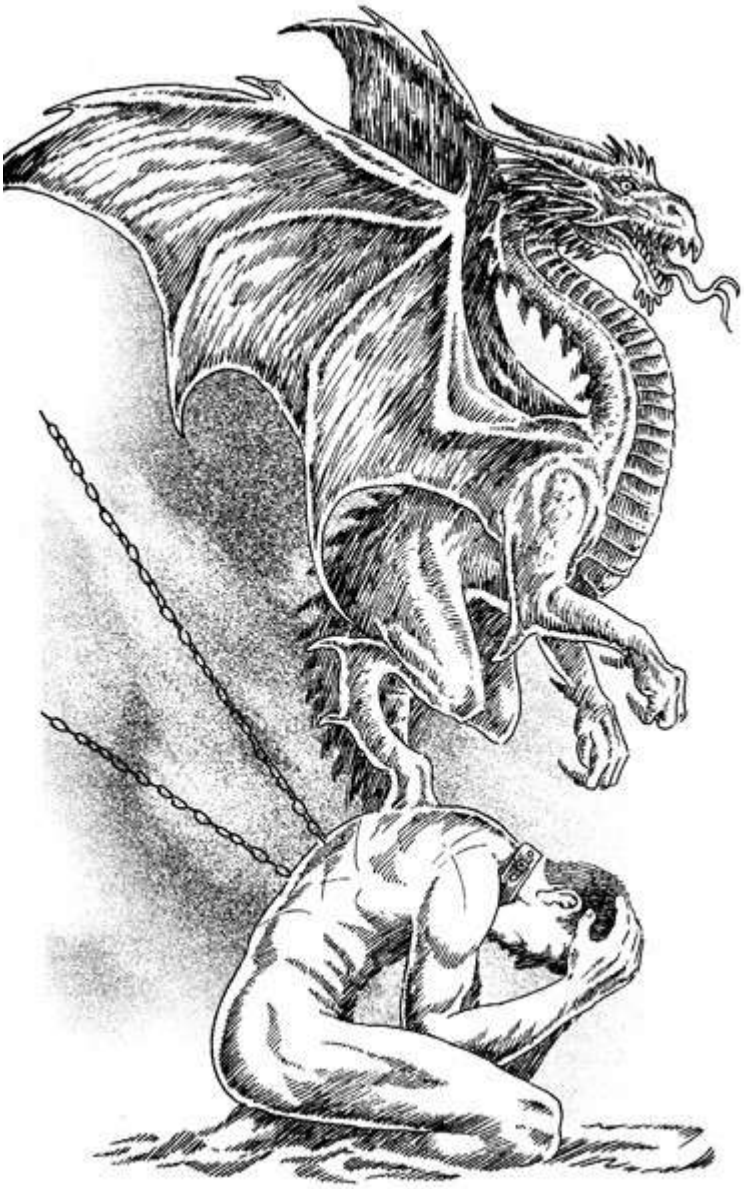
Сломал ее. Что за ложь? Она хваталась за все, что происходило с ней, и впитывала опыт, как он мог впитать силу удара. Вглядываясь в тени под потолком, Лето пытался вспомнить, когда же он сбился с пути.

Она становилась чем-то большим, чем просто рабыня Астеров, и она сводила его с ума.

Он прикоснулся к ошейнику и вздрогнул от очередного укола страха, пробиравшего до костей.

Лето из клана Гарнис, кем бы ты был без этого?

Кожа вдоль краев ошейника огрубела до состояния мозоли. Он размышлял о том, как будет выглядеть его шея без рабского украшения. Пытался представить, вспомнить, но даже в детстве он видел в зеркале шею в оковах ошейника. Он стремился следовать по пути отца, даже зная, что этот путь означает страдания, жертвы и в итоге — неминуемую смерть.



Лето должен был жить и умереть в Клетках.

Он покачал головой, закрыл глаза, но от правды было не скрыться: он больше не верил в это. Мало того, он не хотел в это верить.

Впервые за двадцать лет он вспомнил те крики боли — сорванный голос его матери, пробившийся хрипом в волны другого звука. Толпа вопила, как и всегда, радуясь поражению сильного. Его отца заставили выглядеть беззащитным, готовым подставить горло, как жертвенное животное. Его заставили выглядеть слабым, а Лето никогда не знал воина, который был бы сильнее. Который мог бы сравниться. Ни он. Ни кто другой. Долгие годы отец выдерживал бой за боем, завоевывал своей жене одну беременность за другой, пока не создал то, чем мог бы похвастаться мало кто из Королей Дракона: новую семью.

Кто еще мог платить такую цену каждый раз, входя в Клетку, целовать на прощание свою жену и детей, зная, что этот раз может стать последним? Кто еще мог оставить шрамы от хлыста на спине Лето, а вместе с ними все то знание, которое превратило его сына в лучшего из бойцов? Столкнувшись с такой же перспективой — выпороть Нинн, чтобы сделать ее сильнее, — он чувствовал себя так, словно с него заживо сдирают кожу. Сама мысль об этом была ему отвратительна.

Его отец был олицетворением чести воина.

То, что Лето ощущал, лежа рядом с Нинн, казалось эгоистичным и отвратительным, при сравнении. Его гордость была повержена в прах, но, возможно, и к лучшему. Слишком долго он наслаждался титулом чемпиона Астеров. Слишком глубоко проник вирус мелочной гордыни.

Он хотел выйти из тьмы.

И единственная личность, способная вывести его на свободу, лежала сейчас в его объятиях — и была не настоящей личностью. Она была искаженной версией женщины, которая когда-то была решительнее неотвратимого времени.

И где-то там, в коробке или камере лабораторий доктора Астера, был заперт маленький мальчик по имени Джек Мак- Ларен. А Лето помог стереть ту личность, которая готова была пройти сквозь Ад, чтобы спасти этого мальчика.

Нинн шевельнулась, добавив новый слой к окутавшему его холоду. Холод, сковавший его конечности, добрался до самого сердца.

Он с самого начала знал, что это неправильно. Знал же?

Нет.

Она была права. Когда говорила, что ему промыли мозги. И ему хотелось промыть их снова, начать сначала, нырнуть обратно в безразличное механическое существование, в котором ошибки не вгрызались в его нутро. В котором он был бы доволен, победив в сложном бою и трахнув красивую женщину.

И не гадал бы сейчас, кем он станет для Нинн, если она придет в себя. Если она снова станет Одри. Если она разорвется на части, с той же яростью, с какой ее дар взрывается фейерверком. Жизнь в темноте — это одно. А знание того, что его окружает и определяет — совсем другое. Он мог выдержать эту тьму и даже довольствоваться ею, но Нинн стала его партнером на благо ему же. Его разум смог коснуться Тишины и Харка. Осознать их комфорт. Их связь, их свет, их клятву.

Но кем он будет, если продолжит удерживать Нинн вдали от сына?

— Ты действительно отключился, — раздался мягкий ото сна голос.

— Хм?

— Я уже дважды тебя звала.

Лето открыл глаза и увидел Нинн, приподнявшуюся на локте, чтобы вглядеться в его лицо. Она коснулась его бровей. Он глубоко вдохнул. Наслаждение ее расслабленной, отдохнувшей красотой было одновременно болью и бальзамом. Он не должен был испытывать к ней чувств. Он должен был сделать ее тренировки сильнее, грубее, напряженнее — чтобы защитить свою семью. И ничего больше. Он и не представлял, что его способность к альтруизму распространяется не только на родных.

— И что происходит сейчас у тебя в голове?

Лето заставил себя улыбнуться.

— Ты изменилась настолько, что вдруг решила, будто в этой голове что-то есть?

— Изменилась? — Она нахмурилась, тонкие брови сошлись. — К лучшему, я надеюсь.

Он поддался желанию согреть их остывшие тела и подхватил с пола скомканное одеяло.

— Изменилась, — тихо повторил он.

— Нет, нет, — она стряхнула одеяло и поднялась с кровати. — Я хочу взглянуть на мою татуировку. Ее я, по крайней мере, помню. — Снова пауза. Снова нахмуренные брови. — Я по-прежнему...

Лето сел.

— Что?

— По-прежнему теряю время.

— А что ты помнишь?

— Тебя, отрывочно. — Она склонила голову и натянула мятые хлопковые шорты.

Он не смог противиться искушению, поэтому тоже поднялся и обнял ее со спины, застыв на середине комнаты. Ее дракон, казалось, светился в рассеянном свете.

— И что за отрывки?

Она повернулась и улыбнулась ему в подмышку.

— Как насчет картинки того, как ты кончаешь? Это шикарный отрывок.

— Ведьма, — прошептал он ей в волосы. — Расскажи про другие.

— Ты держишь мое лицо, а Ламот прожигает мне спину. Я хочу увидеть, что он там натворил. Мне кажется, я это заслужила, не так ли?

Оттягивать неизбежное он больше не мог. И кивнул.

В комнате было только одно зеркало, над раковиной, поэтому он снял со стены нагрудную пластину доспеха. Отполированную до такого блеска, что она вполне могла заменить зеркало. Нинн отобрала у него пластину и завела ее за спину. Осознание вызвало у нее тихий вздох.

— Это не змея.

— Нет.

Она присмотрелась.

— Это... Лето, что это значит? Это Ламот сделал?

— Нет, — повторил он мрачно, словно сообщая о чьей-то смерти. — Я ему велел.

Резко повернувшись, она швырнула пластину ему в руки. На ее лице читалась сильная, чистая ярость. За минувшие двенадцать часов он видел ее решительной, измотанной, торжествующей, испуганной, страстной. Сейчас она выглядела так, словно готова была содрать с него кожу и сшить из нее новый доспех.

— И почему же? Шутить о том, что я теперь такой же чемпион, как и ты, было здорово, но это уже не смешно.

— О чем ты?

Она ткнула пальцами в его виски.

— Об этом, Драконий ублюдок. Ты позволил ему прожечь мою кожу и при этом отказал в получении знака Астеров. Я до сих пор настолько плохой новичок, что не заслуживаю того, чего добилась? Я сражалась за них не хуже, чем ты.

Лето хотелось схватить булаву и разнести все вокруг в клочья. А затем начать снова и пройтись по тому, что не уцелело в первый раз. Он спас ее от вечного клейма семьи, которая разрушила ее жизнь, а Нинн превратила его поступок в какое-то мерзкое соревнование. Подобной насмешки судьбы хватило, чтобы пробить его решимость не изменяться.

Но изменения не оставляли его в покое. Первый же шаг в тренировочную комнату Одри МакЛарен стал первым шагом на пути к этому моменту. Важные события обычно редко удается распознать сразу.

Скажи ей правду.

Оберегай ее от правды.

Мышц и силы было недостаточно для решения этой задачи. Но их могло быть достаточно для того, чтобы сохранить ей жизнь и добиться цели, о которой она забыла. Теперь, что бы он ни сделал, ему не обнять Нинн. Она станет его врагом: об этом ясно говорило выражение ее лица. И осознание впивалось иглами в его суставы, пока любое

движение — вперед, назад, и даже просто попытка стоять на месте — не превратилось в боль.

Безопасность для ее рассудка — а со временем и безопасность ее сына — строились на превращении в ее врага. Она будет ненавидеть время в его компании, но она упряма, и эта ненависть сделает ее сильнее.

— Да, — слова падали тяжело. — Я запретил ему использовать символ семьи.

Единственным ответом стали ее раздувающиеся ноздри. Со спутанными волосами и все еще обнаженной грудью она сейчас выглядела как дикарка Пендрей, а не как женщина с королевской кровью Тигони.

— Значит, пойдем сложным путем, lonayip дерьмовый. Я буду драться рядом с тобой, чемпион, но в следующий раз не жди от меня предупреждений. Об использовании моего дара ты узнаешь только когда он швырнет тебя на пол и оставит лежать дымящейся кучей дерьма.

Она заслужила право на свою ярость. И он заслужил право на свою, вот только пока не знал, на что же ее нацелить.

Скрестив руки, он решил отступить на прежние позиции. На старое место. Он жил в этом комплексе достаточно долго, чтобы суметь почти убедить себя, что здесь его истинный дом — чтобы не ненавидеть то существо, в которое он превратился.

— И что это значит, неофит? — спросил он, старой насмешкой восстанавливая дистанцию между ними.

— Это значит, что, когда мы опять войдем в Клетку, ты будешь сражаться и против меня.

Глава 24

— Если ты согласен, — сказал Харк, этот вечно улыбающийся придурок, — то сегодня именно тот день.

Лето стоял в оружейной. И мысленно готовился к грядущему матчу, третьему и, наверное, последнему, в котором ему придется работать в паре с Нинн. На второй бой в Клетке, месяц назад, их сковали за запястья. Возможно, сегодня, чтобы добавить интриги, Астеры навесят цепь им на шеи.

Как выяснилось, драться бок о бок с женщиной, которая скорее поджарит его, чем поможет, было не слишком забавно.

Астеры знали. Они знали об их размолвке с Нинн, возможно, догадывались и о ее причине. Велев Ламоту изменить татуировку Нинн, Лето заработал двадцать ударов кнутом в исполнении одного из человеческих громил клана. И почти, почти пожалел, что кнут отдали не Хелликсу. Повернуться спиной к человеку, принять наказание от его рук было сокрушительным ударом по гордости Лето. Этот случай, три дня спустя после стремительной победы в паре с Нинн, лишь добавил трещин в стене его старых убеждений.

Его ценность определялась лишь последним успехом.

Во всем остальном он был и оставался для них рабом.

Нинн с течением этих недель продвигалась все дальше, сосредоточилась на своем задании и стала живым отражением жизни, которую вел Лето. Ее преданность людям, которые разрушили ее семью, была невероятна. Раньше она считала, что ему промыли мозг. Теперь мозг промыли ей. В буквальном смысле слова.

Он выпрямился и взглянул на Харка с высоты своего роста — прижимая кулаки к бедрам. Улыбка Харка играла на истончившихся нервах Лето.

— Согласен на что?

— Что сегодня именно тот день. — Он кивнул на Тишину, застывшую у стены. Ряд мечей и щитов отражал ее спокойное выражение, непроницаемые черные глаза и белые волосы. — Мы с Тишиной взяли от этого места все, что нам было нужно. Нашли, так сказать, иглу в стоге сена, что было сложно, но удалось. Что поразительно и приятно, учитывая работу на интуиции и результат. Так что теперь все зависит от тебя.

— Говори прямо. Сейчас объявят наш бой с Нинн.

— А, ну да, об этом. — Харк присматривался к паре серпов, словно готовясь сменить на них свой привычный нигнор. — Видишь ли, здоровяк... мы ваши противники. Я удивлен, что ты не заметил. И слегка разочарован. Твоя способность запугивать врага почему-то превратилась в тупую беспечность.

Лето моргнул. Он был откровенно удивлен. Как выяснилось, он настолько витал в облаках, ожидая увидеть Нинн в Клетке, что позабыл о проверенной и надежной рутине до боя. Такой неуклюжести он не позволял себе с тех самых пор, как перестал быть зеленым юнцом.

Однако никогда раньше ему не приходилось принимать решений, способных поломать ему жизнь. Он тренировался. Он дрался. Он побеждал. На этих трех китах раньше основывались его дни, ночи и даже сны.

Раньше.

Он давно перестал быть надменным юнцом. Нинн стала для него испытанием куда худшим, чем обыкновенное упрямство неофита. Она тренировалась и ненавидела его. Эта ненависть прорывалась в каждом взгляде и каждой ее бешеной атаке. Ее владение даром уже граничило с совершенством.

Совершенством и разрушением.

Его правая рука до сих пор пульсировала в том месте, куда пришелся полноценный удар ее электрической вспышки. Пять дней назад. Даже свежие отметины от кнута болели лишь пару дней. Что-то в ее даре обладало способностью пробираться под кожу и оставлять под ней очаги Драконом драного электричества. Которое болело, зудело и чесалось внутри.

— Значит, — сказал он, — будем драться. Надеюсь, что это не был твой способ просить о снисхождении.

Тишина прикрыла губы ладонью, но вокруг ее глаз разбежались веселые морщинки. Харк рассмеялся открыто.

— Мы никогда не выпрашиваем мелочь, а ты никогда не подаешь просящим. Так что нечего тратить время.

— Ты, видимо, знаешь, о чем говоришь.

— В общем и целом. Но не в этот раз. — Яркие голубые глаза внезапно растеряли идиотскую веселость и резко сосредоточились на цели, выдав безжалостного убийцу. Внимательного. Не совершающего ошибок. Лето по опыту знал, на что способен этот мужчина и как ему удаются импровизации. Но никогда не видел у него подобного взгляда. — Ты слушаешь, Лето из клана Гарнис? Мы знаем, что ты сможешь услышать, несмотря на эти Драконом драные ошейники. Слушай Тишину.

Лето взглянул на женщину, которая все так же стояла, прислонившись спиной к стене. Она опустила руку, наклонила голову и начала говорить. Вот только ее голос шелестел не громче вздоха. Лето потратил годы и развил в себе способность бороться с заглушающими свойствами ошейника. Он и подумать не мог, что однажды использует свой дар для того, чтобы различить слова в дыхании женщины.

Он не мог поверить тому, что услышал.

Нашли обе половины идола.

Дезактивировать ошейники.

Живое золото.

Ждали этого.

Выход на свободу.

План, который Тишина нашептывала ему в уши, а точнее прямо в мозг, вызывал лишь желание свернуть ее тонкую шею.

— И все это время вы это скрывали?

Она опустила взгляд, что означало завершение разговора с ее стороны.

Харк подошел ближе.

— Не все из нас куплены системой. Некоторые... — Он взглянул на свою возлюбленную. — Некоторые никогда не планировали остаться. Снаружи есть мир, и он до хрена привлекателен. Тебе, бесстрашному лидеру, предстоит впервые столкнуться с ним.

— Ты предпочитаешь планы, в основе которых лежит безумие?

— Нет, но есть ведь еще терпение. Мою жену действительно стоило бы так назвать.

Лето не мог осмыслить того, что они предлагали. Он должен был позаботиться о сестре. Это был последний бой, гарантирующий ему награду для Пэлл. Последние четыре месяца ее благополучие было главной его целью. С тех самых пор, как он впервые встретил свою новую неофитку.

Откажись, произнес в его голове глубокий, жадный голос. Ты не можешь позволить себе беспокоиться.

Он мог позаботиться о Пэлл. Он мог...

— А что насчет Нинн? — спросил Лето, прекрасно понимая, что все это время не мог выбросить ее из головы.

Тишина выбрала свой любимый щит с зазубренными краями. Харк пожал плечами и поднял самый тяжелый нигнор.

— У нее сейчас вместо мозга грязная лужа. Скажи, что у тебя есть способ с гарантией восстановить ее психическое здоровье, и мы не против. Готовы начать сразу после конца матчей.

Нинн все больше отдалялась от него. То, что однажды выпущено из рук, со временем трескается и рассыпается. Уже почти два месяца он жил с тенью той, кем она была раньше. Он поклялся беречь ее. Хотя телом она была в безопасности, он проклинал нагромождение воспоминаний, которые вились в серых тучах ее сознания. По ночам, засыпая в одиночестве в своей комнате, он просто вспоминал ее поцелуи, ее улыбку, ощущение ее тела. То удовольствие было потеряно навсегда. А осознание того, что подобное удовольствие вообще возможно, оставило на душе шрам, который Лето вынужден будет носить всю жизнь, поделенную между тьмой одиночества и ярко освещенными Клетками.

В часы бодрствования он продолжал наблюдать за ней. Искал хоть какой-то знак, способный дать ему подсказку для выбора нужного поведения.

Смягчилось ли выражение ее лица? Возможно, она простила его, и он сможет найти способ вернуть ее.

Вот Нинн нахмурилась, как бывало при возвращении старых воспоминаний. Возможно, она на грани, и скоро рухнут барьеры в ее сознании.

Но он не видел почти ничего, кроме шаров энергии, которые она гоняла по тренировочной Клетке. Все, что он знал, все, что он чувствовал, — лишь ее ярость. Она заслоняла все остальное.

— Нет. — Лето схватил булаву и щит, затянул кожаную петлю. — Мне это не нравится. И если вы попытаетесь что- то с ней сделать, я уничтожу вас обоих.

— Предпочитаешь оставить ее лунатичкой еще на десяток лет? — Харк снова улыбался, но эта улыбка была жестокой, а не шутливой. — Или до тех пор, пока ублюдки от Кавашима или Таунсендов не обезглавят ее на следующем Конфликте? Она умрет, так и не узнав почему. Ее мальчик...

— Откуда ты о нем знаешь? — зарычал Лето.

— Тишина и терпение. У меня есть партнер, Лето из клана Гарнис. Ты своего, похоже, уже потерял. Попробуй, скажи мне, что эти недели потеря не жжет твое мясо под кожей.

— Заткнись, гребаный Вор.

— А ты поскребыш Потерянных. — Харк шагнул назад и широко раскинул руки. В одной из них по-прежнему сжимая нигнор. — Какое подходящее слово. Потеряшка.

Тишина переводила взгляд с одного на другого, пока ее странный щекочущий голос не стал настоящим звуком:

— Я не хочу терять сознание. Так она сказала. Тебе.

Она впервые по-настоящему заговорила, и эти слова резанули Лето по самому сердцу.

Неразлучная парочка вышла. Харк на прощание бросил через плечо:

— Доброй охоты, друг мой.

Лето остался стоять, расправив плечи и выпрямив спину. Он тоже больше не хотел терять обретенное сознание. Слишком долго он жил на чистом эгоизме. После этого матча, когда Пэлл окажется в безопасности, он сделает то, что необходимо Нинн, — даже если для этого понадобится разорвать ее мысли голыми руками.

Он взглянул на свои руки. Покрытые шрамами. Мозолистые. Слишком много лет он истязал свое тело так, что оно не успевало регенерировать. Будь от грубой силы какой-то толк, он бы уже ее применил.

Нинн улыбнулась Тишине и Харку, как только они вошли в Клетку. Довольно мерзкой улыбкой. Которой, казалось, не место на ее губах. Она бы с удовольствием поменяла своего партнера на любого из этих Воров Сат. Лето из клана Гарнис был снова прикован к ней — пусть и не в буквальном смысле. Никто не вышел на арену, чтобы сковать их цепью. Она не знала, сможет ли выдержать еще один связанный раунд. Оказавшись в паре, они и аплодисменты получали в паре. Чемпион Астеров должен получать полный объем славы, когда выбивает своим электрическим даром весь воздух из легких противника!

Ей хотелось соскрести татуировку со своего плеча. Соскрести. Стянуть. Сорвать. Это был ее третий бой. Лето сражался за обещанные блага для сестры. Нинн хотела завоевать расположение Старика. И новую татуировку. Змею. Ту, что докажет ее право на место в рядах лучших воинов.

Она впервые нуждалась в победе.

Тысячи людей вопили от предвкушения сегодняшнего, финального матча. Нинн перекатывалась на пятках, вперед и назад, стараясь расслабить плечи. Лето хотел, чтобы она использовала тонкий и гибкий клинок с золотой отделкой. Поэтому она выбрала свой привычный, тяжелый и прочный кинжал, компенсируя его недостатки правой рукой. Она стала сильнее. Сильнее настолько, что сможет завоевать себе место в числе чемпионов Астеров.

Прозвучал колокол.

Выключились ошейники.

Бой начался.

Нинн добилась почти идеального контроля над своим даром, но сам процесс его использования был медленным. Накопить энергию. Высвободить. Она держалась сзади, выпустив Лето атаковать пару Воров. Она дождется своей возможности. И если правильно подгадает момент, ее напарник окажется в самом центре взрыва.

Лето был в неплохой форме. Быстрый. Очень быстрый. Стоило его глазам увидеть нужную цель, как тело уже оказывалось рядом. Булава вертелась, едва ли не оставляя инверсионный след.

Она встряхнула головой. Прижала пальцы к вискам. Иногда в голове у нее всплывали образы и слова, смысла которых она не понимала. Но только что она видела четкую картинку самолета в синем небе и белой полоски следа за ним.

Она жила в комплексе. Она теряла... ей не хватало... чего-то.

— Двигайся!

Нинн вздрогнула, приходя в себя. Предупреждение Лето пришлось очень вовремя. Она вскинула щит, встречая сокрушительную атаку Харка. Тот украл подвижность и скорость Лето. Нинн рухнула на спину, прикрывая щитом грудь, Харк прыгнул сверху — устроился на щите на корточках. И заглянув за кромку со своей вечной раздражающей улыбкой, произнес:

— Уверена, что не хочешь потерять сознание?

Нинн застыла с открытым ртом, она не могла говорить, не могла думать. Позволила своему телу включить рефлексы. Ошейники активировались снова, так что теперь в ход пошла сила против силы. Импульс и баланс щита позволили ей отшвырнуть Харка прочь. Вскочив на ноги, она увидела, как Лето уклоняется от щита Тишины.

Перерыв оказался коротким, ошейники отключились снова. Ее дар, приходящий и уходящий по приказу чужих капризов, был похож на погружение в воду — передышку — и новое погружение. Кто бы ни занимался сегодня пультом, он укоротил интервалы включений, видимо, чтобы компенсировать ее способности. Она никак не могла настроиться на его ритм. Стоило ей сосредоточить в себе достаточное количество энергии, как она снова теряла над ней контроль.

Нет.

Похоже, на этот раз виноват не ошейник.

Сат сговорились, воруя у нее силу. За синей вспышкой света и собственной алой пеленой ярости она различала хохочущего Харка. И Тишину, смотревшую... с сочувствием.

Крик Лето утонул в море чистой энергии. Сила врезалась в нее, как груша для сноса зданий. Затылок впечатался в одну из сторон восьмиугольной ограды. Нинн настигло острое чувство дежавю. Когда-то, очень давно, она выпустила все — и отпустила себя — и получила рану на затылке, точно так же врезавшись головой в опору.

А потом картинка пропала, потому что она начала кричать. Огонь копьем прошил ее тело. Она практически чувствовала, как металл доспеха растекается в мягкий клей. Или, Дракон подери, это плавится ее кожа. Нервы кипели и вопили. Ни облегчения. Ни воздуха. Ни возможности отличить верх от низа и жизнь от смерти. Легкие ощущались так, словно провалились сами в себя. Будь в ее теле тысяча костей, сейчас сломалась бы вся тысяча. Боль усиливалась до потери сознания. Она пыталась держать глаза открытыми, но не смогла.

И когда ее тело стало таким уязвимым, а мозг потерял любую защиту, сокрушительная сила обрушилась на ее череп.

Толпа? Клетка?

Лето кричал на Сат.

— Какого хрена произошло?

— Проверка, — ответил Харк. — Мы не можем полагаться на слабое звено.

Харк издевательски отсалютовал ему, и Лето взмахнул булавой, чтобы продолжить бой. Толпа вопила, подбадривая его.

— Лето!

Ее крик заставил его обернуться. Он игнорировал и Харка, и громовые призывы продолжить драку, опускаясь на колени рядом с Нинн. Приподнял ее голову и уложил к себе на бедро. То, что осталось от ее рассудка, смогло пробулькать лишь:

— Неудобная подушка.

Почему она в нем нуждалась? Зачем она прокричала его имя? Он был ее мучителем и тюремщиком. Но на защиту его обнимающих рук она среагировала дрожью. Его тело заставляло ее чувствовать удовольствие, облегчение, и это совершенно сбивало с толку.

— Нинн, открой глаза. Давай, лабораторная грязь. Открой глаза и посмотри на меня.

Она дернулась.

Лабораторная грязь.

Откуда у меня шрамы?

Лето склонился ближе, но понимания это ей не добавило.

— Я проиграл, — сказал он. — Мы проиграли. Эти аплодисменты достались Ворам.

— И что теперь с нами будет?

— Ты выжила. Таков был уговор. Теперь все зависит только от ставок самого Старика. — Он расстегнул остатки ее доспеха, который все еще шипел и дымился. — Но теперь мы узнаем.

— Что узнаем?

— Можно ли ему доверять.

Нинн попыталась его оттолкнуть, но Лето был слишком силен.

— Ты говоришь ересь.

— Он не бог, — прошипел Лето. — Он lonayip человек. Мы боги.

Мир выцвел до серого цвета, прожектора казались ей грозовыми тучами. Лето говорил какую-то чушь. Он до сих пор завидует? Нет... Они проиграли.

— Ты винишь меня.

— Ты идиотка. Получил он деньги на ставках или потерял, но Старик обещал мне позаботиться о моей сестре. Мне нужно было всего лишь сохранить тебе жизнь на протяжении трех матчей.

Он поднял ее на ноги, несмотря на протесты.

— Я справился.

Она оскалила зубы.

— Ладно, — ответил он, выпятив подбородок. — Мы справились. Если он сдержит слово касательно Пэлл, то может сдержать его и в отношении твоего сына.

— Моего...

Образы хлынули потоком. Мужчина, которого она любила... и кровь. Маленький мальчик. И крошечные ранки от игл. Она увидела свою мать, свой дом, исчезающий в ярком огне. Она вспомнила Малнефоли — годы его дружбы и поддержки, и решение, которое сделало ее изгоем.

Новые и новые воспоминания, на этот раз о плене. Унижения, ярость и обещания, которые, как она думала, смогут освободить ее сына. Жестокость и бесконечные часы

суровых тренировок. Лето должен был выковать из нее воина. Они стали любовниками — настолько близкими, насколько могут быть мужчина и женщина.

Половинки двух разных жизней с треском сошлись воедино, шипами вонзаясь ей в лоб и основание позвоночника. Она вспомнила вкрадчивый медный свет и голос, звучащий прямо в ее сознании. Голос змеи.

Улия. Телепат. Дар.

Все, чем она была, когда называла себя Нинн и Одри, было блокировано. Стерто в ноль.

Тьма могла заполнить ее сейчас. Она находилась на грани взрыва, она готова была расколоться на частицы света, как концентрированный шар ее дара. Она не могла... она не...

— Шрамы оставил мне доктор Астер, — запинаясь, выговорила она. — С Калебом МакЛареном я познакомилась в колледже. Он мой муж, и он мертв. Дракон подери, Лето. — Она вцепилась зубами в костяшки пальцев, чтобы не плакать навзрыд. — Я ненавидела тебя. Но я тебя не ненавижу. Ты... ты помог мне выжить. Сопротивляться Астерам. Для... ради... моего сына.

— Да. — Его взгляд был нетерпеливым, внимательным. — Решайся на этот прыжок, Нинн. Я поймаю тебя. Тебе достаточно произнести его...

— Джек. — Она закрыла глаза от новой волны боли. Белое и черное сплетались и исчезали друг в друге. Их не существовало. Осталась лишь боль потери чего-то неимоверно важного. — Как я могла забыть о нем? Как я могла?

— Сейчас не время.

— Не время?

— Поверь мне. Ради Чазма и Дракона, можешь ты мне поверить?

— Ответь, почему, Лето. У меня ничего не осталось. Дай мне хоть что-то узнать.

— Время придет, когда мы проверим, выполнит ли Старик свои обещания, — Лето подтянул ее к себе и поцеловал в висок. — Насчет моей сестры и насчет Джека.

Глава 25

Лето должен был вывести Нинн из Клетки и вернуть ее в комплекс до того, как новые раздражители заставят ее сознание схлопнуться. Даже сейчас, глядя на ее отяжелевшие веки, он видел ее готовность принять поражение.

Ее волосы слиплись от пота и крови. От таких ран человек был бы уже мертв. Взрывная волна. Удар о колонну затылком. Ее ноги заплетались, но пока еще удерживали большую часть ее веса.

Уведи ее отсюда.

Береги ее.

Этого он никак не мог сделать.

Победившие Тишина и Харк тихо стояли рядом. Они были хорошими воинами — больше, чем просто хорошими, потому что довели до совершенства разные виды самозащиты. Она — равнодушие взгляда. Он — ухмыляющийся идиотизм. Эти выражения стали для всех так привычны, что парочка много лет казалась послушными маленькими солдатами. Лето никогда не рассматривал их, как союзников, но сейчас вынужден был схватиться за лучший из вариантов.

Их план...

Старик вошел в Клетку, за ним проследовал доктор Астер с его зверушкой.

Толпа затихла.

Старику поднесли микрофон. Хриплый задыхающийся голос казался еще более зловещим, когда доносился из общих динамиков.

— Наш чемпион, Лето из клана Гарнис... Побежден!

И пока тысячи смаковали новизну ситуации, гордая, верная часть Лето превратилась в камень и рухнула ему в живот. Выход из Клетки только победителем был его целью. Когда-то. Слишком давно, он почти не помнил. Сейчас же он держал Нинн, балансирующую на грани обморока. Он протащил ее сквозь три боя, уворачиваясь при этом от ее ярости. Он преуспел в этом.

И все же смириться с отказом от минувшей славы было не проще, чем вырвать себе ребра. Ему нужны были ребра. Нужна была его гордость. А последнюю растоптали в пыль.

Громовые вопли стихли мгновенно, как только Старик продолжил свое злорадство. Возможно, это и был ответ на вопрос: злился ли он из-за поражения или радовался. Старик явно потерял часть дохода Астеров на ставках, и Лето вполне мог подписать себе смертный приговор на отборочном туре следующего Конфликта — Лето, который победил на всех этапах в возрасте шестнадцати лет.

Ему все же не хватало той, старой простоты. Биться. Победить.

Нинн застонала и закашлялась кровью.

Теперь все было совсем не просто.

Посреди всего этого хаоса Пэт с неестественной грацией зашагала по разбитому глиняному полу. Затянутая в ту же идеально подогнанную черную кожу от шипастого ошейника до плотно облегающих сапог. Чернильно-черные волосы в пугающем беспорядке спадали на ее лицо, уши, шею. Это не имело значения. Ее красота завораживала — недостижимая и холодная — но при этом пугала тем, что за этими идеальными чертами не было ни проблеска мысли.

Она склонилась над телом Нинн, касаясь, почти лаская ее сгоревший доспех.

— Какого... во имя Дракона..? — прошептала Нинн.

— Нет. Из-за Дракона.

— Кто ты?

Пэт сосредоточила свои зеленые глаза на Нинн.

— Чазм не исправлен.

— Ты говорила это и раньше. Я не понимаю. — Ее тело впадало в шоковое состояние, она начинала дрожать, цепляясь за Лето.

— Джек ждет тебя. Ничто никогда для нашего рода не будет прежним. Но ты снова сможешь его обнять.

Нинн странно всхлипнула и обмякла. Лето подхватил ее на руки. Что ж, хотя бы его силе нашлось применение, потому что мысли в мозгу казались мотком цепей и колючей проволоки. Он прошагал мимо Астеров к выходу из Клетки. Смех доктора тянулся за ним, как вполне осязаемая вонь.

Вонь лабораторий.

Как только безумие Клетки осталось за их спинами, Нинн очнулась. И начала вырываться, да так сильно, что они оба рухнули на бетонный пол дорожки к заднику главной арены.

— Скажи что-нибудь, — прорычал он.

Слишком многое на него свалилось. Он не мог осмыслить все и сразу. Поэтому решил на этот раз заставить ее ответить.

— Говори со мной, бесполезная ты женщина!

— Дай мне его убить, — она перекатилась на четвереньки. Дракон на ее обнаженной лопатке при свете коридорных ламп испускал свое, призрачное и прекрасное сияние.

Ее доспех погиб, но сталь в ее теле осталась.

— Он в Клетке. Прямо сейчас. И я его убью.

— Как и чем? Заплюешь его до смерти? — Он схватил ее подбородок без намека на нежность, которую проявила Пэт. — Тебе лучше побыстрей научиться играть в дурочку.

Не знаю, что там сейчас происходит в твоей голове, но в мыслях у тебя явный кавардак. Я прав, не так ли?

— Да. Во всем. Я не... это словно автомобиль врезался в мой мозг.

Лето выдохнул.

— Храбрая девочка.

— Я сейчас вообще ничего не понимаю.

Он подумал о том, что слишком устал, слишком уязвлен тем, что его гордость сгорела дотла, но выдавил кривую улыбку.

— Значит, мы снова партнеры. Я тоже ничего не понимаю.

— Она сказала, что Джек меня ждет.

— Ни хвоста Драконьего это не значит. Она у доктора как дополнительная конечность. Что бы она ни сказала, это лишь то, что он хотел через нее передать.

Он поднялся на ноги. Ему удалось спасти Пэлл и остановить самоубийственный порыв Нинн. Пострадай хоть одна из них, и он бы обрушил свою ярость на Тишину и Харка. Их план, все, что они предлагали, было призывом к полнейшей анархии. А то, что они сделали в Клетке, лишило его возможности выбирать самому.

К лучшему.

Он никогда не умел подстраиваться под перемены. Все это знали. А теперь его мозгу приходилось работать со скоростью, на которую было способно в бою его тело. Он перестал быть чемпионом Астеров, и его будущее стало туманным. Он знал лишь то, что Нинн смогла вспомнить о сыне. Это слегка смягчило ту постоянную боль в груди, с которой он проходил несколько месяцев.

Лето притянул ее к себе, чтобы соприкоснуться с ней лбами.

— У нас мало времени, — сказал он. — Нам нужно добраться до автобуса и вернуться в комплекс.

— Снаружи лежит снег. Мы где-то на большой высоте.

Дрожь прошла по его телу, медленная, но неудержимая.

— Так вот что это значит? Этот запах холода?

Она коснулась его лица.

— Да, Лето.

— И ты снова задумалась о свободе.

— А ты разве нет?

— У Харка и Тишины есть план.

— Поджарить меня моим же собственным даром, — сказала она, презрительно искривив губы. — Отлично.

— Я тоже не знаю, можно ли им доверять. Но прямо сейчас ты должна делать лишь то, что я тебе говорю. Притворись дурой. Будь такой же послушной, каким я был с промытым мозгом.

— Был?

Он кивнул, помогая ей встать на ноги.

— Был.

— Я не знаю, злорадствовать мне сейчас или торжествовать.

— И то, и другое. Но позже. Если они решат, что ты бесполезна или опасна, они могут отправить тебя обратно в лаборатории.

— И я снова увижусь с сыном. — Она сжала руки в кулаки.

— Да, но без возможности выпустить его на свободу. Думай, как они. Это долгая игра. — Он опустил голову, но встряхнулся. — То, к чему я совершенно не привык.

Темнота исчезла из ее глаз. Он смотрел на нее так, словно сама ее душа была отравлена. Ее голос был совершенно пустым, тело дрожало, когда она выговорила:

— Я Одри МакЛарен.

Только не это! Нинн, не уходи.

Но он заставил свою онемевшую шею кивнуть.

— До того я обожгла мою мать так сильно, что она умоляла о смерти. Как я могла о таком забыть?

— Ты..? — Он прикоснулся к ее щеке, не сразу осознав сказанное. — Телепатический блок. Успокойся, иначе ты никогда не разберешься с ответами.

— Я уже тогда была убийцей. Кто же знал? Возможно, мне с самого начала место в Клетках.

— Неправда. Только не тебе. Не здесь. — Страстность его ответа ошеломила их обоих. Будь проклята логика, он был сейчас эгоистом, и это было чертовски приятно. — Сделай это, Нинн. Не дай им забрать тебя у меня.

Выражение ее лица смягчилось. Она прижалась щекой к ладони, которую он так и не убрал.

— Мы не можем себе этого позволить. Особенно сейчас. Так ведь?

И тут же, как по волшебству, ее взгляд стал туманным, сонным и мертвым. В ней больше не было загадки. Она превратилась в тупое орудие. Расправила плечи. Даже в своем обгоревшем доспехе, а может быть, благодаря ему, она выглядела сейчас как идеально вышколенный солдат Астеров. Побежденный, но все еще гордый, готовый подняться снова.

Он опознал эту позу. Он знал эту стойку и эту бездумную готовность к приказам. Он видел то же самое в зеркале, каждый день во времена своего детства, когда поражения были куда чаще его побед.

— Я превратил тебя в монстра, — в горле застрял комок, грозящий его удушить.

— Ты научил меня выживать. Давай продолжать в том же духе.

Вежливый кивок.

Они почистили и упаковали свои доспехи. Чуть позже подошли Хелликс и Вэйл. За минувшие недели женщина оправилась от последствий атаки Нинн во время первого их боя в Клетке.

— Ну-ну, — протянул Хелликс. — Воры придумали, как использовать твою идиотку против тебя. Чемпион побежден. — Его усмешка превратилась в радостную улыбку. — Возможно, твое наказание за ее татуировку было одним из первых. Я с удовольствием вызовусь полосовать обе ваши спины одну за другой.

Нинн, сидевшая рядом с Лето, даже не вздрогнула. Потому что не помнила или потому что настолько силен ее самоконтроль. Она дразнила Лето, и она вспомнила Джека. Он вынужден был довериться тому, что это бесстрастие — просто игра, которую он предложил.

— А как твои успехи в бою, Хелликс?

— Я вырву тебе язык, лабораторная грязь.

Она изогнула золотисто-пшеничную бровь.

— Мне кажется, это само по себе отвечает на мой вопрос.

Этим высокомерным ответом она мгновенно рассеяла все сомнения Лето. Нинн вернулась. Она вернулась к нему. Теперь осталось лишь убедиться, что остальные этого не поймут.

После того как остаток воинства Астеров вернул оружие на стены, их провели в коридор, ведущий наружу. Тишина и Харк решили не хвастаться победой, они то и дело бросали взгляды на Нинн. Тишина была спокойна, как всегда, зато Харк излучал одновременно довольство и любопытство, которое просто сияло в его глазах.

Похоже, со своей частью плана они справились даже без помощи Лето. Он задолжал им пару извинений — и серьезное обдумывание их плана.

Короли Дракона привычно подставляли руки под кандалы. Лето поразился тому, насколько ему захотелось сопротивляться. Его тюрьма стала реальностью. Тяжелый металл наручников, сковавший тонкие запястья Нинн, тоже был реален.

Как и знакомый ритм — шаг, трость, шорох — приближался Старик.

Эхо его шагов раздалось в коридоре намного раньше, чем сам он вошел в поле зрения. Возможно, Старик сознательно держался в тени. Даже Лето не мог различить истинных очертаний приближающегося тела. Хотя знал, что способен на это, несмотря на включенный ошейник.

За первыми шагами последовали другие: первые шаги были уверенными, вторые звучали так, словно к ним шла балерина на цыпочках.

Холодный пот выступил на его коже. Нинн сумела скрыть свои чувства при встрече с Хелликсом. Но что будет, когда здесь появится доктор Астер? Человек, который калечил ее и до сих пор держал в заложниках ее сына.

Лето оставалось только верить в то, что ее рассудок достаточно чист для стратегии. Иначе он сам окажется перед выбором: тем, который пугал его до мозга костей. Он мог либо подыгрывать Астерам в надежде, что гарантии безопасности Пэлл будут выполнены, или рискнуть жизнью своей сестры и броситься спасать Нинн.

Нинн ощущала каждый шрам на своем теле.

Не те, которыми Хелликс разрисовал ей спину, хотя она знала, что шрамы никуда не исчезли. Но эти рубцы рассосутся со временем.

Нет, шрамы, которые она ощущала, были напоминаниями об адском огне. Они полыхали под кожей, проникали в нее клеймом, которое даже клетки Короля Дракона не могли исцелить полностью. Она взглянула на свою левую руку и вспомнила боль от того, что доктор Астер раздробил ей фаланги пальцев. Никто другой не заметил бы разницы, но она знала. Ее пальцы уже не сгибались как следует.

Шрамы.

И новые шрамы.

Он держит ее сына в заложниках. Если Джек до сих пор жив.

Она подавила дрожь и подрубила этой мысли колени. Джек был жив. Она бы почувствовала, сутью своей, на клеточном уровне, если бы он погиб. Она пережила эту жуткую агонию после убийства Калеба.

Ее задачей, как всегда, была безопасность ее мальчика. Это означало, что нужно подавить невероятное, почти безумное желание прыгнуть на доктора Астера, захлестнуть его шею цепью от кандалов и улыбнуться, глядя, как он приобретает цвет свежего кровоподтека. А затем сломать ему шею.

Взглянув на профиль Лето, она заметила ту же решимость. Он доверял ей, как на арене Клетки. Он верил, что она вспомнит свои тренировки и вспомнит, что на кону сейчас будущее его сестры.

Я ненавижу их. Я ненавижу их за то, что они с нами сделали.

С нами. Потому что они с Лето были вместе, в одной ловушке.

Теперь она поняла, что он спас ее от пожизненного клейма их семьи — змеи, которая охватывала его череп. Она задолжала ему такое количество извинений... И у нее не будет шанса попросить прощения, если она выдаст сейчас свои истинные чувства.

— Лето. — Голос Старика шуршал, как сухие листья. — Ты не вышел из Клетки как чемпион.

— Простите, сэр.

— Никаких извинений. — Его кривая улыбка напомнила Нинн о гримасе проклятого доктора, который родился с таким же маниакальным расстройством. — Тишина и Харк отлично выступили, как и вы двое. Моя семья сегодня заработала состояние.

Пара Сат была невыносима с их способностью делать ничего не выражающие лица. Даже Харк, этот ухмыляющийся ублюдок, сейчас не выдавал ни тени эмоций. Планы, проверки, слабые звенья. Тигони были не единственными Трикстерами Пяти кланов.

А Нинн все еще не хватало информации, чтобы их догнать.

Старик улыбнулся и тяжело оперся на свою трость.

— Ваше выступление было предельно интересно. Я очень доволен.

— Я рад это слышать, сэр, — ответил Лето. В голосе звучало равное количество покорности и гордости, как и следовало.

— А ты, Нинн из клана Тигони? Что чувствуешь ты?

— Рада, что смогла выполнить свой долг перед вашей семьей, — она не смогла заставить себя сказать «сэр». Это обращение было их с Лето маленькой шуткой, она уважительно обращалась к нему только когда дразнила.

— Хорошо, хорошо. — Старик подозвал сына, приглашая его присоединиться к разговору. — Ты сберег свою напарницу на протяжении трех матчей. Незаурядное достижение в процессе тренировок настолько упрямого создания.

Нинн вспомнила недавнее прошлое — благой Дракон, сколько воспоминаний к ней вернулось — время, когда Лето получил бы истинное удовольствие от такой похвалы. Она не решилась взглянуть на него сейчас, чтобы оценить выражение его лица и возможность прежней реакции.

Доверять. Ох, Дракон подери. Просто... верить.

— Ты не только выжила, Нинн, ты смогла овладеть своим природным даром. Я знал, что ты станешь чем-то особенным. Твой вклад в успех сегодняшнего представления не менее значим. — Он развел руками. — И хотя технически ты не победила, я даю тебе право на выбор награды.

Она скорее почувствовала, чем увидела, как напрягается доктор Астер. Он изучал ее дольше года. Он знал ее слабости лучше, чем она сама знала себя. Но то были слабости далекой, измученной горем женщины по имени Одри. И доктор- садист понятия не имел, в кого она превратилась теперь.

Долгая игра, сказал ей Лето.

Отбросить просьбу об освобождении Джека было почти что просто, хотя и далось не без боли. Она знала, что следует делать — продолжать прятаться, — и знала, что не отклонится от цели. Она никогда бы не отказалась от него ради мимолетного эгоистичного желания, но сейчас она могла озвучить это желание, потому что у нее не было выбора.

— Я не одержала настоящей победы, — сказала она, намеренно повторяя его слова. — Но я прошу награды, которую предлагают лишь победившему воину. Я хочу партнера на эту ночь. Я прошу разрешения разделить с Лето постель.

И Лето снова напрягся. Она была настроена на него, как радар, и чувствовала каждый вздох. Любой, обладающий остротой его чувств, смог бы читать их обоих, как свежую газету. Люди, которые стояли напротив, были чудовищами в неприметных серых костюмах, но они оставались простыми людьми.

Однако Пэт...

Цепляясь руками за предплечье доктора, она издала звук, подходящий скорее кошке, чем человеку. Удовольствие? Понимание? Нинн не думала, что звук относился к ее решению выбрать Лето, а не другого воина. Но странная женщина смотрела на нее с выражением разделенной с ней тайной победы.

Бледная, утонченная, вполне возможно — безумная, Пэт все же была Королем Дракона. Если раньше Нинн еще сомневалась в этом, то сейчас узнала наверняка. Но из какого она клана? Какими силами она обладает?

— Разрешение дано, — ответил Старик. — Рад видеть, что Клетки пробудили животную часть Тигони. Никто подобного не ожидал, но мне нравится видеть поверженное высокомерие.

Он посмотрел на Лето. С тем же успехом он мог пытаться увидеть признаки жизни в граните.

— А теперь, Лето, настало время выполнить данное мной обещание. Пэлл больше не будет обузой для Йеты и ее молодой семьи. Тебе больше не нужно беспокоиться за ее будущее. Мой сын становится ее ответственным опекуном. Остаток своих дней она проведет в безопасности его личной резиденции.

— Его личной резиденции, сэр?

— Да, мой чемпион. — Отвратительный хитрый блеск появился в похожих взглядах отца и сына. — Мой сын никогда не любил уходить далеко от работы. Он живет в лабораториях. И там же будет жить и Пэлл.

Глава 26

Лето нужна была нежность Нинн. Он хотел этой нежности. Знал, что от нее зависит его рассудок.

И все же они сидели бок о бок на кровати в его комнате и не прикасались друг к другу. Он не двигался с момента их возвращения, после того как помылся и сменил одежду. Он не мог больше двигаться. Его сердце было вырезано мачете. Оно больше не билось. У него больше не было причины жить.

— Ты держал на руках племянницу, — прошептала она. — Ты сам говорил мне.

Его горло болело. Он хотел вцепиться в ошейник и рвать его, пока не снимет его вместе с головой. Смерть для Короля Дракона. Он заслужил ее, доверившись мерзкому человеку. Он поверил в их обещания, он уничтожил десятки по их указке, он заставлял обреченных, ни в чем не повинных собратьев идти по тому же пути — тренировал их, да, но при этом кормил той же ложью, промывая им мозг.

Только Нинн все поняла правильно. Он был дураком.

Его лежащие на бедрах кулаки были такими сильными — но самого Лето сейчас затопила слабость.

— Ты сейчас доверяешь своим воспоминаниям?

Она гладила его по обнаженному плечу, нежно, но неуверенно. Ее волосы пахли снегом. Она разрешила эту загадку, назвала имя для запаха в колючем хрустящем воздухе.

— Ты прав. Я сейчас почти ничему не верю, кроме того, что я здесь, с тобой.

— И от этого легче?

Нинн вздрогнула, а значит, он зашел слишком далеко. Как ее тренер, он должен был радоваться и продолжать вытаскивать из нее неконтролируемые признаки страха. Это бы подчеркнуло его превосходство.

Лето уронил голову на руки и вцепился пальцами в кожу затылка. Нинн заползла за ним на постель. Стащила с себя рубашку, прижалась к его спине и обхватила его руками.

— Ты не мог этого знать. — Ее дыхание заводило мягче, чем нежное тело, прижавшееся к спине, но ничуть не меньше. — Что бы они ни сделали, они делали это с тобой. И со мной тоже. Нам почти не на что надеяться. Какой человек и какой Король Дракона отказался бы ухватиться за шанс, о которых они нам рассказывали?

— Они позволили нам остаться здесь, вместе. Еще одна награда, полагаю. — Она сжала руки, пальцами вцепляясь в его плоть. Лето закрыл глаза и запрокинул голову. — То, чего я хочу, мне не позволено удержать. Это и значит «быть рабом».

Нинн лизнула его спину над лопатками. Подняться языком до самого верха, до линии роста волос, она не могла, путь преграждал ошейник. Барьер, который он носил — от которого страдал, — с самых ранних его воспоминаний. Тогда он жаждал славы и уважения. Теперь хотел целовать голую шею Нинн и хотел увидеть снег, пусть даже подобный взгляд ослепит его на несколько дней.

И его семья. Теперь страх за нее перевешивал все надежды. То, что раньше было борьбой за их будущее, теперь превратилось в битву за их спасение.

— Ты не выглядишь как их раб, — она снова сжала пальцы, впиваясь в мышцы и кожу. Плотнее прижалась грудью к его спине. — Ты не думаешь, как их раб. По крайней мере сейчас.

От поддержки Нинн ему хотелось привлечь ее в объятия, войти в ее тело, потерять возможность мыслить, отдаться вспышке чистого наслаждения. Он не мог. Пока не мог.

— Я держал ее, — тихо сказал он. — Она была такой маленькой, что помещалась в моих ладонях. Я думал, что уроню ее, пока Йета не показала, как правильно нужно держать. Черные волосы. Прекрасная золотая кожа. Личико было таким спокойным во сне, а потом превратилось в морщинистый мячик, когда она проснулась и закричала. Я смотрел, как сестра ее укачивает. Смотрел, как Дэлнис склонился над ней, как эмоции душат его еще сильней, чем меня. — Он судорожно выдохнул. — Я так гордился, Нинн. Я десять лет сражался за их возможность родить ребенка.

— Как ее назвали?

— Шошан. Шошан из клана Гарнис. — Он подался вперед и встал. Нинн осталась сидеть на кровати, обнаженная выше талии. Утешение, которое она предлагала, было слишком большим соблазном. — Было ли это на самом деле? А если она... Я бился за то, чтобы доктор Астер помог Йете зачать... Но почему ты сама сумела родить Джека? Король Дракона, рожденный без внешних вмешательств. За что я сражался?

Она поднялась с поразительной грацией. Нежные, но настойчивые руки — руки, покрытые мозолями не меньше его собственных, — заставили Лето опустить взгляд от потолка. Он мог лишь запрокинуть голову и вглядываться в потолок, чтобы не видеть идеальных полусфер ее груди. Он был жадным, голодным. И стоило на миг отпустить

своего внутреннего зверя, как он повалит ее на кровать и трахнет. Снова. Так же, как было раньше.

Но он не был зверем, которого ожидали Астеры. Он был мужчиной, и он хотел свою женщину, хотел слышать вздохи, хотел страстных прикосновений и уважения. Все для нее. И хорошо, что Нинн не позволяла ему отвести взгляд. Увидев в ней знакомое сочетание упрямства, ума и веселых искр в ее светлых глазах, Лето не хотел превращаться в зверя.

— Ты сражался за свой собственный путь выживания. Ты сражался за то, что считал необходимым для своей семьи.

— А теперь Пэлл будет жить под так называемым присмотром доктора Астера. — Кислая рвота поднималась к горлу, оставляя во рту привкус яда. — Она могла быть в безопасности, с Йетой. Я думал... Дракон подери, я думал, что могу дать ей нечто лучшее.

— И все еще можешь. Мы оба можем помочь нашим семьям.

— Снова надежда.

Она заставила его склонить голову. Поцелуй как компромисс. Легкий, сладкий, живой настолько, что свет проник даже в те темные уголки сознания, которые он старался не видеть.

— Надежды контролируем мы. Не те, которыми размахивают у нас перед носом, а те, которые мы выбираем сами.

— И чем это лучше?

— Они не могут поработить наши мысли.

Он привлек ее к себе и обнял. И оба они слегка расслабились в уютном прикосновении двух тел и двух разумов, которые пытались отрешиться от боли.

— Спасибо. — Ее мягкие слова щекотным сквознячком проникли под ошейник.

Лето пораженно отстранился, чтобы взглянуть ей в лицо.

— За что?

— На моей спине изображен дракон, а не змея. Благодаря тебе. Я так нагло радовалась, когда Астеры тебя за это выпороли. Я думала, что ты получил по заслугам. Считала, что ты мне завидуешь... Черт. Что ты принял такое решение, повинуясь капризу, чтобы поиздеваться. А ты сделал это, чтобы спасти меня.

Лето с удивлением обнаружил, что улыбается. Слегка. Печально. Но все же улыбается.

— Ты сказала, что змея живет в тебе. И другая тебе не нужна. — Он нахмурился. — А еще ты сказала «сжечь это». Помнишь свои слова?

Она начала дрожать. Голос потерялся в стуке зубов и попыток не заикаться.

— Может, мы?..

— А то, что ты говорила о своей матери?

— Я не хочу. Лето, пожалуйста. У меня мозг горит. Этого слишком много.

— Пока что. Слишком много. — Обнимая ее крепче, Лето поцеловал ее в лоб. — Я хочу тебя снова. И хотел тебя с самого первого взгляда.

Дрожащий всхлип родился в ее груди и передался ему.

— Как же ты мог не хотеть, увидев меня голой?

— Тебя расстроит признание, что тем же образом я знакомился с каждым из неофитов?

— И каждый неофит тебя заводил?

— Нет. Они визжали, ныли или плакали, так что мне хотелось сделать им как можно хуже. Забыть о жалости. Ты же сопротивлялась. Голая. Беззащитная. Ты заставила меня думать, что тест на самом деле подстроен для меня самого.

— Я сохраню твою тайну, — она сказала это со слабым намеком на смех. — Потому что это первый секрет, к которому я подобралась.

Еще один поцелуй. И руки сжимаются крепче.

— Но здесь. Сегодня. Нинн, это не так, как прежде.

Он не мог подобрать слова, чтобы просить о большем. Не знал, как можно уложить эти эмоции в слова.

Она притянула его в следующий поцелуй. Ее обнаженная грудь коснулась его, когда Нинн поднялась на цыпочки. Такое красивое чудо в его объятиях.

— Мы уже достаточно дрались, Лето? Скажи, что уже да, — по крайней мере, друг с другом. Скажи, что мой воин хочет сегодня ласки, потому что именно ее я хочу сегодня дарить.

— Твой воин?

— Ты все время оберегал меня, сохранял меня целой, в безопасности, мерзкой, даже когда эта мерзость была направлена на тебя и когда я принимала дурацкие решения. Я винила тебя, когда не могла отличить одну боль от другой. — Она пощипывала губами его плечо, продвигаясь по коже по мере своих признаний. — Ты был ближайшим ко мне пособником Астеров. Я могла добраться до тебя, когда не могла навредить им. Но ты не отступился. Долгая игра. Спасение наших семей. Ты был сильным за нас обоих, когда я была слабой.

— И чего я добился этой силой?

— Я здесь. Ты здесь. Навыки, которым ты меня обучил, исчезли? Нет. А это значит, что когда придет время... — Она тяжело сглотнула. — Когда придет время сжечь это все, я хочу быть твоей напарницей. Так что — да. Мой воин.

— Но не сегодня.

— Нет, не сегодня. — Она погладила его по руке почти неощутимым движением, отчего его кожа покрылась мурашками. — Лето, покажи мне, насколько нежным ты можешь быть.

Нинн не знала, не просит ли она невозможного, пока он не положил руки на ее плечи. Широкая, непоколебимая стена его тела вынуждала ее попятиться. На уровне ее глаз были мощные мышцы его груди, очерченные и подчеркнутые мягким светом единственной лампы в углу. Воспоминания наслаивались на воспоминания, а настоящее терялось в темной клубящейся туче. Она когда-то смотрела на него глазами художницы. Одри МакЛарен. Преподавательницы искусств. Вдовы. Она потеряла так много — ребенка, себя в лабораторных экспериментах, а затем в жизни Воина Клетки.

Но вместо сумасшествия, ненависти и боли она искала мужчину, который лишит ее рассудка на эту ночь. Лето был невероятен. Он был таким с самого начала, несмотря на все ее попытки это отрицать. А сейчас, лежа поперек его кровати, она могла в полной мере насладиться видом. Тяжелые мышцы, крепящиеся к сильному костяку. Кожа сияет поблекшей медью, а черные волосы словно поглощают свет. Она выдохнула. Неприязни больше не было. Осталось только желание восхищаться мужчиной, вылепленным ради жестокости — и решившимся предложить ей нежность.

В его взгляде жестокости не было. Она поразилась, увидев в волнах желания, которое почти физически омывало ее, надежду в его взгляде. Взгляд ласкал ее. Погладил по щеке. Спустился к ложбинке между грудей. К животу, в котором нарастало предвкушение. Она была огнем и бронзой, раскаленной и прочной. При всей своей силе под его восхищенным взглядом Нинн ощущала себя невесомой и нежной.

Вскоре его вес опустится на нее сверху. Она хотела этого. Безопасности и защиты. И соблазнительной потери способности мыслить.

— Ты глазеешь, — два слова шуршали, как грубая бумага. Она вздрогнула. Его взгляд был прикован к ее соскам.

— Ты тоже.

— Мне есть на что посмотреть.

Она протянула руку.

— Это как солнечный свет на снегу. Тебе кажется, что он слишком яркий, но от него невозможно отвести взгляд.

Лето застыл на середине движения, стягивая с себя шорты.

Он был уже возбужден.

Нинн продолжала смотреть. Она знала, что нужно найти его взгляд и вернуться к идее нежности, которую она предложила, но ничего не могла с собой поделать. В прошлый раз все произошло слишком быстро, хотя тактильная память о тех укусах, поцелуях, сексе говорила ей, что не о чем там жалеть. Только сейчас это был совершенно другой вид желания.

Теперь она могла насладиться всей его красотой. Видом его возбужденного члена. Рассмотреть то, что помнило ее тело, длину, толщину и вес.

Она сама протягивала руку, приглашая, но не удержалась, села на кровати и взяла его за бедра. Она не смогла противиться искушению попробовать его на вкус. Сначала языком, очерчивая широкую чистую головку.

Лето зашипел. Его руки подхватили ее подбородок, заставили поднять голову. Он возвышался над ней так, словно способность казаться величественным, как гора, была одним из его даров Дракона.

— Я не смогу быть нежным, если мы начнем с этого.

— Значит, женщины уже занимались с тобой этим?

— Точнее, я заставлял этих женщин заняться.

— Большая разница, Лето. Стой неподвижно. Наслаждайся. И знай, что я тоже получаю от этого удовольствие.

Ей понравилось, как напрягаются его руки, обхватившие ее щеки, напоминание о силе, которую он держал под контролем. Каждое движение языка, каждое прикосновение и долгие, томные посасывания вызывали у него разную реакцию. Иногда шипение — это было особенно хорошо, потому что доказывало, что она застала его врасплох. Иногда приглушенные стоны и дрожь, попытки податься вперед, когда она отстранялась. Она не хотела заводить его до точки, после которой родится та же резкая страсть, что они разделили раньше. Большую часть его реакций выдавали руки, все так же обрамляющие ее лицо. Дрожащие. Напряженные. Пальцы, сжимающиеся в ее волосах.

Он был слишком большим, и она не могла принять его так глубоко, как ей бы хотелось. Она помогала себе руками, охватывая ту длину, что оставалась между ее губами и его телом. Ритм, который она выбрала, был медленным, но настолько размеренным, что даже ее тело начинало гудеть от нарастающего возбуждения. С тех пор, как она научилась пользоваться своим даром, она не могла не сравнивать возбуждение и взрывную силу. Энергия накапливалась... и следовало высвобождение.

Сейчас она накапливала энергию размеренно и почти болезненно терпеливо. Чтобы высвобождение было полным.

Проведя языком по всей пульсирующей длине, она сместилась, чтобы снова взять в рот гладкую головку. Руки, обнимающие лицо, напомнили ей, что Лето в любую минуту может стать главным.

— Хватит. — В его голосе звенела животная сила. И только глаза, полуприкрытые веками, бездонные, выдавали разницу. Он был потрясен. Он был на грани.

Нинн почти ожидала, что его решимость даст трещину. Что она зашла слишком далеко. Что ее воин толкнет ее спиной на кровать и возьмет то, чего требует его тело. Она была не против, поскольку хотела того же не меньше его самого. Но все же она надеялась на большее.

И он доказал, что способен на большее, когда опустился перед ней на колени.

— Сними это, — сказал он, дернув ее за шорты. Она была совершенно не против — своего рода компромисс между тем, что ею владеют, и крайней степенью нежности. — Моя очередь.

Нинн раздвинула колени шире, чем говорили его руки.

— Так ты уже делал подобное с женщинами?

Она рассчитывала на шутку в ответ, но кожа на его щеках затвердела в гримасе.

— Не так часто, чтобы ты насладилась хорошим опытом.

— Мне нравятся честные мужчины.

Приподнявшись на локте, она направляла его голову ниже, пока первое прикосновение не заставило ее задохнуться. Его губы были горячими, но язык оказался еще горячее. Ему недоставало тонкости. Но он компенсировал это терпением и настойчивостью. Нинн выгнулась и вскинула бедра. Он подхватил ее рукой под ягодицы, в той самой позе, которой она хотела. Вторая его рука накрыла ее грудь, пальцы кружили и пощипывали ее сосок в ритме с пульсирующими движениями его языка.

Тяжело дыша, Нинн не стала сопротивляться, когда его рука чуть надавила на грудь. Указывая ей лечь на спину. Он проник в нее двумя пальцами. И наверняка ему понравилось ее приглушенное ругательство, потому что прижатые к ее бедру губы растянулись в улыбке. Выругавшись сам, он вскинул ее бедра, сменяя пульсацию пальцев глубокими проникновениями.

Не думая, она вдруг заговорила на древнем языке. Не на языке Тигони или Гарнис. Не на языках Сат, Пендрей или Индранан. Этот язык был старше всех Пяти кланов, и она откуда-то знала его слова.

Лето замер. Взглянул на ее тело. В его почти черных глазах вопросов было не меньше, чем обещания страсти и удовольствия.

— Я и забыл, — тихо сказал он на том же потерянном языке.

— Я тоже.

Она погладила его по щеке, слегка колючей от свежей щетины. Древнее заклинание плелось между ними, пока английский или любой другой язык Драконьих кланов не показался им святотатством в той части пространства и времени, которая принадлежала сейчас только им.

— Так вот как мы должны были заниматься любовью, — сказал он. — Вплоть до слов, подаренных нам самим Драконом.

— Заниматься любовью.

Легкая складка возникла между его бровей. Пара роскошных в своей неторопливости движений, там, в глубине, где она так хотела большего, и его пальцы покинули ее тело. На лице Лето все так же читались загадки его мыслей, но он поднялся и навис над ее телом. Она все так же лежала поперек матраса. Он наверняка устойчиво стоял на полу. Нинн

хватало сил лишь на то, чтобы переводить взгляд с его напряженного лица на руку, которой он сжимал основание члена.

— Именно это мы и делаем, Нинн. Занимаемся любовью.

Она улыбнулась, чувствуя почти облегчение от того, что он сбит с толку такой простой темой. Хотя простой она сейчас не казалась.

— Да, ею.

Она поднялась, одновременно притягивая его к себе, вовлекая в тот же танец компромиссов, в котором они уравновешивали друг друга. Соединялись друг с другом. На его губах сохранился вкус ее тела, что одновременно казалось шокирующим и невероятно интимным. Вскоре этот вкус исчез в поцелуях, остался один только вкус Лето. Его жар, острая сладость его языка. Хриплое дыхание их обоих, похожее на тихую нежную дуэль.

Нинн вертелась. Место, которое он с такой нежностью заполнял всего лишь двумя пальцами, жаждало большего. Ей нужно было почувствовать тяжелое возбуждение, от которого костенело тело в ее объятиях.

Она коснулась его дрожащего бицепса.

— И это мой воин? Дрожит?

— Ты отняла у меня все. — Он расположился между ее бедер и скользнул внутрь. Без быстрых толчков. Даже не дразня — с мягкой нежностью, о которой она просила. Твердый, толстый, едва ли не умоляющий. — И затем вернула мне мир.

— Тогда дай мне сегодня все возможное.

Он покачал головой.

— Мы занимаемся любовью. Это правильное название того, что мы делаем. Потому что я не чудовище.

— Нет. Не чудовище.

— И я не просто твой воин.

Слезы жгли ее глаза под прикрытыми веками. Она не могла дышать, сил хватало лишь на короткие вздохи. Но ей удалось поднять руку и коснуться ошейника, который она всегда ненавидела. Теперь у нее появились еще причины для ненависти к этим штукам.

Она спросила его однажды и решила повторить свой вопрос.

— Кем бы ты был без этого?

Его ответ...

Ох, благой же Дракон... Пожалуйста.

Его глаза были темными, как полночь, а выражения лица сменяли друг друга в бесконечном танце, когда он входил в ее ждущее тело на всю длину. Нинн открыла рот, но не смогла издать ни единого звука. Лишь содрогнуться от правильности их единения.

Он склонился над ней, обнял ладонью ее затылок. И она подалась вперед, прижимаясь к нему, обхватывая ногами, двигаясь с ним в такт.

Лето прошептал ей в висок:

— Я был бы намного лучше.

Глава 27

Лето хотел закрыть глаза и потеряться в мягкости. Именно так ощущалась нежность — не только тело Нинн, с радостью принимавшее каждый его толчок, тепло, близость настолько яркую, что от нее звенели все нервы. Но и мягкость возможности отбросить все защиты. Он поддался ей, и она его принимала. Слишком часто он думал, что это он хранит ее безопасность, но сейчас защита была взаимной.

И этот момент был нужен ему не меньше самой победы.

Нет, не так. Он был куда нужнее победы, потому что Лето проиграл в Клетке. Хоть гордость его и пострадала, но он не рассыпался в пыль. Не лишился мужественности. Не умер от стыда. Нет, он все еще дышал. И вдыхал запах женщины, которая заставила его увидеть мир с совершенно другой стороны. Мир, который был ему известен, казался маленьким, тесным и темным.

Если он закроет глаза, растворяясь в незнакомых ощущениях, то вернется во тьму. Поэтому Лето оставался с Нинн, с ее чистыми голубыми глазами, которые мерцали серебром в бледном свете единственной лампы. Оставался, глядя на то, как раскрываются ее влажные губы. С каждым толчком в ее влажное тугое тело она ахала, проглатывая вздох или тихий крик. Он двигался медленно, даже позволяя себе секундные размышления о том, какой звук станет следующим. Ему нравилось изменять угол своих толчков, чтобы каждый раз заставать ее врасплох.

Она цеплялась за его бока дрожащими пальцами, подгоняя его размеренные движения. Ногти были короткими, но это не помешало ей процарапать глубокие борозды от его бедер до середины спины. Он вздрогнул от веса собственной уязвимости и выразил замешательство тремя резкими короткими толчками. Тяжелое дыхание Нинн сорвалось на стон. О да. Новые неизведанные звуки. И новая нежность, на самой границе страсти и силы, которыми они оба обладали.

Подхватив ее рукой под спину, Лето развернул ее тело на всю длину кровати. Все бесконечные дни после ссоры он думал о том, как снова ею овладеть. Он представлял, как она оседлает его сверху, чтобы не потревожить татуировку и раны на ее спине. Два месяца спустя она исцелилась. Реальность означала, что он может лечь сверху и заявить свои права на нее. Однажды она оседлает его и сама задаст ритм, но не сегодня.

Он удерживал вес своего тела на локтях. Несмотря на дымку желания в ее глазах, Нинн ни на миг не отрывала от него взгляда, словно искала ответа на свой вопрос.

Он. Лето из клана Гарнис. Она верила, что он может стать лучше. Не просто верила, она этого ждала.

И он, доводя медленное наслаждение почти до агонии, тоже почти разделял ее веру. Воины сражались, истекали кровью и трахались. Они не занимались любовью, ставя наслаждение партнера выше своего собственного. Лето сейчас чувствовал именно это. Неважно было, насколько его тело хочет рваться вперед — глубоко, сильно, быстро, — он сдерживался. Что требовало всех его сил, отточенных за долгие годы тренировок. Он был достаточно силен, чтобы позволить себе терпение. Он наслаждался моментами мягкой роскоши, ожидая тот миг, когда в мире для Нинн перестанет существовать все, кроме него самого.

Он нависал над ее телом, а она изучала его. Руки и пальцы, даже пятки и ступни ее искали в нем напряженные впадины и узлы и разглаживали их. Так она успокаивала его. Раньше он и предположить не мог, что подобное возможно. При всем звенящем его возбуждении это почти убаюкивало. Он уронил голову, прижался лбом к ее лбу.

— У меня никогда такого не было. — Ее принятие заставило его ускорить ритм на пару биений сердца. Он не хотел говорить ничего настолько личного, несмотря на крайнюю интимность их связи.

Она обняла ладонями его лицо, и он содрогнулся от чувства непривычной близости.

— Чудесно, правда?

Лето, сражаясь с потребностью своего тела, приподнялся над ней.

— Bathatei.

— Что?

Нинн вскинулась на локтях, нахмурившись от непонимания.

— Ты чувствовала это... Это... Дракон подери, Нинн, это чудесно. А они отняли это у тебя. Твой муж...

Никогда еще его так остро не мучило чувство собственной ущербности от неспособности облечь мысли в слова.

Лицо Нинн побледнело, исказилось от страха и боли. Золотой оттенок ее кожи исчез, оставив лишь россыпь веснушек, которые он не мог позабыть.

Она не отстранилась и не перестала его касаться. Он ждал и того, и другого. Как она могла оставаться с ним после напоминания о такой потере? Но все было совершенно иначе. Ее прикосновения стали увереннее и ярче.

Лето сглотнул, чтобы утихомирить монстра в своей крови.

— Насколько я понял, ты теперь вспомнила все, что было?

— Да.

Его оглушило потоком вины. Она была во власти воспоминаний, которых они не обсуждали. А значит, вернулась и память о муже — о жизни, которую они делили на двоих, жизни, которую вырвали из его сердца и ее рук.

Нинн погладила его там, где внутренняя часть бедра переходила в пах. Он вздрогнул. Она погладила его снова и продолжала, пока нервный тик не сменился спокойствием.

— Дыши, — прошептала она. И сменила позу, ложась на бок и обнимая его. Лето снова окутала мягкость прикосновений. Он уткнулся лицом ей в грудь. Втянул в себя воздух, надеясь раствориться в ее аромате.

— У меня отняли Калеба. — Она запиналась, выдыхая эти слова в спутанные волосы на его макушке. — И да, мне больно от осознания того, что мы могли разделить. У нас с тобой все будет иначе.

— Мне промыли мозги, как ты поначалу и говорила. Я был частью системы, от которой страдает твоя семья.

— Ты был мальчиком, который вырос в мужчину, не зная другого пути, вот что было. Или ты наслаждаешься, убивая и калеча? Не верю, что это так. Ты никогда и ничем не выдал, что тебе нравится кровь ради крови. Все что ты делал, ты делал ради своих сестер.

— И ради славы, — устало сказал Лето. — Ты это чувствовала. Мы оба знаем, насколько силен соблазн.

— И оба знаем, насколько все это нечестно. И кто на самом деле во всем виноват. Я голыми руками вырою им могилы, если понадобится, потому что Астеры должны понести заслуженное наказание.

— Рыть им могилы ты будешь не одна, если они вообще достойны погребения. — Ритм ее движений был таким успокаивающим, что Лето скрестил руки у нее за спиной и прижал ее крепче. — Я не смогу заменить тебе мужа.

— Конечно, не сможешь. — Она подняла голову и встретилась с ним взглядом. — Но это не означает, что я останусь одна на всю жизнь.

— А я всегда думал, что буду один.

— Но как же твоя семья?

— Я бился за их безопасность, но мне не позволено с ними общаться. Иногда они кажутся мне просто целями, не людьми. А бывают моменты, когда я жалею, что не родился одним из Драконом проклятых Бессердечных. Воинам Индранан как минимум разрешается общаться с живущими вне комплекса.

— Нет. — Она поцеловала его так нежно, что он засомневался — не сон ли это, — однако ее рука не прекращала гладить его бедро. Нинн была настоящей. — Ты Лето из

клана Гарнис, — шепнула она ему в губы. — Ты Король Дракона. И если позволишь, я могу полюбить тебя.

Он обхватил ладонями ее виски.

— Можешь?

Выражение ее лица стало лукавым — с серебряным мерцанием в глазах, которое вывело их из темноты.

— Ты же не будешь отрицать, что мы не так уж часто оказывались на одной стороне.

— Но когда это случалось, я чувствовал, что это правильно.

— Да. И я. И сейчас это тоже правильно. — Она выгнулась под его прикосновением, а он запустил жесткие властные пальцы ей в волосы. — Я попросила о тебе, помнишь? Я хотела оказаться здесь, с тобой. Оказаться на одной стороне и знать, что это навсегда.

— Нам не позволена вечность. Особенно здесь.

— Значит, мы выберемся отсюда.

Он покачал головой.

— Невозможно.

— Я не стану действовать с той же глупой нетерпеливой доверчивостью, как получилось с Килгором. Вместо этого ты станешь моим воином, и я запылаю, как эти Драконом дранные фейерверки. — Она улыбнулась и положила теплые ладони ему на плечи, встряхивая его. — И тогда ты тоже, может, полюбишь меня.

Может?

Не было здесь никакого «может».

Он уже любил ее. Нинн из клана Тигони была фейерверком, ярким и чудесным, в месте, которое не знало ни яркости, ни чудес. И он хотел ее света, жаждал его. И был неимоверно благодарен за то, что она делится с ним своим светом. Он принимал ее безопасность так близко к сердцу, потому что само его сердце зависело теперь от нее. И потерять ее теперь означало потерять ту часть себя, о существовании которой он не подозревал раньше, часть, свободную от чужих желаний, часть, принадлежащую только ему. И ей.

— Когда мы будем свободны, — сказал он, целуя ее в плечо. — Обещаю.

— А теперь тебе нужно пообещать, что ты больше не остановишься.

Она вытянулась на матрасе, выгнула спину и развела колени. Розовая влажная плоть между ними так и манила попробовать ее на вкус. Лето скользнул ниже и лизнул. Ладони Нинн взлетели к его затылку. Еще один новый звук. Жажда. Сочетание «да», стона и проклятия, родившегося раньше, чем все Пять кланов. Она была соленой и сладкой, горячей и пульсирующей под его языком. Каждое дразнящее прикосновение оживляло его желание. Прошлое было прошлым — болезненным, ждущим возможности отомстить.

Но в этот миг Лето наконец смог отрешиться от проблем сознания и отдаться на волю тела. Рефлексов. Инстинктов. Эгоистичных желаний. Нинн извивалась от жадных движений его языка. Ее руки ускорились на его затылке. Дракон благой, своим темпераментом она сводила его с ума. Они подходили друг другу во всем, от целей до решимости и чистого упорства. Он применил это упорство лучшим из чувственных способов: начал лизать быстрее, сосать сильнее. И возбуждаться в ритме своих же движений. Он был готов.

И эта готовность была взаимной.

— Лето! Пожалуйста, здесь, со мной! Я не хочу одна.

Он задохнулся на миг. И, не думая, оказался над ней, целуя ее, в ней. Медленная нежность, которую они дарили друг другу, осталась с ними, в том, как они гладили друг

друга и как стонали от удовольствия. Малые радости. Но Лето не мог быть нежным, в его мозгу билось одно только жадное слово, повторяясь по кругу: Владей.

— Я здесь, — сказал он, глотая воздух. Уткнулся лбом в подушку рядом с ее лицом и стал набирать скорость. Каждый толчок был сильней предыдущего. Ее напряженные ноги и быстрые бедра держали его темп, подаваясь навстречу. — Мы сделаем это вместе.

Прошлые оргазмы были резкими взрывами, сильными и неудержимыми, как стиль, в котором он трахался. На этот раз, когда Нинн лежала под ним, задыхаясь и жадно глотая воздух, он чувствовал, как наслаждение все нарастает и нарастает внутри. Осталась пара секунд. А может быть, пара лет.

— Нинн, скажи мне. Скажи, что ты уже близко.

Она не могла говорить, но выгнула спину и вскрикнула. Сжалась вокруг него с такой силой, что нараставшее в нем удовольствие заставило его взлететь в небо, а затем рухнуть в бездну, скрутившую все его мышцы и кости. Последний толчок был глубоким настолько, насколько она могла принять. И Нинн приняла его, до последнего дюйма, последней капли. Он зарычал в подушку от наслаждения, и Нинн повернула голову, целуя его в висок. Слизнула дорожку пота.

Когда дыхание успокоилось, он скатился с нее, и она тут же прижалась к его боку.

— Еще, — выдохнул он в окружающую темноту. — Я хочу еще.

— Скажи это своему члену, — сонно пробормотала она, и он уловил улыбку в ее голосе.

Поцеловал ее в волосы, улыбаясь в ответ. Он улыбался.

— Короли Дракона обладают потрясающей способностью восстанавливаться.

— Да, обладают. — Она зевнула и завозилась, устраиваясь в его объятиях. — Представь, как бы это было с использованием твоего дара. Все эти потрясающие ощущения.

Мысль об этом была почти что невыносима. Он бы не выдержал. Но от этого ненавидел ошейник еще больше. Он прикасался, пробовал на вкус, вдыхал потрясающую красоту Нинн. И все это было приглушенным. Ему почти захотелось затащить ее в тренировочную Клетку и заняться любовью без барьера ошейников, в полную силу.

Но нет, это был бы плохой суррогат. Нинн оказалась права. Они должны быть свободны.

— После боя...

Хриплый, гулкий голос Лето разрушил долгую тишину. Нинн чувствовала, что могла задремать, но только на пару минут. Ее тело словно сопротивлялось долгому сну, не желая терять драгоценных минут в его обществе.

— Хм?

Он прочистил горло.

— После боя ты сказала, что убила свою мать.

Старая боль ожила в ее сердце. Ей захотелось сжаться в комочек, сжиматься, сжиматься, пока она не исчезнет в пламени. Она много лет была лишена своего дара, но если она решится, ее сознание может вернуть то жуткое пламя, сожравшее старый дом.

— Прости, — сказал он. — Я не знал, как еще о таком спросить. Завтра будет не до разговоров, Нинн.

— Я знаю. — Она вдохнула его соленый мускусный запах. И снова вдохнула, зная, что она в этих нотках, которые только сегодня не пахнут привычным Лето. — Я наполовину Пен- дрей, — сказала она, не зная, с чего еще начинать историю.

Лето издал утвердительный звук.

— Теперь понятно. Веснушки принадлежат им. И уши, слегка заостренные на концах. И твой дар, смесь ярости и электричества.

— Я тоже так полагала. Ну, с тех пор, как выяснила о себе правду. — Она приподнялась на локте, радуясь чувству защищенности. — Моей матерью была Леоки из клана Тигони. Она так и не раскрыла личности моего отца, боялась, что клан решит его наказать. И когда она отказалась его назвать, ее изгнали. Меня отдали на попечение Мэла.

— Мэла?

— Малнефоли.

Лето тихо хихикнул.

— Похоже, только ты можешь называть Гиву такой неформальной кличкой.

— Может, и так. Моя мать была его тетей, но она была старше его всего на пять лет. Он защищал меня, а я защищала его от тех, кто называл его Узурпатором. Меня не просто так обучали разным боевым стилям. Но я оставалась изгоем из-за моей смешанной крови. Жила, как пария. — Она пожала плечами, отгоняя болезненные воспоминания о детстве. — Со временем моя мама вернулась. Мэл добился, чтобы ее приняли в твердыне.

— Привилегии Гивы?

— Скорее сила мужчины, идущего по собственному пути. — Она вздохнула. Дракон, как же это давило на сердце. Она не хотела чувствовать такой боли. — Но моя мать была... нестабильна. Не знаю, что ей пришлось пережить в человеческом мире, но это плохо на ней сказалось. Мэл потерял возможность ее защищать. Ситуация была напряженной, и тогда...

Нинн сморгнула слезы. Они так долго копились внутри, не находя выхода. Если она продолжит рассказ, не расплакаться не получится. Но Лето все еще смотрел на нее, и суровые черты его лица излучали заботу и сочувствие, которых она никогда не ожидала от чемпиона Астеров. По крайней мере, вначале. Теперь она знала, насколько тонко он чувствует. И решилась укрыться в сочувствии, которое он предлагал ей без лишних слов.

— Ты видел, на что способен мой дар. Я не знала, как его контролировать. Дом. Наш дом, в комплексе Тигони. Я сидела рядом с матерью на постели. У нее была лихорадка, бред, она почти не приходила в себя. А затем прорвался огонь. Первое проявление моего дара.

— Ты вспомнила это?

— Нет... Не полностью. Я помню реакцию людей. Горе. Обвинения. Ненависть. Но сам момент, когда наш дом взорвался и она в нем сгорела? — Нинн покачала головой, слезы закапали на подушку. — Слава Дракону, я не помню. Когда личный врач Мэла сказал, что она уже не поправится, мама молила о смерти. Мэл взял на себя ответственность и оборвал ее жизнь мечом, закаленным самим Драконом.

Лето погладил ее по щекам, стирая слезы, а затем поцеловал в уголок губ.

— Понятно, Индранан, которых позвали подчищать твою память, скрыли не только твой дар.

Нинн сумела кивнуть, хотя шею свело судорогой и болью.

— Они отняли большую часть воспоминаний о маме. Я стала Тигони только по имени. Смешаться тогда с людьми было лучшим выходом из всех возможных. Я переехала в Штаты. Изучала искусство. Влюбилась в Калеба. Стала учителем.

Она всхлипнула, содрогнулась и взяла себя в руки на чистом остатке самоконтроля.

Лето подтянул ее ближе, прижал к ложбинке плеча. И удерживал, мягко укачивая. Слова, которые он говорил на древнейшем языке Дракона, утешали, несмотря даже на то, что половина этих слов тонула в ее слезах. Она потеряла так много версий своей жизни, возвращала их по кусочкам лишь для того, чтобы их вновь украли. Все эти кражи и новые дары привели ее к тому, что сейчас воин Клетки держал ее и принимал слезы горя на теплую кожу — воин Клетки, который смог научить ее самостоятельно выстраивать свою жизнь.

Звук металла, скрежещущего по металлу, заставил Нинн мгновенно прийти в себя. Лето оказался на краю кровати и натянул свои шорты прежде, чем она успела моргнуть. Он бросил ей одежду, схватил свой щит и изогнутый меч со стены. Пусть это и были всего лишь награды за несколько лет побед, сегодня он взялся за них как мужчина, готовый защищать свой дом. Возможно, в буквальном смысле.

Замок щелкнул, и дверь начала открываться.

Глава 28

Ничто не могло доказать слабость его положения в картели Астеров лучше, чем трое вооруженных охранников, вломившихся в его комнату в самый неподходящий момент. Щит и меч, которые он схватил, были просто игрушками против электрических хлыстов и винтовок, заряженных напалмовыми пулями. Без своего дара Лето оказался средневековым воином, против которого вышла армия будущего.

— Нинн из клана Тигони, — сказал один из мужчин в шлемах. — Ты идешь с нами.

— Куда..?

Человек ткнул в ее сторону хлыстом, когда она всего лишь одернула топ.

— Разговоры запрещены.

Другой охранник жестом указал на оружие, которое Лето сорвал со стены.

— Убери это.

Все эти годы Лето верил, что он заслужил большего. А теперь перед ним оказались безликие люди в шлемах, наставившие винтовки в его незащищенную грудь. Безликие люди пришли увести Нинн.

Без ошейника решение далось бы проще. Снести их всех. Три охранника уже валялись бы на полу. Но без дара он не мог как следует просчитать итог. И не был уверен, что успеет уложить всех прежде, чем кто-либо из них навредит его любимой женщине.

Женщине, которую я люблю.

Дракон подери, это осознание казалось таким приятным, когда он ее обнимал. Теперь же оно превратилось в слабость. Он мог и не справиться с болью ее потери.

Этого не случится.

Лето упал и сделал перекат. Щит полетел между Нинн и охранником, который сжимал хлыст. Электрический разряд проскочил по бронзе и вцепился в его руку. Лето взмахнул мечом и подсек охранника под колени. Треск костей потерялся в отчетливом хрусте пластиковых доспехов. Под опущенным пластиковым забралом крик прозвучал приглушенно.

Взбешенный настолько, что растерял все слова, Лето заговорил на языке битвы, знакомом ему со времен детства. Он перебросил щит в руки Нинн и выдернул у упавшего хлыст. Работая им, как Вэйл на арене — копьем, он ткнул второго охранника в живот. Вспышка, задушенный звук и вонь паленого пластика.

Свистнули две пули с напалмом. Предчувствие, порожденное предыдущим опытом в Клетке, подсказало ему траекторию, по которой он мог уклониться от этих пуль. Он использовал меч и щит для атаки на последнего из охранников. Третья пуля ударила в потолок. И засветилась неестественным зеленым пламенем, рассыпая бетонную крошку.

Лето развернулся, чтобы определить, куда попали первые две пули. Одна дымилась в центре подушки, на которой раньше лежали они с Нинн. Вторая горела в зеленой лужице прямо в центре его щита.

Лето сбросил щит прежде, чем пуля проела бронзу. Нинн атаковала его с яростным криком. Рефлексы и Драконом дранный ошейник спасли его от ножа в горле. Инерция помогла ему перекатиться и подмять ее своим телом.

— Тебе настолько нравился этот щит?

Она хлестнула его рукой по лицу.

— Я не поняла, что это ты!

— А это откуда? — Он выхватил у нее из руки нож.

— Из сапога охранника, — ответила она, кивнув на первого из упавших. — Лето, какого дьявола происходит?

Он помог ей подняться на ноги. Она тут же схватила свой тренировочный доспех и застегнула его. Кожа с подкладкой из шелка уступала обычным доспехам, но выбирать ей не приходилось. Доспех, который висел на его стене, был наградой за победу в прошлом Конфликте. Три месяца спустя у Йеты случился выкидыш, поэтому в бою он этот доспех не носил. Запятнан. Но сейчас это был лишь инструмент. Золото окантовки и ониксовая инкрустация с тем же успехом могли быть простой сталью.

Завопила сирена.

Нинн вздрогнула на середине движения и схватила оружие — нож охранника и церемониальный меч Лето. Встретилась с ним взглядом и перебросила меч ему.

— Слишком тяжел для меня, — объяснила она с натянутой улыбкой.

— Ты действительно учишься, неофит.

— А ты действительно хочешь получить фейерверк в задницу.

— Не особенно. — Он поднял напалмовую винтовку и проверил обойму. Осталось семь выстрелов.

— Ты воин Клетки, и ты потрясающий, но эта штука в твоих руках ну никак не подходит образу.

— Это потому что я воин Клетки и я потрясающий. А эта lonayip игрушка для трусов.

— И зачем ты в нее вцепился?

— Затем что нам придется сражаться против других трусов. — Он кивнул на труп первого охранника. — Справишься с хлыстом?

Она уже сняла с лодыжки упавшего ножны, закрепила их у себя на бедре. Вложив нож, подняла хлыст и выбрала себе самый маленький щит из призовой коллекции Лето. По крайней мере, Астеры верили в его преданность настолько, что позволяли мелкие послабления. Он ходил по комплексу без цепей и на его стене висело оружие — потому что они были уверены, что он сломлен навсегда.

— Сколько зарядов у этой штуки? — Нинн приноровилась к рукояти хлыста, устроив большой палец на переключателе.

— Я видел его в деле только раз. И больше одного разряда никому не требовалось.

Сирена продолжала сотрясать воздух. Лето с трудом нашел грань, при которой он мог пользоваться своим даром и не оглохнуть от шума. Потеряв конечность, Король Дракона уже не мог ее отрастить. Он не хотел проверять, обратима ли будет потеря слуха.

Он по-прежнему мог положиться на скорость — почти такую же, как внутри Клетки. Поэтому внезапно появившийся Харк оказался прижат винтовкой к стене прежде, чем Лето успел осознать чужое присутствие.

— Какого хрена Драконьего тут происходит? — прохрипел Харк.

— Я то же самое хотел спросить у тебя. Разве это не часть вашего плана?

Харк закашлялся.

— Какой чертов план будет включать трех убитых тобой охранников и эту проклятую сирену?

— Вы с Тишиной хотели диверсию, чтобы дезактивировать наши ошейники. Как по мне, отличная вышла диверсия.

— Будь это наших рук дело, я бы держал ее за руку и мы вместе давно валили отсюда.

— Где она? — спросила Нинн.

— В нашей комнате, наверняка собирает вещи. У вас есть одежда для зимней погоды? — Лето непонимающе моргнул, и Харк закатил глаза. — Мы планировали дать деру, правда не сегодня, но можем воспользоваться случаем. Вы идете или нет?

— Правда? — Нинн хмурилась. — Вы с Тишиной планировали побег?

Тишина возникла за ее спиной, поймала в захват и приставила кончик крошечного кинжала к выемке между челюстью и виском Нинн.

— Шесть месяцев, — прошептала она. — Отпусти его, Лето.

Несмотря на то что голос этой женщины снова застал его врасплох, Лето оценил ее позицию. Он знал ее привязанность к Харку и видел решимость в ее непроницаемом взгляде. Лето отступил. Харк согнулся пополам, уперся руками в бедра и закашлялся, пытаясь отдышаться после давления.

Лето затянул последний ремень доспеха.

— Нужно придумать тебе новое имя.

Тишина лишь пожала плечами и отпустила Нинн.

— Я же говорил, ее нужно назвать Терпение, — выдохнул Харк. — Вам еще повезло, что вы оба ей нравитесь. Обычно она сразу режет, а не разводит светскую болтовню.

А затем он сказал что-то лично ей, используя шифры Сат — или язык, известный лишь им обоим.

Она кивнула.

Харк улыбнулся так, словно они договорились о дружеском спарринге.

— А теперь, если вы не привязаны к багажу, пришло время снять эти Драконом проклятые ошейники.

По пути к тренировочной Клетке им пришлось позаботиться об остатке охранников. Харк нес с собой две большие шерстяные сумки, Тишина и Лето прихватили максимум из доступного оружия. Лето отчетливо вздрогнул и потер ухо тыльной стороной ладони. Сирена его измучила, даже несмотря на включенный ошейник, работавший в полную силу.

А явно сумасшедшая парочка — поровну разделившая какое-то безумие Сат, — лишь подливала бензина в и без того опасную ситуацию. Нинн хотелось самой получить зажигалку и полный запас бензина. Если у них получится вырваться за пределы глушащего поля, если получится выбраться прочь из комплекса, если они смогут найти ее сына...

И если Пэлл уже держат в лабораториях, нужно найти и ее тоже.

За эту ночь и за минувшие несколько месяцев они с Лето буквально сплавились вместе. Ничем другим она не могла объяснить тот факт, что безопасность его сестры волновала ее не меньше спасения Джека.

Харк, перебрав связку украденных ключей, запер за ними дверь на арену.

— Другим придется держаться подальше, когда мы устроим тут крупный бум. Если это сработает, они сами пробьют себе путь наружу.

Тишина вытащила из сумки маленькую черную статуэтку дракона. На спине и руках Нинн кожу свело, словно холодом. Как такая простая фигурка сумела вызвать настолько сильную инстинктивную реакцию?

— Харк играл с ней во время моей инициации, — сказала Нинн. — Она состояла из двух частей.

Тишина кивнула, развернула ее и прижала идола к тыльной стороне ошейника. Щелчок, странный стонущий звук ржавых петель, и сталь свалилась с ее шеи. Нинн подпрыгнула и схватилась за освобожденную кожу, нежную в центре и покрытую мозолями по краям.

А потом ее затопило. Ее дар, ничем больше не ограниченный, расцвел под кожей куда сильнее, чем это случалось в Клетке. Похоже, Астеры позволяли им стать Королями Дракона для битвы, но все же нашли способ освобождать только часть их врожденной силы.

— Лето, — сказала она, поймав его взгляд. — Тебе это точно понравится.

Он послушно подставил Тишине шею, и та поместила хвост каменного дракона в замок ненавистной штуки.

— Откуда он у тебя? Вы его прятали?

Харк встал рядом со своей женщиной.

— Половина его была здесь. Тишина ее отыскала. Разве не круто? Пойди найди обычный старый камень, — впрочем, да, у нас была пара подсказок о том, что и где искать. Не спрашивай. Ты не поверишь нам на слово. Вторая половина пришла со мной из Гонконга. А это не просто город с отличными проститутками и очень-очень высокими домиками.

Пока Тишина оживляла идола в складках своих доспехов, Харк словно протрезвел, как с ним не раз бывало, и щелкнул тумблером «шут» в положение «выключено».

— Так что да, мы его прятали. И мы ждали.

— Дракон подери Сат и это ваше терпение.

— Вот видишь? Терпение. Ты начинаешь понимать. У нас тысячелетия опыта и тренировок держать язык за зубами. Что-то вроде особой характеристики клана. — Он улыбнулся. — Хотя официальной инструкции к Сат мне так и не выдали.

Ошейник щелкнул и расстегнулся, упал с металлическим звуком. Лето ахнул и застонал. Вцепился ладонями в шею. Нинн уже видела на его лице подобное выражение — когда он вжимал ее тело в матрас и накопившееся удовольствие прорывалось оргазмом, сметая все внутренние ограничения.

Он запрокинул голову к потолку и взревел от невыносимой боли.

— Двадцать лет!

Пока Тишина и Харк освобождали друг друга, Нинн бросилась к любимому и обхватила его лицо ладонями. Он тяжело и быстро дышал, лицо исказилось от внутренней боли.

— Я делал все, чего они требовали, и даже больше, — хрипел он. — А они украли у меня это.

Нинн кивнула.

— Украли. Пришло время выкопать им могилы.

Они смотрели друг другу в глаза. И яркое золотое сияние сплеталось в воздухе между ними.

Такое бывало и раньше, но никогда еще не случалось так сильно. Они подпитывали друг друга энергией. Нинн потянулась рукой к золотистому свету. Но не смогла его коснуться. Он был эфемерен, совершенно чист. Она словно смотрела на сами молекулы, которые дрожали от невостребованного потенциала.

— Вот оно. Живое золото, — восхищенно сказал Харк. — именно этого мы и ждали.

Нинн моргнула от удивления и вдруг поняла, что пара уставилась на нее и Лето.

— Что это такое? — Нинн казалось, что от этого света должна заболеть голова. Как нечто настолько мощное могло прийти без последствий? И все же она чувствовала себя сильнее, чем раньше, и связь с Лето окрепла. Их сочетали новые, неведомые и необъяснимые способы.

Харк хлопнул Лето по плечу, что в других обстоятельствах стоило бы ему руки.

— Возвращайся, друг мой. — Он указал взглядом на потолок, под которым невидимые динамики продолжали вопить сиреной. — Тут у нас Ад, но ты нам в нем нужен.

Тишина взяла Нинн за руку и отвела ее в дальний угол. Ее глаза напоминали черный мрамор и немигающий взгляд ворона.

— Слабее всего здесь.

Каждый раз — словно кошка заговорила.

— Слабее всего?

Грохот металла привлек ее внимание. Лето носился по залу по невероятным случайным траекториям, так быстро, что глаза не успевали за ним уследить. Он пробовал свои новые силы или настолько поддался шоку?

— Лето! Ты нам нужен!

Он вдруг оказался рядом. Широкая, невероятная улыбка заставила его помолодеть на десяток лет. Беспокойство и мрачные мысли отступили мгновенно. Его шея походила на колонну, покрытую шрамами и пересеченную дорожками мозолей. От этого он не избавится, это надежней татуировки. Возможно, получить свою полную силу — не назад, а впервые — это сможет их компенсировать.

— Ладно, народ, у нас только одна попытка, — сказал Харк. — И даже если... Скажем так, я рад бы выбраться живым, но не особо на это надеюсь.

То, что он объяснил, было просто смешно. Смехотворно. И невозможно, но все же глубоко в душе Нинн чувствовала, что обречена на это самой судьбой. На то, что четверо Королей Дракона с такими гармоничными способностями могут сойтись вместе, работать вместе. Она почти чувствовала, как татуировка на плече зудит от восхищенного одобрения.

— Жаль, что с нами нет Индранан, — сказала она. — Я наполовину Пендрей. Дракону бы понравилось взаимодействие всех Пяти кланов.

Не будь так уверена.

Нинн и остальные вздрогнули и уставились на Лето. Он заговорил прямо в их сознании.

Лето казался почти смущенным.

— Я всегда это подозревал. — Он запинался. — Я почти видел движения противника до того, как он начинал двигаться. А единственные Короли Дракона, способные драться так, это Индранан.

— Значит, Пять кланов в сборе. Это будет здорово и прочее «ля-ля-ля». — Харк покосился на дверь. — Родословными будем меряться позже.

— Да. — Нинн взяла Лето за руку. — Давай сделаем это. Давай сожжем это все.

Глава 29

Лето жгло болью. Трясло от силы. Он был в ярости.

Он был собой.

Лишь ощутив под пальцами странную грубую кожу, он понял, что прикасается к собственной шее. Он даже не знал ее очертаний. Двадцать лет она была скрыта ошейником. Он знал, что шрамы останутся до самой смерти, но никогда, ни за что не собирался больше носить lonayip ошейник снова.

Другую новость принять оказалось сложнее.

Я один из Бессердечных.

Его мать была Индранан или доктор Астер сделал... что-то, чтобы зачатие и рождение Лето наверняка произошло? Пэлл была обезглавлена своим даром. Возможно, и она полукровка? Нинн была полукровкой, и она была сильна — очень сильна. Ее сын наполовину человек. Возможно, этим и объяснялись проблемы их расы. Короли Дракона разделились и обособились, стали фанатичными и замкнутыми, вернулись к бракам только внутри клана и сами приговорили себя к вымиранию.

— Мы не умрем. — Даже голос звучал иначе. Что-то в его обостренных чувствах и голосовых связках ожило без постоянной хватки металла.

Времени медлить у них не осталось. Он повернулся к Нинн. Их взгляды встретились. Они взялись за руки. И в конце тоннеля из странного золотистого сияния он различил ее ледяные глаза. Она была испуганной, радостной, нетерпеливой.

— Никогда меня не отпускай, — сказала она.

— Ни у кого из нас нет привычки расставаться с любимыми.

Она ответила сияющей улыбкой, которая лишь добавила света в их личный золотой костер.

— Готовьтесь догонять, сэр.

Сердце кольнуло.

— Заставь меня тобой гордится, неофит.

Он мог лишь наблюдать, как Нинн втягивает золотую энергию в свое тело. Представить, на что она способна, заполучив такое количество чистой силы, у него просто не получалось. Видимо, разница заключалась в Пендрей. Она не была чистой, вежливой, прямолинейной Тигони. В ней жила совершенно дикая частичка берсерков.

А его заданием было сдержать этого берсерка спокойным и вынести ее в безопасное место до того, как взрывная волна достигнет своего пика. Харк и Тишина должны были транслировать дар Нинн. Две яростные вспышки были лучше одной. Лето лишь надеялся, что это разделение спасет Нинн от непроизвольного взрыва. Раньше ей уже приходилось терять контроль.

Лето вспомнил татуировку на ее плече, теперь казавшуюся результатом предчувствия, что все его действия сведутся к тому, чтобы спасти ее от Астеров. Ламот определил цвет и форму так, что рисунок казался родимым пятном. В Нинн жила частица изначального Дракона.

Значит ли это, что ей придется захлебнуться собственной яростью и упасть в Чазм, как пришлось проделать Дракону?

Золотая энергия растворилась. Нинн запрокинула голову. Все ее тело тряслось, словно она схватилась за оголенные провода, стоя в луже воды. Молнии рвались во все стороны из точки, в которой соприкасались их тела. Его невероятные чувства могли сейчас оценить всю арену, собрать такое количество информации, что мозг не успевал ее обработать. Лето слышал голоса охранников, скрежет ключей.

Харк и Тишина расположились перед секцией арены, которую объявили самой слабой. Лето испытывал к ним странную симпатию. Не будь других Королей Дракона, Сат были бы беспомощными, как люди. Им нечего было бы красть. А каково им чувствовать настолько чужие способности? Всякий раз они совершенно не подготовлены к силе, которую примет их тело.

Проверка, сказал Харк. Мы не можем полагаться на слабое звено.

Там, в Клетке, они уже ощутили на вкус настоящую силу Нинн. То, что было для Лето долгой игрой, для этих двоих казалось молниеносным решением.

Дрожь в сознании Нинн, плач, сорвавшийся крик. Между ними рос пузырь фейерверков и искрящихся вспышек света. Он разросся вдвое, края дотянулись до кожи Лето. Его тактильные ощущения были остры, как никогда. Он дернулся, поскользнулся, выпустил ее руки.

— Нинн!

Шар света был уже ростом с нее.

Боковым зрением он заметил, что Харк и Тишина прикоснулись друг к другу. Простое пожатие рук. Быстрое. У Тишины оказалась красивая улыбка. Он отвернулся, не желая мешать тому, что могло быть пожеланием удачи любимому. Или прощанием.

Шар взорвался невиданной вспышкой огня и электрических потоков. Но Лето был быстрее. Неудивительно, что людишкам хотелось сковать этот дар Дракона. Он обхватил Нинн за талию и перенес на другую сторону Клетки. Она обмякла в его руках.

Вспышка казалась приливной волной, несущейся к ним полукругом расплавленного света. Клетка, которая долго была фундаментом всей его жизни, смялась и вспыхнула, слов но бумага в огне. На миг он заметил пару Сат — силуэтами на фоне слепящего света. Он вцепился в Нинн и застонал, когда глаза обожгло неописуемой яркостью. Боль рикошетом прошла от глазниц к основанию черепа.

Лето встряхнул ее. Возможно, слишком уж сильно. Он не знал, насколько он громко кричит и с какой скоростью движется.

— Не бросай меня.

— Не... собираюсь.

Остатки того, что было стальными балками, осыпались к их ногам обугленными кусками и пеплом. Почерневшими и хрупкими обломками, похожими на древесный уголь. Лето внезапно понял, что большая часть тренировочной арены выглядит именно так. Их безумный план сработал. То, что казалось древесным пеплом, было слоями металла, арматуры и перекрытий. Пепел тоже мог оказаться металлом, но после взрыва его нельзя было опознать.

Сквозь дыры и трещины в камне сочился свет, и целая световая колонна падала вниз сквозь дыру в том месте, где раньше стояли Тишина и Харк. Размер дыры был почти что с восьмиугольное основание бывшей их тренировочной Клетки.

— Ты говорила буквально, — сказал он, притягивая Нинн к себе. — По поводу «сжечь».

— Ода.

— Ты вся чумазая.

— Это ты еще себя не видел.

— Предпочитаешь смазливых мальчиков? Ничем не могу помочь. — Он поцеловал ее в лоб. — Пора уходить. Ты обещала показать мне снег.

— А что, если я убила и их? Тишину и Харка?

— Тогда они умерли, как хотели. Свободными.

Нинн, спотыкаясь о камни, выбралась в яркий послеполуденный свет. Посреди арктического поля. По ощущениям было утро, но искусственные маркеры времени в комплексе не совпадали с движением планеты вокруг своей оси. Она представляла себе горы. Однако снаружи ждала их долина. Бесконечная плоскость во всех направлениях. Все отличительные черты сливались вместе в нетронутую белизну — снежная поземка поверх голубоватого льда.

Признаков жизни тоже не было видно. Харк и Тишина ждали их, глядя на белую пустошь. И выглядели они парой сбежавших с работы шахтеров.

— Где ваши сумки? — окликнула их Нинн.

Харк обернулся через плечо и оскалил зубы в улыбке.

— Кое у кого из Королей Дракона дар идет в комплекте с мелкими неприятностями. Наши сумки сгорели. Мы изначально думали, что нам понадобится припас на долгие дни пути. С радостью признаю, что ошибся, а стыд я как-то переживу.

Вдалеке, возможно всего в паре миль, виднелся другой комплекс. Он располагался над землей, в окружении площадок для вертолетов и россыпи небольших домов, похожих на частные виллы. Нинн сразу же поняла, что именно там расположена их боевая Клетка.

Очевидно, ее и других воинов просто везли по путаной, извилистой траектории, потому что эти две мили можно было преодолеть за несколько минут. Автобус же двигался не менее получаса. Она не слишком доверяла своему восприятию того времени, но длинный путь мог быть всего лишь очередной уловкой Астеров, еще одним способом вызвать в рабах покорность.

В одном из длинных приземистых зданий светились окна.

У этого ублюдка мой сын.

Лето взобрался вслед за ней и споткнулся. Прикрыл ладонью глаза. Нинн обхватила его предплечье, надеясь его поддержать. Она не рассчитывала забраться так далеко. Пытки минувшего года — нет, пытки, в которых она жила с самого детства, — воспитали в ней фаталистку, и Нинн осознала это только когда ее щек коснулись лучи холодного солнца.

Тренировки, сражения, ненависть... этот ритм завораживал и убаюкивал. Спасение Джека стало лишь мантрой, не настоящим делом. Неудивительно, что Лето так долго держался там без вопросов. Он мог продолжать биться вечно, веря в то, что сражается за безопасность сестер и продолжение жизни клана.

Но если бы он продолжил, то никогда бы не смог увидеть солнце и снег.

Закрыв глаза, он поднимал лицо, ловя кожей остатки солнечного тепла. Солнце клонилось к горизонту, намекая на близкий вечер. Толстые мышцы его шеи напряглись под вскинутым подбородком. Мозоли и тонкая кожа напоминали о времени его плена и о том, насколько его дар усилился в настоящий момент. Он сглотнул, открыл рот и медленно, очень медленно открыл глаза.

Судорога дрожи прошла по его телу и передалась Нинн сквозь ладони, а может, сквозь самые поры. Изначальная, настолько близкая...

Прекрасная боль.

Два слова, произнесенные его охрипшим голосом, затрепетали в ее мозгу. Прекрасная боль. Да, именно она. Нинн смотрела на солнце, не отводя взгляд, словно бросая вызов самой природе. Ничто больше не могло лишить ее личности. В ней не осталось онемения прошлых дней. Ей было больно, но это была прекрасная боль окончательного пробуждения.

— Нам бы немного помощи, зажигалка, — сказал Харк. — Не мешало бы убрать за собой. Я предпочитаю не делить наши чудные снежные выходные с целой толпой охранников.

Нинн проморгалась от солнца и посмотрела на Харка. Часть его лица была скрыта черными точками, застилавшими поле зрения. Забавно: она могла смотреть на яркие цвета своего дара, на золотой тоннель света, который они с Лето могли создать, просто встретившись взглядом, но солнце оставалось солнцем — оно было сильнее их всех. Даже Короли Дракона склонялись перед ним.

Нинн, снова пожав руку Лето, присоединилась к Харку и Тишине, стоявшим рядом с большой дырой. Норой. Они жили в норе. Десятки охранников Астеров пытались вскарабкаться к ним на поверхность.

Сат наверняка тоже усилили свои врожденные способности, потому что Нинн почти не чувствовала, что свет у нее воруют. Они делились. Сейчас они не были Ворами, они были братьями по оружию. Нинн сосредоточенно набирала силу, смешивала слои, вбирала энергию солнца, электричество из холодного арктического воздуха и лепила из этой силы очередной смертоносный шар.

Внутренний голос подсказал, когда шар стал достаточной величины. Она могла дозировать эту яркую силу, не извергая одной-единственной мегатонной бомбой. Тишина и Харк помогали ей. Втроем они закрывали оставленную дыру. Камни падали и плясали, плавились, превращались в лаву и застывали на ледяном воздухе. Она споткнулась и рухнула задом на снег. На месте взрыва от рваной дыры остался лишь огромный шрам на земле. Пар поднимался к небу.

— Одна дверь открывается, — сказал Харк. — Другая закрывается. Та-дам!

К ней протянулась большая уверенная ладонь. Лето помог ей подняться на ноги. Не говоря ни слова, четверка спасшихся зашагала к дальнему зданию.

Через несколько сотен ярдов глубокого снега у нее онемели ноги. Она нахмурилась.

— Почему вы идете с нами? Астеры держат в заложниках ваших родных?

— Ничего настолько благородного. Просто своими ногами отсюда нам не дойти.

Доспехи Лето бряцали от быстрых шагов, но он не сбился с дыхания. Похоже, он мог бы сбегать туда и назад с десяток раз, пока Нинн с остальными преодолеют четверть пути.

Нинн остановилась.

— Подождите. Лето. Я вас торможу. Всех вас.

— О чем это ты?

— О том, как они каналировали мой дар. Они могут разделить твой. Втроем вы доберетесь туда быстрее — причем все вместе.

Лето возник совсем рядом, в лучшем своем сдержанно­яростном стиле.

— Оставить тебя здесь?

— Да. Ты мог бы меня понести, но тогда твоей силой будут питаться трое. Сирена уже наверняка предупредила охрану в лабораториях. Нам нельзя дать им время на подготовку. А для тех, кто успеет, понадобится твоя сила.

— Ты мой партнер.

— Но сейчас, — возразила она, — я твоя слабость. А эти двое ждали нас несколько месяцев. Они помогли нам выбраться на свободу. Они будут прикрывать тебя, а ты их, пока я не догоню. — Она коснулась его щеки, провела пальцем по шраму на верхней губе. При свете дня шрам блестел розовым серебром, и его было легче увидеть. — Иди, прошу. Найди Джека и Пэлл.

Иногда слова, которые он передавал из сознания в сознание, казались четче, чем просто произнесенные. Иногда они приходили простым ощущением. Это была особенность Индранан или результат его смешанной крови? Она лишь чувствовала его отчаянье. Чувствовала и откликалась тем же. Они сделают все, что необходимо. Они не отступят от цели. Даже если это будет означать разделение. Сердце Нинн жгло изнутри, как камень, который она только что превратила в лаву.

Вежливо ей кивнув, Лето развернулся и глубоко вздохнул. Он был горой, готовой сорваться с места, — самое впечатляющее зрелище из всех, что она видела. Нинн лишь моргнула, когда Лето и странная парочка оставили после себя взвесь снега.

Она осталась стоять. Онемевшая. Замерзшая. Бесцветная и беззвучная. Сжав кулаки, она до сих пор могла ощущать под кожей старые переломы пальцев. Побег и безопасность не были равнозначны для тех, кого она так любила. А она любила Лето из клана Гарнис, исчезнувшего в белоснежной пыли. Но для настоящей мести он был ей не нужен.

Глава 30

Лето был частью мира, он не принадлежал подземелью. Крошечные иголки снега покалывали его лицо, его невероятно свободное горло. Ледяной воздух обжигал чистотой его ноздри, но он готов был поклясться, что до сих пор ощущает Нинн — ее сладкий женственный аромат на ветру. Каждый раз, когда он входил в Клетку, он верил, что дар просыпается в нем в полную силу. Как же он ошибался.

Вот что значило быть Королем Дракона.

Даже при том, что Тишина и Харк делали часть его дара своей собственностью, он обладал чутьем и силой, которые просто кружили голову. И все было на своих местах, все поддавалось контролю: скорость, окружение, потенциальные угрозы, то, сколько сил он тратит на бег.

Последнее было непонятно. В конце концов, он не знал своих новых пределов.

Но понимал, что они не имеют значения. Он будет действовать так же, как всегда. Он будет биться до победы. Но теперь ставки были самими высокими в его жизни.

Внешний пост охраны приобретал объем и размер. Он подал сигнал своим ненадежным напарникам. Они отреагировали так, как бывало в Клетке. Мгновенно. И эффективно. Разделились и обошли здание справа и слева. Пока их цели сочетались со спасением Джека и Пэлл, они будут неплохими союзниками.

Лаборатория больше напоминала крепость. Он кружил, но не мог обнаружить входа. И был уже на грани возвращения к Нинн — ее дар мог отлично сработать и в этом ужасном месте, — когда его чувства дали сигнал. Он принюхался. Волосы на затылке вдруг встали дыбом. Он инстинктивно, не подключая сознания, отследил путь, который выбрала Тишина. За угол. Вдоль длинной дорожки из заледеневшего мрамора.

Низкое здание, которое они приняли за лабораторию, излучало угрозу. Странное бельмо на белизне ландшафта, куда более странное, чем та дыра, которую Нинн и Сат пробили в земле над комплексом. Это место было пропитано криками. Лето не мог сказать, слышит он их ушами или сознанием. Новый для него дар Индранан по силе превосходил те чувства, на которые он привык полагаться на протяжении жизни.

Арена, на которой скрывалась их боевая Клетка. Впервые он наблюдал ее не с привычного ему места в центре ринга. С вершины трибун она производила впечатление огромной. Лето отвернулся, пытаясь найти источник своего беспокойства. Ощущение было горячим, искрящимся, давило на лоб и виски изнутри. Что-то приближалось. Опасность.

В тот миг, когда он понял, что шаги Тишины исчезли, он тут же заметил источник потрескиваний и опасности. Крошечное устройство на генераторе в дальнем углу приземистого здания мерцало красным, красным, красным. При всем своем опыте он понятия не имел, что это.

Ему хотелось сорвать доспех и швырнуть в ближайшую мраморную стену. Бесполезен. В этом мире он был беспомощнее младенца.

И все же он не позволил себе сорваться на крик. Будь то звук или запах, но что-то выдало Тишину. Он не удивился, заметив ее сидящей на корточках на одной из тонких строп, натянутых на высоте третьего этажа. Только глупец не восхитился бы элегантностью ее равновесия. Она смотрела вниз на устройство, которое посылало искры холодной жути в сторону Лето, — и холод весьма отличался от недавно открытого снега и льда.

— Что это?

Тишина покачала головой, вскинула большой палец и одними губами ответила: «Бум!»

Таллис из клана Пендрей почти что лежал на руле своего снегохода. Темные очки оберегали его глаза. Вся его кожа была защищена от сил природы. По обе стороны от него мчались другие приземистые механизмы. Благородный Гива и пять членов неизвестных кланов подполья. Таллис не был частью их тайной сети. И не хотел быть. Все его миссии были личными. Возможно, поэтому он и преследовал их так упрямо.

Больше года он терзался чувством вины, настолько сильным и глубоким, что не мог заснуть. Сила, с которой он сдерживал свою ярость — ярость берсерка, которого вынудили к жизни среди людей, — начала слабеть.

Он убивал и совершал злодейства куда ужасней убийства. И ни о чем не жалел.

Кроме того, что случилось с Нинн.

Она была всего лишь ступенькой пророчества Солнца о единении всех Пяти кланов — на лестнице, по которой он шагал с тех пор, как убил жреца Пендреев. Но только когда он привел солдатню Астеров на ее порог, когда он узнал ее имя, он понял, что есть в этом мире вещи, которых сам Таллис не сможет вынести без последствий.

Ему хотелось очистить сознание от ее боли. И отомстить Солнцу, живой богине, чьи хитрости слишком долго владели его судьбой.

Снег начал смешиваться со снами. Предсказания и пророчества вставали перед глазами с каждой новой горстью снежинок, летящих в лицо. Он стряхнул соблазнительную сонливость и снова осознал, что мчится при свете вечернего солнца в окружении своих сородичей. Несмотря на его появление на Совете, слухи продолжали клеймить его мертвым или каким-то безумным мифом. Это было ему на руку.

Он стиснул зубы. Его решимость была несокрушима, его путь был словно проложен самим Драконом. У него еще оставались дела в этом мире.

Таллис едва различал массивный комплекс на горизонте. В их группе не было никого из клана Гарнис, но это не удивляло. Лето и его родственники остались последними из Пропавших, насколько Таллис смог выяснить, путешествуя по всему миру. А им бы сейчас пригодилось обостренное чутье и скорость воина Гарнис. Природа, при пособничестве

близких сумерек, скрывала из виду даже четкие абрисы огромных стен арены, не говоря уж о потенциальной угрозе.

Гива помчался к началу их треугольного построения и указал на другую далекую точку. На аванпост.

Дым.

Им не нужно было обмениваться сигналами, чтобы понять, куда ехать вначале. Семь снегоходов развернулись по широкой дуге и промчались остаток пути в облаках рева и потревоженного снега. Повстанцам потребовались годы работы для уточнения этих координат, но они вычислили канадскую крепость врага. Тысячи миль тундры стали идеальным тайником для секрета зачатия их собратьев.

Темные тучи поднимались от снега в морозное небо, напоминая ему о том дне несколько месяцев назад, когда Нинн непреднамеренно показала им точное расположение аванпоста. Нинн уничтожила часть лаборатории доктора Астера. И этого доказательства мятежникам было достаточно, чтобы убедить Таллиса отправиться к Гиве.

Таллис дал газ и притормозил рядом со снегоходом Мал- нефоли. Тот явно сдерживал свою ненависть к Таллису лишь до момента, когда они спасут Нинн. И все же оба они попали в клубок событий куда более важных, чем мог осознать Гива.

Женщина из повстанцев подняла забрало шлема.

— Что это?

Они смотрели на дымящуюся, почерневшую землю. Снег таял, не долетая до черной поверхности, испускающей волны тепла.

— GPS говорит, что мы над комплексом, — сказал другой.

Этот был из Пендреев, хотя и отказывался от родства с Пятью кланами. Что ж, это было естественно для их странной сети: те, кто предпочитал остаться без имени, получали такое право.

— Я узнаю этот след, — голос Гивы звучал уверенно, хоть и терялся в порывах ветра. Он вытер рот уголком шарфа, вытащенным из-под парки. — Это работа моей кузины. Ничего подобного я не видел уже... благой Дракон, я не видел подобного со дня смерти Леоки.

— Стоит ли поискать вход? — Еще один мятежник. Еще одно безымянное лицо. — Мы знаем, что воины Клетки живут и тренируются в тайных комплексах. Мы не найдем их возле аванпоста.

— Но Нинн будет там, — ответил Гива. — Если она не погибла, сотворив это. Так или иначе, лаборатория для меня важнее.

— Но как же Короли Дракона внизу? — Пендрей кивнул на дымящийся грунт. Пару часов назад тот был укрыт таким же слоем бесконечного снега. — Они там в плену, в ошейниках, остались на милость людской охраны.

— Я не Гива этому месту. — При всех слоях укутывавшей его одежды, Малнефоли поражал своей внешностью. Он был красив классической красотой богов, воспетых древними греками. Симметричные сильные черты. Оптимизм и свет во тьме Таллиса. — Если хотите искать вход и спасать оставшихся воинов, решать вам. Я собираюсь найти кузину и выяснить, что известно Астерам.

С этими словами он поправил очки и выжал газ, направляясь к дальнему зданию. Трое повстанцев остались на месте, остальные последовали за снегоходом Малнефоли. Причина осталась загадкой: был ли то их осознанный выбор или даже здесь Малнефоли оставался для них Гивой, неоспоримым авторитетом?

Таллис разогнал снегоход и двинулся следом за ними.

Они приближались к аванпосту, больше похожему на Колизей, детище древних времен правления Тигони. Логично. Мужчины и женщины, сражавшиеся в Клетках, были современными гладиаторами — такими же сильными и беспомощными. Игрушками самых богатых людей планеты.

Игрушками их картелей.

Таллис предпочитал обходные пути и продуманные движения. Мчаться сломя голову в неизвестность было чертовски неправильно, но он ничего не мог с этим поделать. Его рассчитанный на любую погоду костюм казался скопищем вшей на крысиных хвостах. Ему хотелось исчезнуть, но он боролся со своим деструктивным характером и придерживался их курса.

Он должен вырвать Нинн из того ада, на который он ее обрек. И отомстить Солнцу, убедившей его, что годы убийств служили высшему предназначению судеб.

Возможно, тогда он сможет простить себя.

А вот и она.

Нинн из клана Тигони пробиралась сквозь ослепительную белизну, одинокая фигурка в бесконечной ледяной тундре. Дракон спаси его душу, его племянница возвращалась в лабораторию, в которой он передал ее в руки доктора Астера.

Нинн оставалась всего четверть мили до комплекса, когда раздался странный жужжащий звук. Она замедлилась.

Тот же гул раздавался из-под земли под ногами. Она ослепла от снега, легкие горели, шелковая подкладка приклеилась к телу, покрытому потом. Но лишь угрожающая вибрация сумела заставить ее остановиться.

Две пары снегоходов промчались мимо, затем вернулись, описывая широкие симметричные арки. Не считая дара, она была безоружна, но мысль о том, чтобы применить его, вызывала лишь сбой и без того опаленного дыхания. Не от страха. От сильного головокружения. Она могла собрать и усилить энергию окружения, но с каждым разом этот процесс ослаблял ее. Если фигуры на снегоходах владели оружием и были помощниками Астеров, ей придется безумно рискнуть.

Один затормозил в десятке футов от нее. Она напряглась. Все маневры, которым обучил ее Лето, сейчас кружились в мышечной памяти. Они могли попытаться ее пристрелить или вступить с ней в бой. Если они решатся на драку, она победит.

Фигура приподняла очки и отбросила капюшон парки. Яркие светлые волосы засияли в вечернем свете — золотом, медью и бронзой. Он всегда казался выточенным из драгоценного камня созданием, недоступным простым смертным, и синие воды Эгейского моря плескались в его глазах.

— Мэл!

Она рванулась к нему так быстро, что испугалась сшибить его со снегохода. Но он всегда был сильным. Несмотря на былые разногласия, они поймали друг друга в торопливые объятия и обменялись быстрыми объяснениями.

— Лето уже ушел вперед. Нам нужно туда.

— Кто такой Лето? — спросил он, нахмурившись.

— Он... — Она взобралась на сидение снегохода и обхватила кузена за талию. — Больше я не могу сейчас объяснить. Мэл, просто поехали.

Трое остальных выстроились в линию за снегоходом Гивы. Дистанцию, оставшуюся до аванпоста арены, преодолели быстро. Сложно было поверить, что в окружении этих высоких закрытых стен совсем недавно она сама билась с такой надменностью и гордостью. Пойманная в ловушку Улии, она хотела только победы, способа угодить Астерам. Снегоход, прыгающий на ледяных кочках, лишь добавлял печали.

Она сосредоточилась, оставив себе только две мысли.

Спасти Джека. Сохранить Лето.

Это ее важнейшие цели до самого смертного часа.

Что-то застучало вокруг со звуками капель дождя. Ледяные крошки взлетали гейзерами в местах попадания пуль — обычных или светящихся злым напалмом. Одному из водителей пуля попала в грудь. Нинн никогда не узнать, кто это был, мужчина или женщина. Рухнувшее на землю тело вспыхнуло зеленым. Оно будет гореть до тех пор, пока кто-то не прекратит страданий мечом, закаленным в драконьем пламени.

Снегоход, уже бесполезный, запнулся и остановился.

Мэл схватил ее за руки и притянул ближе. Они так склонились вперед, что Нинн сумела перехватить управление. Она почти ничего не видела и могла лишь двигаться

наугад, удерживая снегоход на прямой. Мэл поймал равновесие и вскинул руки. Небо откликнулось молнией. И еще одной. И еще. Он собирал их, словно цветы в букет, а затем метал, как метают дротики.

Мраморная и кирпичная крошка летела на снег. Дым скрывал нанесенные им разрушения. Нинн дрожала, прижавшись к его спине, а новые молнии разрезали вечернее небо.

Автоматы замолкли.

Мэл перехватил управление и остановил снегоход.

Внезапная тишина откликнулась в Нинн почти болью. Она, наверное, говорила слишком громко, когда спросила:

— Откуда ты знал, куда бить?

Мэл поднял очки и кивнул на другого водителя — женщину, стягивающую шлем.

— Индранан. Она показала мне их сознания.

— И ты ей позволил?

Женщина оскалилась, но Мэл вскинул руки. Черты его лица затвердели — Нинн отлично знала его гримасы. Эта говорила, что спор бесполезен.

— Ты бы предпочла, чтобы я бил наугад? И разнес это здание в пыль?

Ее спина затекла, но Нинн сумела сползти с сидения.

— Я теперь помню, кузен. Я вспомнила все.

По крайней мере, это его пробрало. Он резко вздохнул, и узкие губы смягчились от явного сожаления. Благородный Гива. Нервничает.

— Я рад, — тихо ответил он. — Не твоим страданиям, а тому, что ты оказалась свободна.

— Я сражалась за свою свободу. — Другие последовали за ней по дорожке, которую проложил Мэл.

Внутри у нее внезапно заболела голова: мозг пытался приспособиться к резкой смене холода на тепло. Один вдох, и к горлу подкатила волна тошноты. Желудок свело.

Лаборатория.

Она была права. Ох, благой Дракон. Она вернулась в ад.

А это значило, что до Джека осталась лишь пара шагов.

— Пленники или враги, — голос Мэла был властным, но спокойным. Он говорил с Индранан. — Можешь найти хоть кого-то?

Она покачала головой и вдруг содрогнулась так резко, что Нинн успела заметить рябь складок на ее толстой парке.

— Здесь еще один Индранан. Сильнее меня. Максимум, что я могу, это отвлечь ее.

Если в комплексе Астеров не было целого набора прирученных Индранан, то незнакомка обнаружила Улию. Столько счетов мести должны быть оплачены!

Нинн сосредоточилась на главном.

Спасти Джека. Сохранить Лето.

Толпа охранников выскочила из двух коридоров, пересекающихся с уничтоженным углом здания. Еще один Король Дракона в парке — темные волосы прочерчены серебром, странно знакомые черты лица — стянул свою зимнюю одежду. Его спина бугрилась от внутренней силы.

— Гива, тебе половина. Пришла пора показать характер.

Нинн потрясенно смотрела, как этот мужчина мгновенно входит в состояние наивысшей ярости берсерков. Ни оружия. Ни доспеха. Лишь чистая ярость Пендрея, который уже не сдерживается. Он прорвался сквозь охрану в левом коридоре, Мэл

разобрался с правым. Искры молний срывались с кончиков его пальцев, пульсировали по стенам. Она следовала за берсерком — живым торнадо — потому что он продвигался быстрее ее расчетливого кузена.

Незнакомец дернул ее в сторону, и из коридора вылетел очередной шквал напалма. Он двигался почти со скоростью Лето, но без его элегантности, словно дар Пендрей заставлял его слишком злиться на сами законы физики. Часть ее могла быть его родственницей.

Прижавшись к стене, она наблюдала, как незнакомец, на дюйм разминувшись со смертью, сбивает еще двоих из охраны. Отскочив, она подхватила упавшую напалмовую винтовку. Дракон, она не умеет обращаться с подобными штуками. Но ей нужно было что-то помимо кулаков и кинжала. Забавно, такие важные навыки Клеток внезапно спасовали перед умением целиться и стрелять.

— Вперед, — крикнул берсерк.

Она увидела проход между телами и рванулась по коридору дальше, мимо комнат, которые показались знакомыми. Она узнавала места по запаху. Ее не раз таскали по этому коридору, а иногда провозили на каталке. Хирургический амфитеатр справа. Смотровая слева. Дальше мешанина камер, в которых ее привязывали к столам.

Она кричала, звала Джека по имени, хотя логичная женщина на грани ее сознания знала, что злость и отчаянье могут быть только слабостью. Все это было неважно. Звать его по имени и знать, что он может услышать, — вот что имело значение.

Тень на краю поля зрения.

Она обернулась.

Харк успел отбить дуло винтовки куском металлического стола — в тот самый момент, когда Нинн выстрелила. Зеленый костер расцвел на мраморе рядом с его головой. Его глаза широко распахнулись. Быстрый выдох и быстрая же улыбка.

— Чуть не попала. — Он кивнул в сторону длинного коридора. — Догадки, следы? Там?

— Да, — ответила Нинн. — Именно там.

Вооружившись, они с Харком заторопились дальше. Каждый угол одновременно был знаком и сбивал с толку. Боль рикошетом билась в ее тело, каждая комната напоминала о пытках. Она потеряла год своей жизни. Она потеряла мужа. Но, будь на то воля Дракона, она может сохранить сына.

Лампы погасли. Они с Харком резко остановились. То, что раньше раздирало душу, теперь пугало до одури.

— Зажигалочка, — прошептал Харк. — Дай огня.

Нинн вызвала искру. И засияла от чистого электричества.

Живой фонарь, подаренный ей Драконом, чтоб освещать дорогу.

Она сосредоточилась. Сделала два быстрых шага. И увидела в конце коридора Пэт.

Глава 31

Все, чем дорожил Лето, находилось внутри здания, готового вот-вот взорваться.

Он искал снаружи, Тишина держалась позади, пока он не наткнулся на дверь служебного входа, едва заметную в снежном сугробе. Здесь, по крайней мере, не требовалось ничего, кроме грубой силы. У кого-то другого могли онеметь пальцы, но чувствительность не подвела Лето. Он с хрустом и выдохом вынес проклятую дверь.

Этот запах. Лабораторная грязь. Он едва не закашлялся от сильнейшего напоминания о том, как Нинн впервые оказалась на его попечении.

В кладовой он нашел оборудование для ремонта. Трубы. Молотки. Орудия труда человека — идеальное оружие в руках Короля Дракона. Он схватил по одному инструменту в каждую руку, сунул три молотка за пояс доспеха. Улыбаясь, Тишина прихватила парочку и себе. Лето приноровился к хватке, но рукопашная была ерундой по сравнению с взрывом, который мог разрушить здание до фундамента.

— Быстрей.

Он рванулся по коридору, ведущему от служебного входа. Трое охранников рухнули на пол за пару секунд. Тишина замечала каждого, кто обладал сознанием, а он завершал дело. Она была живой тенью. И только призрачно-белые волосы выдавали ее присутствие в полутемных комнатах.

Они вошли в тоннель, который служил здесь главным коридором. Ослепительный свет. Стерильные стены. Вонь страха, почти заглушающая запахи хлора.

— Ты слышишь голоса?

Тишина наклонила голову, черные глаза стали отрешенными. Лето ощутил прикосновение ее дара — она втянула еще немного его сил, и его обостренных чувств, и странного потока неизведанной телепатии. Она моргнула, выходя из транса, и указала пальцем.

Лето кивнул.

— И я так думаю.

Они нашли коридор, такой же безликий, как все остальные, с одним отличием: высота дверей здесь была Лето до пояса. Все они были обшиты металлом. Удар молотка — дверь сорвалась с петель. Лето отшатнулся — не по инерции, из-за вони. Резкий вздох Тишины был убедительней любого крика отвращения.

Внутри комнатушки лежала худая женщина, лет, наверное, тридцати. В следующей оказался крепкий мужчина пятидесяти лет, лишенный как одежды, так и волос. В третьей — еще одна женщина, исполосованная шрамами, рисунок которых напомнил ему о Нинн.

Все жертвы — Короли Дракона. Их не отличали потрясающий оттенок кожи и надменность. Они не были воинами и никогда не сражались бы в Клетке, но все эти загнанные калеки — представители его народа.

Он выламывал двери, а Тишина выводила на свет заключенных. Большинство из них падали, прислонялись к стене, отчаянно моргали. Поговаривали, что доктор Астер заботится о физической форме своих подопытных. Никто из освобожденных не был слишком слаб и мог самостоятельно передвигаться, несмотря на бинты и шины. Но все они казались оглушенными. Некоторые сжимались в комок, словно просторный коридор казался страшнее крошечных металлических камер. Их сломленность заставила его в который раз оценить яростные попытки Нинн защитить себя. Она пришла к нему тверже куска гранита. Эти же растекались лужами непонимания.

Его сердце забилось быстрее возле последней двери. Головка молотка отлетела. Он отшвырнул его в сторону и вынул новый из-за пояса. Скрежет металла. Новый рывок. Мышцы горели, но боль не могла сравниться со страхом в его сердце — найдет он Джека и Пэлл или не успеет.

— Благой Дракон! — раздался шокированный возглас.

Лето обернулся и увидел высокого блондина в теплой

одежде, застывшего в дальнем конце тоннеля. Между ними оказалась Тишина и пара десятков подопытных Астера, на полу. Лето поднял трубу и согнул колени, готовясь защищать освобожденных.

— Кто ты?

— Малнефоли из клана Тигони.

— Благородный Гива, — медленно проговорил Лето.

Теперь он видел их сходство. Нинн и Гива отличались одинаковым совершенством черт. Вот только у этого мужчины не было веснушек Нинн и не было слегка заостренных ушей. Он был чистым Тигони, и происхождение ему шло.

— А ты, должно быть, Лето.

— Да.

Гива жестом указал на пару Королей Дракона, мужчину и женщину, подошедших следом.

— Мы позаботимся об этих людях. Иди. Закончи свою работу.

Лето занялся дверью еще до того, как Гива закончил речь. Следовало сказать им о детонаторе. Но как? Два десятка потерянных лиц были готовы паниковать при малейшей угрозе. Даже если пятеро здоровых Королей Дракона смогут вывести каждого пленника из здания, они все равно окажутся посреди тундры. Без гарантий, что взрыв захватит только лабораторию и арену. Весь подземный комплекс может быть заминирован.

Лучшее, что он мог сделать, — подарить этим людям свободу на все оставшееся им время.

Он сорвал очередную дверь.

Пэлл.

Поначалу он ее не узнал. Он уже не помнил, сколько лет назад в последний раз видел ее лицо. Она лежала на спине, голова была повернута к двери. Под ней была каталка на колесиках. Они просто... перекатили ее сюда, в это подобие гроба.

Лето сражался за эту пародию.

Какая-то часть его до последнего надеялась, что это не так, что это не чистая правда. Но при виде навеки застывшего лица Пэлл он потерял остатки надежды. Астеры были убийцами и лжецами.

Он подавил дрожь в руках, выкатывая сестру в коридор. Погладил ее брови и почти удивился тому, что она выросла в милую юную девушку. Груз, давящий на грудь, не исчез. Ее кожа была теплой, но она не ответила на прикосновение. Она была прекрасна, и она никогда не очнется. Он хотел лишь обеспечить ей комфорт, но теперь — зная, что сделали с Нинн и им самим во время взросления, — он желал ей только здоровья.

Если здание не взлетит на воздух со всеми, кто внутри.

Он поцеловал сестру в лоб. Лицо Тишины излучало сочувствие. Она коснулась двумя пальцами места, которое он поцеловал. И кивнула. Лето вздрогнул в ответ на то, что было безмолвной клятвой.

И пошел дальше. Еще три двери. Еще троих пленников нужно выпустить на свободу. За первой после двери Пэлл дверью оказался маленький мальчик.

Лето застыл.

— Джек?

Мальчишка вскинул голову. У него были глаза Нинн. Та же ясность и тот же ум, но смешанные с огромным страхом.

— Пойдем со мной, Джек. Твоя мама ищет тебя.

Страх, как оказалось, был не единственным сильным чувством. Настороженность, затем злость. С каждой секундой он все больше напоминал ему Нинн.

— Как ее зовут?

— Одри МакЛарен.

— Ее другое имя?

— Она рассказала тебе, правда? Со сказкой на ночь? — Мальчик кивнул. Лето улыбнулся ему в ответ. Он никогда еще не улыбался с такой искренней гордостью.

— Твою маму зовут Нинн из клана Тигони. Сейчас она сжигает дома дотла, чтобы найти тебя.

* * *

Харк осторожно приблизился к Пэт. Нинн с трудом удерживала свой дар от разрушения коридора. Свет стал настолько ярким, что даже мрамор сиял белизной и рассыпал веера искр.

Пэт прислонилась к дальней стене, удерживая руки за спиной. Она казалась маленькой и покорной: словно подросток, внезапно смешавшийся с древней женственностью, выглядывал из ее странных, пронзительных глаз.

— Харк, кто она?

— Предсказательница. — Он казался расслабленным, но Нинн заметила, как согнулись его колени. Он был готов в любой момент рвануться вперед и ударить своим металлическим шаром. — Она разыскала Тишину. «Ищите живое золото» — поверь мне, «живое золото» идеально описывает то, что вы двое творите взглядами. Так мы поняли, что пришла пора действовать.

— Но почему?

— Это касается Чазма. — Он нахмурился. — И еще было что-то о безопасности наших детей.

Нинн вздрогнула.

— Каких детей?

— Всех, — ответила Пэт. — В лабораториях. Я видела, кто может выжить рассудком и телом, а кто не сможет. Затем... принимались решения.

Харк оскалился.

— Доктор Астер не владеет секретом зачатия?

— Нет, но он не прекращает его искать — к несчастью тех, кто очутился здесь. Я выкупила ему время.

— Ты хоть понимаешь, что натворила? — Нинн промчалась по коридору и схватила ее за горло — горло, не искалеченное ошейником. Искры и проблески раскаленного белого света рассыпались от прикосновения к коже. — Ты помогла ему создать бесконечный кошмар.

В зеленых глазах Пэт не было сожаления, хотя она задыхалась.

— Твой Лето многое знает о рабстве. Не он один.

— Где Астер?

— Вертолет.

— Он тебя бросил?

— Я осталась. Мне теперь жить среди призраков. Разве что... — В попытке улыбнуться она обнажила два ряда мелких идеально ровных зубов. — Ты убьешь меня, Нинн из Тигони? Я видела и такой итог.

Ярость Нинн споткнулась о нерешительность. Могла ли она убить женщину, которая не сделала ничего страшнее присутствия рядом с Астером? Она сама поначалу считала Лето бесполезным, безмозглым убийцей. Никто не знал, что вынесла Пэт в попытке спастись и выжить. Она могла быть виновной, как доктор-садист, или невинной, как ребенок, родившийся в Клетках.

Решение принадлежало не Нинн. Только не в присутствии Мэла. Она выдохнула, разжала руки и отпустила женщину. Пэт не вздрогнула и не отстранилась. Лишь наклонила голову, вернув себе прежнюю грацию — текучую, как живая вода.

Темноволосый незнакомый Пендрей, расчистивший путь от охранников, догнал их.

— Если хочешь задушить эту мерзость, давай потащим ее за нами.

— Таллис, — спокойно сказала Пэт. — Как забавно увидеть тебя здесь. Нинн заслуживает права познакомиться до того, как ты снова сбежишь.

Нинн встретилась с ним взглядом. Он вздрогнул. И отвернулся. Странное узнавание прорастало из пор ее кожи, как жуткая быстрорастущая плесень.

— Скажи мне.

Незнакомец сглотнул и впервые встретился с ней глазами. Вскинул голову и подбородок.

— Нинн, твоего отца звали Валлен из клана Пендрей. Он был моим старшим братом. И мой долг перед тобой не выразить словами.

— Ага, но у нас нет времени, — вмешался Харк. — Я Сат, ты помнишь? Краду по чуть-чуть там и тут. Эта зеленоглазая дамочка — предсказатель, а это значит, что я отлично вижу клубы пламени и хорошо прожаренных Королей Дракона. Не знаю почему, но ей кажется, что у этого здания нет будущего. — Его внимание переключилось на стену за спиной Пэт. — И мне не кажется, что из-за Гивы.

Нинн схватила Пэт и оттолкнула туда, где Харк мог прикрыть их обеих импровизированным щитом. Удары молнии разбили подсвеченную белым внутреннюю стену. Мэл прорвался сквозь мрамор и кирпичные блоки, словно те были простой бумагой. Почерневшая дыра в стене была достаточного диаметра, чтобы ее высокий кузен вошел, не пригибая головы.

За ним Лето... обнимающий Джека.

Нинн с воплем вскочила на ноги, сорвав горло. Выхватила своего сына из рук Лето и прижала его к груди. Убрала волосы с его закопченного личика и целовала его снова и снова. Она никак не могла поверить, дрожала, зарывшись носом в его волосы и вдыхая запах, который не заглушала даже лабораторная вонь. Джек. Ее Джек.

— Мальчик мой, маленький, слава Дракону.... — Она выдыхала его имя, как мантру, спасавшую от безумия мыслей о том, что она могла его потерять. Она никогда не узнает его страданий. А он не узнает о ней. Но, возможно, это лишь защитит их обоих от лишней боли.

— А ты говорила мне не поминать Дракона часто, — его голос звучал иначе. Как она могла забыть голос собственного ребенка? Но нет, он действительно изменился. Стал другим, стал неестественно взрослым.

— Есть исключения.

Глаза Джека, так похожие на ее собственные, смотрели остро и сияли от золотого тона.

— Ты мне все потом объяснишь.

— Да, сынок, — сказала она и вздрогнула. Обняла его снова и встретилась взглядом с Лето поверх плеча своего сына. — Спасибо.

Она видела беспокойство в его темных глазах. Они сузились настолько, что ресницы почти что соприкасались.

— В чем дело?

— Это здание. — Он посмотрел на Джека и закрыл глаза. — Заминировано и взорвется.

Нинн вздрогнула, как от ожога. Не только от силы его голоса в мозгу, но и от ужаса, который был порожден сказанным.

— Мы можем уйти. Снегоходы. Сат перехватят твой дар.

Тишина и женщина Индранан со снегохода вошли сквозь дыру в стене. На руках они несли потерявшую сознание женщину. То, как странно моталась ее голова, говорило о том, что она очень долго не пользовалась своими мышцами. Совершенно никакого сопротивления.

— Познакомься с Пэлл, — тихо сказал Лето, помогая им опустить его сестру на пол. — А есть еще десяток таких же, Нинн. Все подопытные Астера. Мы не сможем выбраться... все. Даже с моим даром, не уверен, что справлюсь достаточно быстро. Если Тишина права по поводу детонатора, у нас есть примерно двадцать минут.

— Так вот почему нет охраны? — Она встряхнула головой. — И сирена. Когда она выключилась? Все, кто мог убежать, уже унесли ноги.

— Включая второго телепата, — добавила Индранан.

— Улия?

— Ушла с Астером. — Пэт все еще сидела на куске листового металла, которым Харк заслонял их от разрядов Мэла.

Лето шагнул к ней ближе.

— Мы можем уйти, — прошептал он. Его влажное дыхание коснулось ее губ. Она не знала, говорит ли он вслух или транслирует мысли в сознание. То, что пугало ее в Улии, с Лето казалось приятным. — Ты и я. Джек и Пэлл. Я могу вывести нас четверых. Сат позаботятся о себе сами.

— А остальные? А те, кто пострадал?

Он слегка пожал плечами — равнодушно.

— Я всегда бился за свою семью. — Посмотрев на светловолосого мальчика в объятиях Нинн, он добавил: — К которой относитесь и вы двое.

Сердце Нинн подпрыгнуло к горлу. Ее семья. Новая семья. Безопасность вдали от этого места кошмаров.

Нинн покраснела так, словно попалась на краже. Кожу обдало жаром, а затем обжигающим холодом. Мэл и темноволосый незнакомец. Короли Дракона, которые пришли им на помощь. Даже Пэт и парочка Сат. Не считая мужчин и женщин — и детей, — которые пострадали от рук Астеров.

Она не была предсказательницей, но видела свое будущее.

Нинн потрепала сына по волосам, вздохнула и поцеловала его.

— Бери его. И храни его, как хранил бы меня до конца моих дней.

Мэл вышел вперед, настороженный тем, что Лето растерянно замолчал.

— Нинн, в чем дело?

— Ты знаешь, на что я способна. Я беру энергию из воздуха и делаю ее своей. Я могу ее присвоить. И этот взрыв не исключение.

Она сказала это с уверенностью женщины, которая знает свое место в этом мире. Она всегда завидовала этой уверенности, глядя на Лето в родной для него стихии боя. Теперь она обладала ею сама — не змеей, которую она представляла после предательского влияния Улии. Нет, это была судьба, которой она не могла представить. Она спасла свою семью, спасла дорогих ей Королей Дракона.

— Я тебе не позволю. — Черты Лето исказились от сдержанной, но безбрежной ярости.

Она коснулась его щеки.

— Ты же знаешь, другого способа нет.

— Я тоже останусь, — сказал Мэл. — Я помогу собирать энергию.

— Благородный Гива? Да ни за что. — Она быстро поцеловала его в щеку. — Ты нужен нашему народу. Теперь я это понимаю.

Мэл опустил голову. Она никогда не видела его настолько смиренным, но, возможно, тут сыграло свою роль ее неуклюжее прощение. И она была благодарна возможности сказать это вслух.

Харк двинулся первым. Они с Тишиной подняли Пэлл.

— Двадцать минут — это не так уж много, народ.

— Вон! — В голосе Мэла звучала сила его позиции, подпитанная харизмой и уверенностью, которыми он обладал с детства. — Быстро отсюда! Нам нужно убраться из эпицентра взрыва и вывести наружу как можно больше пленников.

Группа пришла в движение. Нинн проскользнула в дыру искалеченной кирпичной стены. Ей хотелось взять Лето за руку, но его руки были заняты оружием. И профиль был мрачным, когда они побежали бок о бок. Так что она баюкала голову Джека. И вспоминала его вес, ритм его дыхания, дрожь страха — обнимая его сильнее. Времени на объятия у них почти не осталось.

Она всхлипнула сыну в висок.

Она заблуждалась так долго. И теперь обнимала своего мальчика — ребенка, зачатого в любви с ее драгоценным погибшим Калебом, — и продолжала сражаться за него. А это значило, что ей не придется его растить. Осознание раскаленными шипами вонзилось в грудь и дошло до сердца.

Лето зарычал рядом с ней.

— Я знаю, о чем ты думаешь, Нинн, и ты ошибаешься. Он никогда не будет один. И мы с тобой тоже.

Глава 32

— Я должна это сделать, — сказала Нинн сквозь комок в горле. — Ты знаешь, что другого выхода у нас нет. И если случится худшее...

Лицо Лето потемнело от ярости.

— Нет.

— ...то Джек будет в безопасности. Десятки жизней в обмен на одного Короля Дракона? Нас осталось так мало. Мы не можем рисковать столькими жизнями. Другие воины, такие как Вэйл, могли уцелеть в подземелье. Что, если я смогу спасти это место от большей части разрушений? Неважно, как он получал свою информацию и что он с ней делал, но нам необходимо узнать секреты доктора Астера. Скажи, что я ошибаюсь. Скажи, что ошиблась хоть в чем-то.

Лето остановился резко, рывком, и обнял ее за плечи.

— Ты заставила меня видеть тебя, слышать тебя, чувствовать, своим упрямством, Дракон бы его подрал. А теперь ты хочешь меня оставить.

— Я не хочу!

— Я уже видел солнце и снег, но без тебя я навечно останусь бродить в темноте.

Она резко втянула воздух.

Каждая черточка его заострившего лица молила — полные боли глаза, сжатые губы, ноздри, раздувающиеся знакомым ей образом, — и говорила о попытках сдержаться.

— Ты нужна мне, Нинн.

Никогда, ни разу в жизни она и не думала, что может услышать подобное от него. Ее строгого учителя и нежного любовника. Но эти слова говорили о желании вечности. Она бы ответила тем же, без промедления, но сейчас она не могла обещать ему вечность.

Они стояли довольно близко к главному входу, это она помнила. Маленькие двери. Крошечные камеры, в которых держали самых сильных созданий планеты — держали на привязи. Она слышала полные боли звуки и шепотки, полные страха слова, а значит, и Лето их тоже слышал.

Она отпустила затылок Джека и переплела пальцы с Лето.

— Мы нужны им. Им нужен ты. — Лето привлек ее в объятия, и Нинн прижалась к его груди. — Ты нужен мне. — Слезы сдавили горло, мешая ей говорить. — Мне нужно, чтобы ты со мной согласился. Я не могу иначе. Я не могу оставить тебя и Джека, не зная, что вы мной гордитесь. Я погибну в бою, Лето. Все, чему ты меня научил, не пропало зря.

Это он понял. Она видела, как в его глазах, в которых она так долго училась читать, появилась решимость. Он напряженно сглотнул, и она с удивлением поняла, что рада видеть движение его кадыка. Малая радость: видеть его обнаженное горло.

Она коснулась его шеи дрожащими пальцами. Но трепет затронул лишь пальцы, решимость была стальной. Странное спокойствие затопило ее, несмотря на разбитое сердце. Столько жизни, которой она не узнает...

Одной из многих жизней.

— Они все еще в ошейниках, Лето. Они заслужили жизнь, а ты знаешь, каково это — вернуть свой дар и впервые ощутить его прекрасную боль.

Лето склонился к ней и коснулся губами губ.

— Вот это, моя храбрая девочка. Это прекрасная боль.

Моя храбрая девочка.

Его слова стали для нее новой мантрой. Она смогла спасти Джека, но не смогла сохранить Лето — ей осталось лишь его тихое строгое благословение. Еще один поцелуй, в котором она собрала на языке его вкус, и он выпрямился. На нем был все тот же церемониальный доспех. Орнамент оникса придавал ему нереальный вид. Он казался богом. Этот воин, который будет растить ее сына.

Лето развернулся, чтобы отвести остальных на задания, а она провела пальцами по ладони сына. И отпустила его, не решаясь продлить прощание. Джек начал звать ее, тянуться к ней через плечо Лето. Под испуганные, неконтролируемые всхлипы ее сына — плач, который почти заставил ее струсить и отступить, — она наблюдала за их уходом.

Я вернусь к тебе.

Она хотела возразить словам, которые Лето прошептал в ее сознании, но они с Джеком уже скрылись из поля зрения.

Лето подхватил двоих тощих, не сопротивляющихся пациентов и забросил на плечи. Выбежал на пронзительный холод, выругался на пропавшее солнце и снег, которые ему хотелось увидеть снова. Но все это не имело значения. Важны были люди, которых он переносил в безопасное место. Ему должно было хватить скорости. Он способен вытащить всех. И после этого мог спасти Нинн.

Тогда они будут вместе — как настоящая семья, с которой он сможет жить, которую сможет растить, которую сможет любить.

Он отрешился от мыслей и запер их в темноте, в которой когда-то был заперт сам. Перенес двоих пациентов к назначенному месту сбора, которое Гива устроил в двух милях от главной арены. Джек остался там, с дрожащими, шокированными пациентами. Снегоходы тоже мотались с ношей. Сат то и дело хватали кусочки его скорости и делали, что могли. Но в конечном итоге у них оставалось три минуты и пятнадцать человек, которых нужно спасти. Лето проклинал Дракона за то, что шансы не в пользу Нинн.

Его неофит. Его любимая. Женщина, с которой он так хотел прожить остаток свободной жизни.

Еще двое подопытных достигли финальной точки. Число спасенных росло и росло, они сбивались в кучу на снегу, моргая даже от сумерек, но те, кто остался, давящей цифрой жгли его грудь.

— Тишина, Харк, — хватит. Оставайтесь с Джеком и Пэлл. Дайте мне закончить это на полной скорости.

— Я с тобой, — вмешался мужчина по имени Таллис. Даже Лето слышал о Еретике, но знание не распространялось за рамки предвзятого недоверия. — Я сделаю все возможное, чтобы убрать детонатор. Двое в обмен на всех этих людей. Не так уж плохо.

Лето избавился от заряда его мрачного фатализма, помчавшись обратно к зданию. Арена отбрасывала длинные темные тени на то, что осталось от лабораторий.

Он возвращался по коридору смерти. Восемь осталось. Снаружи он слышал гул — два снегохода. Затем мерцание энергии Таллиса и резкий разряд от Гивы — далекий, но достаточно близкий, чтобы сдержать обещание и помочь Нинн.

Еще два пленника на свободе. Лето питал свой проклятый дар отчаяньем и страхом. Время могло отвалить на хрен. Человеческое ругательство подходило как нельзя лучше. Он не откажется от Нинн и, пока дышит, не сдастся врагу.

Даже если этот враг — само время.

* * *

Когда детонатор сработал, Нинн тут же его поймала. Ее оглушило волной жара и боли. Взрывы все продолжались. Цепная реакция.

Ее тело напряглось, разум отключился. Чистый инстинкт, древний, как сам Дракон. Тысячелетия силы, уравновешен

ные тысячелетием жертвенности. Она видела их так же четко, как огненный шторм в коридоре. Сила ударила ее в грудь, как автобус на полной скорости. Она вдохнула, втянула ее в себя, в поры и клетки, в фолликулы своих волос. Она дышала лавой и сотрясалась от бесконечных огненных волн. Легкие плавились. Пальцы ее рук и ног, возможно, уже превратились в пепел: она их не чувствовала.

Но это был ее огонь. Он принадлежал ей. Она была дочерью Дракона. Волна опаляющего жара собиралась перед ней в шар текучего пламени. Крышу лаборатории сорвало прочь, в небо, которое она не могла видеть. Ее контроль над энергией достиг своего предела. Она могла лишь держать ее, фокусировать, направлять вверх.

Сражаться. Все так же сражаться.

Моя храбрая девочка.

Слова Лето заклинали ее, даже когда кожа, казалось, сгорела. Вскоре не выдержат кости и мускулы. Она знала, что почувствует момент своего поражения. Тело стало холодным. Огонь обнял ее, и боль испарилась. Дрожь, неконтролируемая дрожь поглотила ее, безжалостно захлестнула, когда она позвала Лето по имени.

Ее жизнь подходила к концу.

Но нет, боль... исчезла.

— Нинн! Дракон тебя подери. Открой глаза.

Так медленно. В ужасе, что это окажется просто сном. Ей показалось, что она услышала Лето.

Ресницы затрепетали. Она была настолько вне тела, что веки двигались по собственной воле. И наконец раскрылись, позволив увидеть суровое лицо Лето и старый шрам.

— Никуда ты не денешься, — прорычал он. — Я обещал, что вернусь за тобой. Ты меня слышала. Так что не делай меня лжецом, Нинн. Заговори со мной. Давай же.

Горло казалось обуглившейся бумагой. Но сглотнуть удалось. И заговорить тоже.

— Какой... начальник.

Лето сгреб ее в лихорадочные объятия. Сердце его колотилось под ее ухом на скорости, с которой мог двигаться только он. Она так старалась пошевелиться, но почему-то тело не слушалось. Хриплый задушенный выдох огладил теплом ее щеку. Добрым теплом. Тем, что значило безопасность, а не разрушение.

— Где твой доспех? — спросила она.

— Выбросил. Так быстрее.

— Скольких мы потеряли?

— Не знаю.

— Лето, нет! Я могла Продержаться еще немного.

— Lonayip женщина, к протащил тебя сквозь стену чистого огня. Огонь проглотил тебя, как Чазм в свое время Дракона. Нинн, я не мог услышать твои мысли и твой путь. — Он прижался к ней лбом. И только тогда она поняла, что они оба лежат на снегу. Вот почему она чувствует холод.

Его грубые широкие Ладони обняли ее щеки — согрели теплом, пряча от инея и Мороза. — Ты меня слышишь?

Она втянула холодищу воздух в свои обожженные легкие и постаралась зарыться в его тепло

— Я тебя слышу.

— Я не представляю себе жизни без тебя. Я нес тебя на руках и бежал ради жизни. Спасал тебя, чтобы спасти себя. Ты дала мне попробовать жизнь которой я не знал и не мог представить. Для тебя, для меня, для Джека — я делал это все ради нас. Пожертвовал слишком многим, чтобы позволить тебе умереть.

— Но оставшиеся пденники?

Лето тяжело выдохнул.

— Я всегда мог жить с результатами своего выбора.

Он убрал с висков ее слипшиеся волосы, подставляя горячую кожу холодному ветру. Ей нравилось прикосновение холода, оно помогало прийти в себя.

— Но это не значит, что сегодня погибли невинные, — продолжил Лето. — Тот Пендрей почти что справился с детонатором. Харк сказал, что взорвалась половина зарядов. Они с Тишиной нашли оставшихся пациентов в паре сотен метров от аванпоста. Таллиса нигде не было. Он исчез. Даже мятежница Индранан не смогла почувствовать его след.

Она покачала головой, в которой все еще гудело адское пламя, похожее на разъяренного хищника.

— Где Джек?

— С твоим кузеном. Гива помог тебе, как обещал. Принял на себя часть энергии.

— Вот ведь дурак.

— Явно твой родственник.

Все ее тело болело, но ласки Лето начали исцелять ее изнутри.

— Когда-то ты был моим мучителем. Возможно, то самое тяжелое обучение и привело нас сюда. Мы бы не выжили без тебя, Лето. Я никогда бы не знала своей силы.

Нинн не могла больше сдерживаться. Энергия, прошедшая сквозь ее тело, оставила ее пустой оболочкой. Пустой и плоской. Ощущения возвращались — а смешанные с пламенем воспоминания оставались с ней. И очень реальная арктическая ночь не исчезала. Она замерзла так, что зубы выбивали дробь. Но радость грела ее изнутри. Она победила собственный страх, и с помощью всех Пяти кланов она помогла спасти три десятка Королей Дракона от доктора Астера.

Слезы на щеках, скатываясь, превращались в льдинки, а Лето снимал их поцелуями.

— Вот, — раздался знакомый голос. — Кажется, этот молодой человек принадлежит вам.

Из-за надежной защиты груди Лето Нинн рассмотрела Малнефоли, опустившегося на колени в снег. Джек спрыгнул с его рук и бросился к матери. Лето сгреб в объятия их обоих. Нинн больше не сдерживала всхлипов благодарности и восхищения.

Хотя Астер и ведьма Индранан сбежали с поля боя, но будет и новый день.

В эту минуту Нинн была целиком поглощена тем, что возносила молитву Дракону за каждый вздох, разделенный с ее семьей.

— Я связался с внешним миром, как бы смешно это ни звучало, — сказал Мэл. — Кому нужны Индранан, когда у нас есть спутниковые телефоны?

Он выглядел обессиленным. Уверенным, надежным, но измотавшимся.

— Спасательные вертолеты будут здесь через час. Потом обыщем остатки подземного комплекса в поисках выживших.

— А Пэт?

— Она теперь под моей защитой. Под моим присмотром. Смотря что покажется всем приемлемым. — Он натянуто улыбнулся и развернулся, чтобы оставить их наедине.

— Мэл? Кто был тот мужчина? Он назвался младшим братом моего отца.

Благородный Гива остановился, не поворачиваясь лицом.

— Таллис из клана Пендрей. Еретик. И да, твой дядя. Однажды я расскажу тебе обо всех грехах, в которых он мне признался. — Он оглянулся через плечо, и в его глазах расцвели молнии. — Но не сегодня. Наслаждайся обретенной семьей, кузина.

Он вернулся к людям, которые в нем нуждались — нуждались как никогда, особенно теперь, когда сила одного из картелей обратилась в прах.

Нинн совершенно запуталась, но последовала совету Мэла. Она была в безопасности. Лето целовал ее в лоб, и она могла поклясться, что слышит, как он шепчет благодарственные молитвы на древнем языке их народов.

Четыре снегохода притормозили рядом. Двое безликих Королей Дракона кивнули им на прощание и погнали свои машины во тьму. Только Харк остался улыбаться с привычной неуместной веселостью.

— Тут мы с мятежниками расходимся, — сказал он. — У нас есть идол, которого нужно вернуть в наш клан, и пара сородичей по пути, которым неплохо бы снять ошейник. Звучит слишком уж благородно для пакостного меня, но я уж переживу. И авторитетно заявляю, что мы еще с вами увидимся — где-то в промежутке между сейчас и нашим возвращением к правлению Сат. Разве не милое единение? В Египте, по крайней мере, теплее.

Он дернул подбородком в сторону напарницы, приглашая ее говорить.

Тишина улыбнулась Нинн и двум главным мужчинам в ее жизни — один из которых едва начал становиться мужчиной, а второй был покрыт шрамами, но оставался новичком в этом мире.

— Всего вам хорошего, друзья.

И они растворились в ночи, остались лишь неподвижность и звезды. Лето помог Нинн подняться и проводил ее к дрожащему скопищу тел. Лето опустился рядом с Пэлл, коснулся ее щеки.

— Джек, посиди с моей сестрой, пожалуйста. Ее зовут Пэлл. И вы оба замерзли.

— Все в порядке, — сказала Нинн Джеку с уверенностью и спокойствием. — Я здесь. И я больше никуда от тебя не уйду.

Джек обнял ее за шею, поцеловал — туда, где больше не было ошейника и она могла ощутить его маленькую благодарность.

— Я люблю тебя, мама.

Она сглотнула слезы, когда сын спрыгнул с ее рук и лег возле неподвижного тела Пэлл. Забрался под самодельное одеяло, которое было покрывалом с ее каталки. То, что она выжила и возможность снова соединиться с Джеком, не говоря уже о любви Лето, Нинн считала истинным чудом. Раньше у Пэлл не было будущего, она умерла бы в лабораториях. Возможно, теперь...

Лето устроился за спиной Нинн, обхватил ее ногами. Они уже когда-то сидели в подобной позе. Она обожала безопасность и властный вес его рук, обнимавших ее тело. Откинувшись на его грудь, она смогла опереться на мужчину, с которым ее свел ад и с которым понадобится не один год в попытках найти понимание. Но Лето был тем, кто поддержит ее сквозь все эти годы.

Обернувшись через плечо, она прошептала:

— Я люблю тебя, Лето. Я рада, что ты пришел за мной. Я могла бы выложиться до конца, но у меня не было на это права. Это значило бы пожертвовать и тобой, и Джеком — вашим счастьем.

Он наклонился и поцеловал ее. Нежно вначале, но затем с нарастающим жаром от осознания того, что они выжили. Вместе.

Его руки были ее убежищем. Его сердце было ее домом. Его душа была сокровищем, которое она и не мечтала найти. Пусть она не в силах была исправить то, что было потеряно, но она могла посмотреть в будущее и увидеть годы, наполненные невероятным счастьем.

Язык Лето сплетался с ее языком. Страсть и сила. Сладость и пот. Целый свет и нечто большее.

— Я люблю тебя, — сказал он глубоким, хриплым голосом. — Будь моей. Будь моей...

Далекий шум лопастей вертолета дал ей новый виток надежды, и Нинн улыбнулась в его губы.

— Всегда, мой воин. Что бы ни уготовило нам будущее.